

Последний день может стать первым

книга II

Тени прошлого – тени будущего

часть II

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов, всегда обращается против него самого.
Фридрих Энгельс

Свобода – осознанное соотношение потребностей с действительностью. Как правило, об этом не думают, не зная никаких ограничений, равно как, не зная ничего, кроме них.
Фридрих Айнер

Из кусочков прошлого складывается цельное будущее, как мы складываемся из кусочков съеденной пищи.
Кот (украдено у Фридриха Айнера)

Тени прошлого и тени будущего сталкивает настоящее. Тени будущего станут будущим только тогда, когда пройдут через тени прошлого.
Крысы – все сразу (источник – крысиные догмы)

(Ларс Стикк – командир первого взвода десятой роты третьего полка штурмового подразделения А2 шестой армии AVRГ. Уровень – N4, личный номер – 6056. Отчет в ментальном формате)

Запись №21 00 00 000 00:00

Я с трудом не пускаю в голову мертвого взводного командира, который постоянно бродит где-то около моих мыслей... Но к его ошейнику я уже притерпелся, и его мысли отступают назад, уходят куда-то за спину, за мои мысли. Только все равно никак не могу остановить его отчет, он продолжает пугать меня мрачностью. Еще и... Крыс становится все больше и больше... Офицеры первого поколения берут командование над крысиными батальонами... Крысы везде... Но Айнеру они нужны – все... Он посылает за ними колонны запрограммированных транспортов в Шаттенберг, забирает их со всех окрестных укреплений... Он дает им очень сложные для них задания... а крысы отдают ему жизни, стараясь их исполнить. А мне становится все страшнее и страшнее... Я, кажется, что-то начинаю понимать. А всегда очень страшно... всегда, когда все рушится. Я ведь еще не верил, что это на самом деле происходит, что мы – гибнем... Я и теперь это не до конца понимаю... Надеюсь, что до конца этого так и не пойму. Мы с невестой надеемся, что март все же наступит, и мы станем мужем и женой.

Я не стал прятаться от Айнера под столом, хоть он чуть не смахнул меня, расчищая поверхность для карт. Но карты его виртуальны – я им особо так не мешаю. Так что Айнер продолжил вносить в них поправки по последним данным крысиной разведки, оставив меня в покое. Нет! Не в покое! Я очень нервничаю! Но это не важно – мы все очень нервничаем, ведь данные разведки все ужасней и ужасней... Крысы не нашли почти ничего исправного из того, что было нужно Айнеру. А самое страшное – Айнер еще не знает, что с этой неисправной техникой делать, и что вообще делать! Крысы уже начали чинить по указаниям “защитника” оборудование химиков и биохимиков, нужное для деактиваций и коррекций. Хоть и с трудом, с грубой работой они справятся. Но это ни к чему, если не определить, что не в порядке с химическими и биохимическими соединениями и что сделать для того, чтобы им порядок вернуть. А главное – все

это ни к чему, если не перекрыть утечки химических... химических... не знаю, в общем. А еще главное – нужно перекрыть излучение тех жутких шахт, хранящих энергию звезд. Это самые скверные могильники, с которыми ни Айнер, ни “защитник” ничего сделать не могут... Айнер, конечно, быстро всех построил и нагрузил делами, но больше он пока ничего сделать не может... Среди руин системы ему достаточно энергии не достать... И времени им с “защитником” для получения необходимой информации не хватает – знания “драконов” с трудом поддаются обработке даже для высшей технической боевой единицы, они слишком сложны даже для машины D40. Если бы Герф с Владом знали, как нам нужен их “справочник дезертира”... Я понимаю, как он нам нужен, хоть обычно я ничего не понимаю, но сейчас... Только я не знаю, сделали они его вообще или нет... Я обязан узнать это... Тогда я помогу Айнеру и всем нам... И тогда я прославлюсь в веках... Нет, я не должен думать об этом сейчас... Тогда я – выживу. Вот о чем я должен сейчас думать. Я – выживу. И все остальные – выживут.

– D40, ты разобрался в кодировках? На моих картах этих объектов нет, а они нам нужны.

– Я найду их сейчас.

Айнер погрузился в новые карты, ища и проверяя все, что только можно.

– Эти планы были разработаны стандартно для всех трех держав – они все однотипны. Видишь наш объект?

– Да, S9. на всех объектах защита три уровня.

– На нашем неисправен один – надо подключить хоть еще один.

– Это будет непросто.

– Не проще и не сложнее, как в каждой операции A1.

– Постараемся с этим разделаться поскорее. Здесь центр управления вынесен за пределы объекта – надо его подорвать, чтоб все системы подключились, как и положено при авариях. Я считаю риск оправданным. Нужно перепрограммировать “белого медведя” Ивартэна и вывести на орбиту. Тогда удар будет точен – излучение не повредит его мозгу.

– Точно. Отзывай всех в Штрауб, и идем.

Мне не закрыли линии ментальных передач, и я все слышал. Я не претендую на поход с Айнером и андроидом. Мне страшно! Мя-уу! Мы с невестой, прижавшись друг к другу дрожим мелкой дрожью. До нас все-таки дошло, как все серьезно. Как же нам это пережить... Правда, крысы очень спокойны – ждут достойной смерти... И чего у них в головах? Ускорили возведение монумента с именами Героев Великой Войны, и все... Мы все чего-то ждем в жутком напряжении.

Вот дрогнули стены, и по городу раскатилась ударная волна... Мы с невестой вжались в стол, но больше ничего не происходит. Мы с крысами ринулись на улицу, а там... Звезда исчезла! Больше не полыхает над Штраубом! Это радость и братание со всеми, кто остался, – с крысами то есть! Первая угроза позади, теперь надо думать, как справиться со второй.

Запись №22 00 00 000 00:00

11. 04. 205 год Новой Техно-Эры 13:00

Платформы подъемников разошлись – поднимаемся по пустым шахтам тремя колоннами. Тоннели перекрыты – мы над землей полетим. С воздуха нас прикроют, только близко к границе “оккупированных” территорий все равно подходить сложно будет – над Анлагеном небо беспокойное, а ближе к Альвэнхайму – чужое. А мы именно в пограничную зону курс держим. И, похоже, нужно быть готовыми к пересечению границ. Наводки есть, но не точные – радиус поиска широкий. Цель уходит от вражеских воздушных патрулей, скрываясь и от нашей техники. Эти дезертиры используют как укрытие пустую подземную базу – перекрытый переход тоннелей от мощных укреплений шестое-Хантэрхайм, первое-Альвэнхайм. Значит, и переход укреплен. А хорошо это лишь для обороны. Будем по нему сутками бродить, до того, как всех перебьем. Бойцы опытные – знают, что меж разрушенных подземных уровней нам быстро не пройти. Но и им не проще пройти будет. Эти руины одним руггером пригодны.

Мы с Владом не одну эту жуткую зверюгу из норы выбили. Теперь, после этого, людей мы с ним точно вышибем хоть из чертовой бездны, только... Не наше это дело – убивать. Мы – воины, мы уничтожаем. Мы честно и открыто идем в бой – с врагом. А тут... Сломанные бойцы, которые нападать и не помышляют – лишь обломки жизни защищают... Отчаянье – этого достаточно, чтобы бойцы были списаны системой. Но ничем, видимым мне, их отчаянье никому, кроме них, ущерб не нанесло. Мне разницы не видно, что их уничтожит, – системные власти или враг, сейчас это произойдет или позже – их уничтожит отчаянье. Может, они и смогут жить иначе, чем мы, но нам до этого дела, вроде, нет никакого. Мы продумали оборону системы от поломанных людей до того тонко и точно, что у нас нет нужды искать и истреблять беглых, преследуя их, нападая на них, тратя силы. Не важно ведь, считают себя дезертиры врагами системы или нет, – на деле системе они ничего не сделают, а их вредительские помыслы – просто мысли, просто мечты. Будь они мародеры, грабящие брошенные объекты, разоренные бойцами системы или разрушенные врагом, будь они охотники, бьющие злобных диких зверей, не проходящих коррекций и не поддающихся контролю, – никому они угрожать не будут. Никому они не нужны – дезертиры... ни бойцам системы, ни врагам. Так что я это истребление считаю – не битвой на войне, а убоем на бойне... тупым убийством – делом мясников, безуданно требующих добычи, а не воинов, обдуманно достигающих власти.

А если бы бойцы службы безопасности постарались... Блокировать систему могли бы так, что никому бы не уйти от них. И нечего было бы бить их здесь, на вражеских территориях. Их такими силами бить у нас вообще необходимости нет... Нет, не ясно мне это. Это как-то тупо кажется... Только я знаю, что это только кажется, что делают это намеренно. И, скорей, намеренье здесь не одно и не простое. Я не знаю, что на шестой базе Хантэрхайма происходит, но Тишинский ввел войска – его карателей и ликвидаторов на шестой базе теперь не счесть, и мне не ясно, отчего их работу теперь выполняем мы... Специально ведь все это. Страшно подумать, что нас такими задачами испытывают, что нас так проверяют... А еще страшнее, что это предвестие жестоких чисток – среди нас, бойцов армий Хантэрхайма... Я уже начинаю что-то соображать, до чего-то догадываться... И теперь стылый ветер бьет мне в лицо с моим проснувшимся негодованием, пробуждая для... Нет, не знаю... Нет, я не знаю, как сможет Стикк убить старого соратника, как смогут каратели после этого не убить Стикка... Зато я уже понял, что Влад об этом уже подумал... Я решил, что, что бы ни было, капитан Березов будет убит мной. А если этого не сделаю я – сделает Влад, несмотря на всю неприязнь к нашему командиру. Стикк ведь сделает все, стараясь не допустить гибели старого друга, я знаю. А Березов должен быть убит – обязательно, я знаю и это. И я уже не надеюсь, что Айнер что-то сделает, как-то иначе решит задачу – он этот приказ исполнит точно. Здесь у него выбора нет... Злая досада бьет в лицо все сильнее и яростнее вместе со звереющим ветром, вихрящимся в шахтах подъемников, но я только сжимаю крепче зубы, терпя...

Поднялись на ледник, и свет ударил по затемнителю. Кругом белое безмолвие – здесь нет ничего. Стикк правду сказал – ничего здесь нет. Только дух сшибает и дыхание перебивает этой немой слепотой. Нет даже границ между землей и небом. Откуда светит солнце тоже не ясно – сияет все... вернее, ничто. Верх от низа я отличаю лишь по показателям на панели управления “стрелы”, рванувшей вперед с предельной скоростью, до боли сжавшей сердце при резком ускорении. И направление я потерял бы сразу, если бы не навигаторы “стрелы”. Мы перешли на предельную скорость сразу, как только покинули тоннели. Поле стрелы закрывает меня, но сухой мороз все ж сжал меня тисками. Я просто давлюсь этим холодом, мешающим вдохнуть. Стараюсь не думать об этой белой пустоте, не смотреть... Смотрю только на бесчисленные показатели на панели управления. Территории заражены в пределах устойчивости. Скан чист, как снег. Я перепроверил показатели и схемы... и еще перепроверил... Нет, ничего.

Здесь хуже, чем в карцере – в карцере хоть что-то есть. Айнер сделал из нас нелегкую добычу – никого в поле видимости нет. Есть только ментальный сигнал. Но линию здесь открыть даже нам смелости не хватает – особенно тому, кого не видишь. Жуткое это место...

Прогнать из мыслей эту замерзшую пустоту оказалось еще сложнее, чем мне казалось. Похоже, противостоять засвеченному леднику способно только то, о чем я бы и под пыткой думать не стал.

Я проходил испытание пустотой. Но это ничто хуже того, что было проекцией виртуальных полей. То было обычное ничто – без ощущений, но и без угроз. А это – реальное и угрожает. Здесь все забирает холод. Никогда не думал, что не видеть в темноте не так страшно, как не видеть в свете... И не слышу я не из-за тишины – я оглох от звона... Мои руки не находят опоры не потому, что опоры нет, – мои руки отморожены... Холод забирает и мои мысли... Нет, здесь мы не просто теряем жизнь – временно и частично, еще способные найти, вернуть – здесь мы просто гибнем – совсем, без возврата и без надежды. Я закрыл глаза...

Теперь пропал и озноб. Но машины нам тепло не дадут. Здесь высокой термоактивности быть не должно. Здесь наши жизни зависят лишь от скорости. Мы снижаем и уровень ментальной активности. Открывать линии без крайней нужды запрещено. Но я решил открыть контакт со “стрелой”...

– Сколько времени человек с обычным снаряжением на леднике сейчас продержаться сможет?

– При стандартном снаряжении – пятнадцать минут.

– Но те дезертиры...

– Без техники ни один человек не простоит.

Рискуют они запредельно... Ведь их техника частично выведена из строя – иначе им машину не подчинить... Но ради чего они делают это? Ради жизни? Нет. Ледник беспощаден – ему враг каждый чужой. А чужой ему каждый, не промерзший до костей. Но дезертиры бегут к нему от системы... Бегут при угрозе скорой гибели от *них* и от карателей, чтобы погибнуть здесь... А сроки уничтожения ледником точно не отодвинуты... Мы вообще сутки жизнью уже не считаем... Правда, дезертиры повреждены – жизнь для них может быть дороже положенного... Но не в этом дело... Есть еще что-то... Должно быть...

– Тем дезертирам... Им доступ к энергии и нами, и врагом обрублен. И технику они подчинить не могут. Они здесь больше месяца не протянут...

– Так точно.

– А долететь до Ясного... Если у них и есть “стрелы” с выжженным мозгом – навигаторы не работают... При этом сиянии и звезд толком не видно. Тут ориентиров нет.

– Так точно.

– Это безумие...

– Так точно.

– Но ведь цель... Должна быть цель... Жизнь. И что-то дороже жизни... Что-то, что стоит выбора мучительной гибели в этой ледяной пустоте взамен простой смерти, данной системой...

– Это поломки нейросистемы.

– Они ищут свободу... И это дает им простую неотягощенную смерть здесь – в пустоте. Этот замерзший простор перестает для них быть пустотой, а становится для них пустотой наш порядок...

– Это поломки.

– Ясно, что поломки... Они продолжают подчиняться и сопротивляться – только не нашему порядку, а этому...

– Это смещение понятий о свободе.

– Ясно... Обозначь мне цель операции.

– Карательное действие.

– Это приказ – не цель.

– Цель – исполнить приказ.

– А черт с тобой...

Я и без “стрелы” уже понял, что дезертиры эти попали под руку кому-то, как и мы... и бойцы службы безопасности... Нет, нас не стравят и кровью не повяжут – нам другую силу покажут. Мы, похоже, только думаем, что наше оружие направляем мы... А что-то и нашу честь, и долг в кулаке сжимает. Пришло время, когда мы приказы без хоть каких-то разъяснений исполнять обязаны. Мы, ответственные за нашу силу, перестанем ответ держать – передадим офицерам и волю, и разум. А это значит, что простой человеческой силой порядок уже не удержать. А это значит – дело дрянь.

Односторонний контроль обычно вводят при скверных обстоятельствах, и приводит он часто к чему-то скверному...

Озноб покинул мое тело, но еще бьет мысли. Дошло вдруг, что Айнер не по ерунде зол был... что он уже с другой ступени мне в глаза смотрел... Мы будем убивать. Убивать наших людей – тех, кого не знаем, друзей, соратников и командиров... Мы будем знать, что их разум сбоят под стимуляторами, под жесткими лучами – и убивать их. Тех, кого еще сутки назад не считали виновными – тех, кого брали под контроль, тех кого могли починить...

Это не просто карательная операция... Это операция – показательная. К нам требования возрастут резко, и обязанности наши возведут в большую степень скоро. А дойти до нас это быстро должно – без сопротивления, без возражений. Тут без удара по голове не обойтись... Этот бой нас с виртуального поля на реальное переставит... До этого мы наших поломанных бойцов убивали только на виртуальных полях... Это покажет нам неизбежность кары системы за ослабление сил. Единственное, чему мы должны теперь противостоять – пределу наших сил. Мы должны погибнуть в бою – и погибаем. Под стимуляторами мы, под жесткими лучами – не важно – враг должен быть уничтожен нами. Но теперь мы не будем знать его в лицо – им будет тот, на кого нам укажут. Но это еще ничего... Если мы будем смотреть в лицо не врагу, то системе. Только лицо системы – лицо того, кто теперь не человек... А служим мы человеку, которому принесли присягу... Но точно мы не знаем, был ли он еще человеком, когда призвал нас к присяге... Черт... Мы знаем, что воюем с машинами, но не знаем машине мы служим или нет...

Меня начинают угнетать эти мысли, как гнетут они уже давно всех, кто летает по этому холодному ветру. Только, что бы я ни думал, значения это теперь, видимо, не имеет. Чтобы обезоружить нас, Айнеру пришлось отобрать у нас оружие. А Снегову достаточно обезоружить одни наши мысли... Ему служит и этот ледник... Белое безмолвие призвано им, чтобы доходчиво объяснить нам, что никому – ни живым, ни мертвым – не покинуть Хантэрхайм иначе, чем по приказу Его Одного.

– Ты знаешь, что эти дезертиры будут драться, как звери, а мы – как машины. Они будут защищать, мы – нападать.

– Защитники мы – не они.

– Мы защищаем Хантэрхайм, они – собственные жизни.

– Значения уравниены.

– Были бы уравниены, если бы мы точно знали, от какой угрозы мы защищаем Хантэрхайм – если бы могли точно оценить угрозу. Ответь мне.

– Открытой информации нет.

– Я знаю, что что-то будет. Что будет?

– Нет информации.

– Закон о сопротивлении при применении силы работает всегда... Он сработает и сейчас, с ними...

– Это закон.

– Значит, он сработает и после – с нами.

– Схемы действий и противодействий рассчитаны.

– С учетом погрешностей.

– Расчет точен.

– А причины точны?

– Приказы точны. Порядок должен быть установлен силовыми методами при неэффективности других средств.

– Зло наступает быстрее эпидемий. И его распространение остановить труднее. А страх еще опаснее.

– Опасен лишь бездумный бесконтрольный страх.

Да, верно все... Просто я в таких вещах не разбираюсь. И черт с ними. Долгие сомнения не для нас – это нашей сущности претит. Я знаю, что сейчас любое послабление чревато тяжелыми последствиями – этого достаточно. А понять, кто прав, вряд ли вообще смогу. Наверное, никогда об этом и не узнаю. Все дороги ведут к Ивартэну. А которую выберут – не мне решать. Я твердо

знаю лишь одно – выбор падет на одну из двух развилок дальнейших действий. А приведут они к противоположным или одинаковым результатам – мне не узнать. Этого и время не покажет. Если и будет что – только домыслы, завел бы отвергнутый вариант в глушь или в ясность.

Я толком ничего не вижу, но на карте ледник впереди вздыблен разломанной стеной – направление на ущелье задано. Летим довольно низко – судя по скану: я до сих пор не могу без него определить, где кончается воздух и начинается лед. Только один раз спустились ниже, и поземку подняли – вернее, настоящую пургу. Летим к разлому, но теней нет – ничего нет. Это отраженный свет – я еще не ослеп. Идем на сближение. Теперь “стрелы” я вижу, хоть и не четко. Машины, как гончие, несутся над бескрайними снегами. Мы загоняем людей...

У них нет шансов – если проводят серьезную операцию по ликвидации, куда бы они не бежали, у них нет шансов. Если есть приказ, они не укроются от нас и на “оккупированных” территориях. Далеко на их земли зайти никто не может, но иногда кому-то удается уклониться от их патрулей, и скрыться в пограничных зонах. Так, если есть приказ, мы и там загоняем тех, кто нужен правосудию настолько, чтобы гнаться за ними через самую бездну.

Я знаю, что эти люди не могут представлять для нас физическую угрозу – у них нет доступа к ресурсам, у них нет ничего... Они не могут даже подойти к нашим функционирующим объектам. Я не должен ставить себя на их место, но я представляю как это – быть потерянным в этих ледяных пустынях, быть мертвым, когда ты еще жив... Они хотят того же, что и мы – ими движут желание жить и страх смерти. Но эти люди, убежденные в своей правоте, подставились под лучи теней Скара, ради нашего будущего. И теперь мы загнали их в угол... Это отчаянные люди, которым больше нечего терять...

Вот от этого всего воздух и звенит – кажется, что все спокойно, а идет война, к которой мы уже привыкли, кажется, что все спокойно, но мы не знаем выживем ли вообще, кажется, что все спокойно, а начинаются внутренние зачистки. Люди снова начинают уничтожать людей. Только не сейчас... Раскол довел нас до войны, он же довел чуть не до полного краха – этого не должно повториться. Только не сейчас...

“Стрела” еще прибавила скорость... Солнце отражается в ледяной корке, покрывающей свежий снег крупными кристаллами. Изрезанные ледником равнины Хантэрхайма остались позади – впереди обледеневшие каменные сколы. Мы летим очень быстро – ледниковые пики сливаются в сияющие полосы. “Стрела” следит за маршрутом, и я не сосредоточиваюсь на маневрах...

В голове появилась схема расположения. База укрыта так, что я ее и не заметил, пока на карте не увидел. Мы перестраиваемся. Разделились – будем базу блокировать со всех входов.

“Стрела” притормаживает... Мы заходим в самом гиблом месте: с севера, на самой границе “оккупированных” территорий.

Вход не заблокирован, но замерз – пришлось дробить лед... “Стрела” уже сняла поле, и пока машины расчистили врата – я окончательно окоченел. Подъемник не работает. Спускаемся под землю по шахте – платформа встала на минус четвертом уровне. Все отключенные сектора, все объекты открыты – нам не пришлось размыкать ни одни врата...

После зачисток базу не восстанавливали, а оставили как есть, дезактивировали и закрыли. Энергосистема вырублена – не знаю, работает ли она еще... Вместо уничтоженных центров управления здесь поставили командные пункты...

Я с трудом перенес ногу через седло – колено не гнется, просто примерзло к упору. Машины останутся на стоянке – пойдем пешком. Ментальной активности нет. Наводок как таковых тоже нет.

– “Защитники” на позиции! Остальные со мной! Все на связи! За схемами следите! Теперь врагам системы деваться некуда! Только не забывайте, что для них мы тоже враги системы, да и не только для них! *Они* тоже рядом!

Айнер самодовольно скривил рот, пошел вперед... Тьма непроглядная – даже фонари далеко не пробивают. От наших шагов поднимается пылевой дымок. Никто ничего не говорит... Тихо до звона в ушах – даже наши шаги какие-то крадущиеся, приглушенные – это из-за пыли. Стикк снял шлем – напряженно всматривается в перспективу коридора, словно ждет, что из-за перекрытий и

опор вот-вот выступят призраки его старых знакомых... Мы встретились с ним на секунду взглядом, и морозец пробежал по позвоночнику...

Командный пункт залил отраженный панелями свет наших фонарей, а коридор провалился во мрак, как будто его и не было. Ждем возле входа – здесь нет огневых точек открытых с расстояния за пределами ментального восприятия. Унхай разбирается с компьютером – снял шлем, и мерзлый воздух забирает тепло его дыхания, рассеивая облаками пара... Лейтенант обосновался в командирском кресле – скрестив на груди руки, наблюдает за тем, как его “спутник” загружает энергосистему...

– S9, энергосистема активирована.

Зажегся свет, но темнота только поблекла – не все работает.

– Унхай, загружай компьютер на ментальное обнаружение и связь проверь, сенсоры протестируй...

– Сетевая связь есть. Поврежденные сенсоры помечены на карте.

Для подключения всей базы доступ есть только у лейтенанта. Он уже развернул мониторы, вошел в систему компьютера второго порядка. Через центр базы он активирует все автономные объекты. По картам секторов расплзается синий свет, но остаются и черные дыры... “Спутник” составляет по ним график...

– S9, на базе есть слепые зоны. Объекты полностью отключены – управляющие компьютеры уничтожены. Людей в радиусе восприятия нет.

– Замечательно – теперь все ясно. С ними их капитан – уже понятно, что опытный человек, только ему нас не провести... Слепые объекты останутся открытыми, он не имеет доступа к системам базы, его люди смогут перемещаться только по ним... Ко входам они уже подходить не будут – не выйдут из слепых зон. Никуда они теперь не денутся.

– S9, из слепых зон есть выход на поверхность.

– Да... Раскинули паутину по всей базе... Отвлекают – какие-то объекты чистые будут. Думаю, как раз эти на выходах – они нас рассредоточить хотят, полагают, что в слепые зоны на переходах мы больше людей кинем, а пока они будут растяжки дезактивировать, нас на других объектах перебьют. Вряд ли у них энергии хватит, чтобы всю базу подорвать, но наша задача – заставить их спустить как можно больше зарядов до того, как они поймут, насколько их дела плохи. А вот интересное местечко они себе приготовили...

Айнер откинулся в кресле и всматривается в потолок – схемы составляет. Влад тем временем бесстыдно уставился на монитор...

– Зачем? Это не для нас.

– Герф, если нас отсюда не выперли, и монитор не свернули – это для всех.

Меня объяснение устроило – тоже рассматриваю картинку... Стикк положил руку мне на плечо...

– Герф, Лесовский, они не плохо сработали, но у нас лейтенант S9. Не смогут они его обмануть, даже если уверены в обратном. Но учтите, что они готовы пойти на любой риск – рано расслабляться.

Иногда мне кажется, что некоторые люди могут читать мысли, хоть это и невозможно, если они на тебя не направлены, а мы с Владом Стикку дублированной линии не делали.

Унхай переключается по всем выходам с базы...

– Лейтенант, они не могли покинуть базу?

– Нет, Унхай – на земле их разведчики сразу обнаружат, а все тоннели заблокированы. Мы их нашли, и им деваться некуда.

Дезертиры все так продумали, что у нас не будет наводок из центра управления. Они затаились в слепых зонах, и не выдадут себя, пока мы не войдем в радиус восприятия. Но за километр мы их в любом случае обнаружим... На что они рассчитывают?.. Думают, перебить нас поодиночке, ну это ясно, а дальше?.. Собираются рвануть через границу? Или затаиться здесь?..

– Хорн!

– Здесь, лейтенант.

– Вот здесь и останешься.

– Да.

– Стикк на контроле. Унхай со своими бойцами со мной. Остальные на минус третий уровень по техническим помещениям. Все – пошли.

Памятуя Штрауб, переглянулись с Лесовским – чтобы наш лейтенант вот так с нами бегал, да еще и по самым сложным участкам – никогда. Айнеру просто не сидится в центре управления, хотя контроль – его прямая обязанность. Но человек S9 может себе позволить и беготню по скверным маршрутам, и контроль всей операции одновременно. А вообще не правильно это – человека S9 срезать не всякий может, только всякое бывает... Но что мне – нам-то он на месте здорово помогает. Его, как Стикка все терпеть не могут, под недоверие ставят, а как серьезно дело, так доверяют.

Сосредотачиваюсь – подходим к открытым воротам слепой зоны. В голове что-то переключилось, и мир собрался в точку концентрации – ментальная активность, цель. Тихо, неровный, нездоровый тусклый свет обрубается каркасом открытых ворот, а дальше совсем темно. Кажется, что сейчас Айнер влетит в эту черную трубу, вслед за холодным сквозняком... Но он резко остановился на границе света, распахнутая шинель по инерции метнулась в темноту тоннеля, но он перебил полы рукой.

– Унхай! Растяжки!

– Растяжка метров на двести, лейтенант. Лучи тонкие, но пройти сложно будет.

– Вот сволочи! Накрутили тут!.. Деактивировать ее можно только с конца.

Унхай просвечивает растяжку, и нерв на щеке начинает сводить...

– Лейтенант... Это не простая растяжка.

– “Растяжка смертников”.

– Подключена к энергоблоку. Если луч заденем, взрыв будет мощный.

Лейтенант бросил шинель на пол – снимает даже перчатки...

– Ничего, пройдем. На середине откроется зона восприятия, и они успеют выйти на огневую точку, пока мы будем растяжку проходить – они нас по одному хотят перебить, так что пойдем быстро. Пока мы в растяжке будем – они стрелять не будут, подождут, чтобы лучи не задеть. Подорвут ее только, когда поймут, что трупы. Так... Унхай, за мной идешь. Сорг, замыкаешь – прикрываешь растяжку. Нор, ты с Соргом, но смотри у меня... Чтобы никакой дури, пока “спутник” растяжку деактивирует.

Айнер впился в глаза Нора невыносимо пронизательным взглядом. Нор не выдержал, опустил голову... У сержанта приказ – Нору не жить, если он допустит ошибку. Лейтенант остался доволен неоспоримой победой над хищником.

– Здесь может быть один человек, но может их и трое, и четверо. Мы должны двигаться очень быстро и успеть занять позиции, пока они не выйдут на огневые точки. Это вам не с машинами сражаться – правил нет. Не давайте им подорваться. Быстро – пошли!

Лейтенант закрепил на плечах оба излучателя и пошел в лучевую сеть... Я стараюсь сосредоточиться и не думать ни о чем, кроме переплетения тусклых лучей. Влад пошел за сержантом... Я чувствую, как лоб покрывается испариной... Это очень сложная растяжка, но я и не такие проходил – правда только на виртуальных полях. Машины такие растяжки не ставят. Пошел новый – я его даже не видел толком без шлема... Иду за ним... Снимаю шлем, защиту и куртку... Лейтенант уже прошел – вырубил фонарь...

Есть ментальная активность – их двое... Луч. Влад прошел – выключил фонарь... Он уже на позиции, вырываюсь из растяжки, бегу к нему... Вспышка... Нор бросился к стене, луч разбилась о панель, рассыпался отраженным светом. По растяжке они пока не стреляют... Короткая вспышка – луч отзеркалил, но в растяжку не угодил – Айнер знает, что делает... Он поменял позицию и спустил заряд. Я слышу, как рассыпается щит отражателя. На схемах появились еще двое – для нас точки открыты. Навожусь... Спуск...

– Вы не ликвидаторы! Отпустите нас! Айнер, я знаю, что ты здесь!

Луч... Одного сняли...

– Айнер, в этом нет смысла! Дай нам уйти!

Есть ментальная активность – еще двое, они отходят вправо... Темно, я ничего не вижу. Здесь дезактивированные машины с выжженными мозгами – какой-то центр генетиков или инженеров... Ориентируюсь только по схеме, отхожу... Координаты цели – точка открывается... Луч...

– Айнер, отпусти нас!

Они включили прожектор... Закрываю глаза – навожусь... Айнер режет тонким лучом, летят искры... Остался один.

– Герф, давай вперед!

Меня прикрывает изуродованная техника. Дезертир теперь стреляет по лучевой растяжке – Сорг справляется, но на такой скорости он долго не продержится... Луч отбили – я на точке...

– Стой! Не стреляй!

Я вижу его – он бросил излучатель... На нем нет шлема, лоб рассечен, кровь замерзла на светлых волосах... Я держу на прицеле худого человека в форме сержанта штурмовиков А2. Он стоит на коленях – такой же уставший, замерзший, как и мы.

Айнер уколол мой мозг коротким приказом...

– Герф!

– Давай, солдат – лучше ты, чем люди Скара.

– Ты преступник.

– Может и так – я не знаю.

– Ты...

– Мы просто хотели выжить... Лучше ты, боец, чем люди Скара...

– Герф, какого хрена!? Уйди с точки!

Айнер ударил запрещенным приемом, но мое сознание не откликнулось... Я не могу...

– Герф! Не слушай его!

Я смотрю ему в глаза... Передо мной безоружный человек – это расстрел...

– Герф!

– Мы не можем... Ты не уйдешь. Нам нужны ваши тела для...

Не могу договорить... голос сорвался.

– Для отчетности, боец... Что ты медлишь?

Я не понял, что Унхай со мной сделал, но я рухнул как подкошенный, дыхание перехватило. Кажется, боль прошла по шее разрядом, еще до того, как луч ударился в висок этого безоружного человека, до того, как он разжал руку, и лейтенант слету перехватил ее... Разряд уже начал рассеиваться в грудном отделе позвоночника, а Айнер только дезактивирует запущенный энергоблок...

В глазах потемнело. Что я натворил!? Лейтенант положил блок, и сел прислонившись к расколотому щиту. Нам повезло, что он такой расторопный...

– Герф! У тебя штрафная единица! У тебя две штрафных единицы!!

Все, он меня спишет.

– Лейтенант, я не мог стрелять в безоружного человека.

– Безоружного!..

“Спутник“ подошел – уже снял растяжку...

– S9, больше одного штрафа ему не положено. Не было прямого приказа на расстрел, а поскольку преступник безоружен – это расстрел.

– Две штрафные!..

– Не положено, S9. Сержант запустил энергоблок, когда “золотой дракон” провел запрещенный прием, и боец был в состоянии шока.

– Герф, ты безнадежен! Говорил – они смертники! Они на все готовы, чтобы нас перебить! Раз кто-то под лучом – он подорвется, чтобы другие уйти смогли!

– Я понимаю...

– Надо быстрее соображать! Прямой путь несгибаемых правил доведет тебя только до глухого тупика! Ты всех подставил! Ликвидация на месте – значит, ликвидация! Иди Лесовскому помоги!.. Ему из-за твоего прописанного в уставе милосердия луч по ребрам прошелся!

Я кинулся к Владу... Жив?.. Новичок уже срезал защиту...

– Прижгло – ничего вроде. По ребрам вскользь прошел.

– Вскользь? Влад!.. Не вырубайся!

– Это не смертельно, сейчас с ним “спутник” поработает, и в медчасть.

Новичок спокойный – хорошо подготовлен, сразу видно, но что-то с ним не так... Смотрю, как “спутник” Айнера закрывает ожог и запаивает защиту...

Сорг стукнул меня по плечу (и не слабо)...

– Герф, пошли!

– Куда?

– Хватит думать и канал забивать – ты схему пропустил. Ничего хорошего в этом нет.

– Мы же уже...

– Что стоите?! Живо пошли!

Тяжело Влада оставить, но пришлось поторопиться... Не стоит лишний раз на Айнера нарываться.

Обшариваем зачищенную слепую зону... Вернее слепой зоны больше нет – “защитники” к объекту уже подключили новый мозг, так что совесть получила возможность изгрызть меня со всех сторон.

– Сорг, нет здесь больше никого – нет ментальной активности...

– Если что упустим, капитан с нас три шкуры спустит. Лейтенант порой Норвальда затмевает, но не думай, что капитан слабину дает, если его не коротит до замыкания, – он все в руках держит. Кто-нибудь мог в кому уйти.

– Да он не выйдет сам.

– Герф, мы просто все проверяем – это наше *правило*.

– Ясно.

Все осмотрели и, естественно, не нашли никого и ничего... Дезертиры поставили растяжки по принципу пауков – только на входах. Вернулись на командный пункт. Похоже, что никто еще не ужинал... Всем не до этого, а я хоть и хочу есть, просто не могу. Сорг закурил...

– Они просто идиоты...

– Не похожи они на идиотов – хорошие бойцы.

– Как будто хороший солдат идиотом быть не может. Знали же на что нарываються.

– Считали это своим долгом.

– Только идиоты могут считать своим долгом...

– Сорг, у них просто крышу сорвало от того, что мы все ждем...

– Все это Снегов...

– Да, что Снегов сделал, что все только о нем и думают?

– Да ничего. В этом все и дело. Он забыл не только, что он – человек, забыл, что мы – люди. Даже бойцы сдаются – уже готовы всю Землю подорвать, лишь бы не ждать...

– Только Ивартэн...

– Это почти то же самое по последствиям.

– Да нет – немного лучше.

– Считай, что все мы списаны, Герф. Что бы мы ни делали, все равно не многие уцелеют.

– Сорг... не травми душу. Выкарабкаемся.

– Все мы тупые, Герф. Кто-то считает, что у нас больше шансов уцелеть так, а кто-то, что иначе. Есть и те, которые считают, что обречены, чтобы ни делали, а выбирать могут только варианты.

– У нас у всех не много шансов долго прожить. Нам будущее отвоевывать приходится... Сорг, мы всегда за свое будущее сражались, никогда оно само в руки не лезло.

– Наше будущее видит только Совет. А Совет разделился... От этого вся и смута – нам вдруг пришлось думать, какой вариант будущего кажется нам более убедительным и кому из генералов Совета можно его доверить. Совет поставил бы нас перед фактом, если бы высший состав не разделился... Наши генералы ждут поддержки своих офицеров и бойцов. У нас в истории в сложных ситуациях таких случаев до... Когда мозги бессильны – проблемы решаются силой. А там как повезет.

– У нас есть электронный мозг – Центр AVRГ, есть защитники-D40, и высший состав весь с категориями S11, S12...

– Знаешь, машины вообще по-другому мыслят. Но они существуют только для нас – мы их корректируем постоянно – не даем им решать нашу судьбу. А у нас без разногласий быть не может.

– А ты, Сорг, как думаешь?

– Думаю, что мы на грани того, чтобы бежать, не разбирая дороги. Мы сами себе могилу роем, Герф. Мы это уже давно начали, и продолжаем: все продолжаем, и S11, и S12... все мы. Пытаемся сохранить себя, свою цивилизацию – построили систему-муравейник, но мы-то не муравьи, хотя уже не так далеки от того, чтобы ими стать. Мы люди, Герф, – даже S12 – люди. И что-то мы делаем не так.

– Что?

– Если бы я знал. Если бы S12 знали...

– Уверен, что они знают.

– Значит, этого мало... Сейчас, пока мы тянем время – мы живем. И чем меньше беспорядков, тем дольше это время протянется. А что дальше...

Сорг обвел тяжелым взглядом скованные холодом стены. В мерцанье мониторов так же мертво проблескивают наши глаза. В белом свете все выглядит, как-то особенно остро. Я уже распечатал паек, но кусок в горло так и не лезет... Я так и не успел... Айнер все ходил из угла в угол и вот опять... схемы расположения.

– Бойцы, по схеме!

Айнер быстрым шагом направился к переходному тоннелю – видно, что сейчас побежит. “Спутника” не взял – с ранеными оставил, а нас разбросал по постам.

Заняли пост с Соргом... Свет начал перебиваться и погас – включили фонари... Мы тут ничего не видим, не знаем, что творится... Я прислушиваюсь – вроде тихо.

Схема поменялась. Бежим в другой сектор...

– Что-то не так пошло.

– Да что?..

– Говорю, Герф, не так что-то...

Здесь “защитники”... Что-то действительно не так. В воздухе зависли мониторы, а воздух звенит...

Мы блокируем первый сектор – здесь заходили дезертиры, срезали дверь и уничтожили мозг объекта, чтобы обеспечить слепую зону. Стикк указывает “защитникам” на мониторы... они на входы под увеличением смотрят...

– Лейтенант...

– Что у тебя, Стикк?

– Ошибка.

– Они здесь зашли – это точно. Их не зарегистрировал единственный активированный вход на базу, который оставили после отключения остальных переходов.

– Они вошли здесь, но не первые.

– Это не то, Стикк. Здесь воздух наш – их отрядов зачисток здесь не было, и от нас со времени, как базу оставили, никто не уходил.

“Защитник” обернулся к лейтенанту...

– S9, вход был открыт раньше.

– Оставь эту дверь для Скара – пусть он с этим разбирается: кто и когда здесь был из его недосмотренных списанных подопечных. Нам надо разобраться с этой записью.

– Согласен, S9.

– И что?

– Возможно, это занесенный объект киберпространства.

– Невозможно, D40.

– Возможно.

Айнер спорит с “защитником” и делает это только в силу своего скверного характера – “защитники” всегда правы.

Лейтенант направляет “защитников” обыскивать сектор, а Стикк тщательно исследует тьму на мониторах... похоже, что там ничего нет... К нам подошел Унхай...

– У вас есть объекты киберпространства? Сорг?..

– Нет.

– Унхай, у Лесовского птица была.

– Это не то, Герф.

– А у дезертиров ничего быть не могло?

– “Защитники” все осмотрят.

– Да что творится?

– Мы не знаем, Сорг. В секторе зарегистрирован неопознанный объект – предположительно человек в состоянии близком к коме.

Сорг уставился на замерзшего Унхая, его лицо в соответствии с этикетом ничего не выражает, но он удивился... Я пока еще не понял чему тут удивляться.

– Унхай, как его зарегистрировали, если он в коме?

– По движению.

– Больше похоже на сбой системы – люди не могут передвигаться в состоянии комы.

– Нет ментальной активности, нет термоактивности.

– Визуальное восприятие?

– Анализ прошел, но точно определить не смогли. Ларс Стикк уверен, что это человек, говорит, что уже сталкивался с чем-то подобным. Возможно, это сбой – мозг еще не полностью подключили к слепому переходу. Он не может точно определить уровень восприятия, не исключает того, что мог не определить короткого воздействия киберпространства, и запомнил объект, как образ с визуальных анализаторов.

– Думаешь – дезертиры что-то придумали?

– Неизвестно, Сорг. Скорей всего что-то сбежало или было выпущено из киберпространства.

– Так определили бы.

– Если они без поддержки блуждают, их определить сложно. Может быть, объект уже исчез, или меркнет. В любом случае, оставшись без поддержки, через пару часов он исчезнет.

– Что стоите?! Унхай!

Айнер нас и затылком видит... Пошли искать сами не знаем что...

Эту базу можно неделями обшаривать – везде мониторы развернуты, все осматривают “защитники”... Пока ничего необычного – бродим тут... Унхай послал нас с Соргом в отопительную систему – полезли.

– Нет здесь ничего.

– Герф, пошли. Черт с ними.

– Что мы хоть ищем? Виртуального глюка?

– Его источник.

– Активную кибербазу не сложно обнаружить.

– Значит, ищем неактивную. Или что-то, что осталось от людей, которые могли здесь быть до этих дезертиров.

– Хоть бы “стрелы” прислали.

– Да... Только на них так осмотреть все не получится. Они сейчас тоже при деле.

Заглянули во все темные уголки, сверились со всеми сенсорами – ничего подозрительного.

– Ну что, Сорг?

– Да... Чисто.

Нас отозвали. Вернулись в первый сектор. “Стрелы” уже пришли. Мы расщепляем наших мертвецов. Андроиды кладут на “стрелы” убитых дезертиров – Стикк за ними присматривает. Вытянулся в струну, заложил руки за спину – ядовитый, как никогда.

– Это его капитан, Герф, – когда-то был его капитаном...

Влад остановил “стрелу” рядом со мной, кивнул в сторону Стикка.

- Тяжело это...
- Да...
- Извини.
- Иногда лучше заколебаться, чем стрелять без разбору.
- Ты понимаешь...
- Мы не станем тупыми машинами.
- Я рядом буду.
- Годится. Мы со “стрелой” уже договорились, чтобы на поворотах помягче была.
- Не вырубишься?
- Вроде не похоже.

Влад вырубился. “Стрела” его пристегнула... “Стрелы” для таких дальних скоростных перелетов не очень приспособлены. Это все из-за того, что граница “оккупированных” территорий рядом. Если налет будет, другой транспорт будет легкой добычей. Я лучше Влада подстрахую... Оглядываюсь на прощанье... Раненных не так много. Почти, как после боев с машинами – не успел, пропустил луч, так сразу труп... Взгляд остановился на новичках из пополнения... Они как-то выделяются из всего взвода – они еще не одели шлемы и... видны их лица... Не обращал до этого на них внимания – вроде обычные, но теперь их здесь много, и по позвоночнику холодком пробегает озноб. Я просто не понимаю – это свет так ложится?.. Я посмотрел на Влада, Хорна... вот бойцы из второго отделения... Я узнаю этих людей. А новые... Они, что все одинаковые?.. Они не отличаются друг от друга – ничем не отличаются. Это шаблоны. Это недоделанные люди, снятые с последнего этапа. В горле встал комок – Владу повезло, что он их не видит.

Уходим. Все уже дезактивировали – отключили компьютеры, чтобы их ментальный фон не навел на закрытую базу разведчиков той стороны. Вышли из холодной темноты на холодный свет – светает... На шестую базу не возвращаемся, сразу рванули в Хантэрхайм. Влад приходит в себя, но я за ним приглядываю – стараемся лететь повыше, чтобы избежать лишних маневров...

Запись №23 00 00 000 00:00

12. 04. 205 год Новой Техно-Эры 17:00

Еще полчаса назад восторг, вызванный этой ледяной пустыней, сбил меня с толку. Но сейчас я в полной мере осознал, почему Хантэрхайм называют именно так. До того, как я ослеп от его сияния, оно казалось мне чудом. Теперь становится не по себе, от путающейся под ногами неприкаянности. На улицу здесь особо не выйдешь – и не только из-за зверского мороза, хрустящего снега. Просто ничего не видно – даже в помещениях слишком светло. Глаза уже отекли и слезятся. Полчаса назад я был полностью доволен своим отсеком – он просторный, с огромным окном, но находиться в нем, не опустив на глаза затемнитель, совершенно невозможно. Закрыв окно щитом – все равно светло. Не понимаю, это оттого, что глаза засветило, или сияние пробивает щит, который только показался мне непрозрачным?..

Моя борьба со светом не увенчалась успехом. Заизолировать отсек оказалось не простым делом. Объект объяснил, что свет – лучшее лекарство от подстерегающей нас на каждом шагу депрессии. Доказать ему обратное не получилось. Писать рапорт нет смысла – первый штраф не сняли, только второй добавили. Я лишен всех привилегий – значит сильно урезан в правах. До первого разговора с карателями осталась одна штрафная, и я просто не могу качать права, пока не разберусь с ошейником.

Отраженные лучи выгнали меня в коридор. Здесь свет более потаенный... Я устал... вымотался до предела. Время на сон вроде бы есть, но, как я понял, воспользоваться им почти невозможно. Уже чувствую подавляющее влияние этих бескрайних ледников, вечного холода... Жду ночи, не знаю пока, на что она будет похожа, но в любом случае Хантэрхайм померкнет.

Иду на явочное место с куском сахара... Смотрю в пол, чтобы не видеть озаренный сиянием город за окнами. Сегодня мы отдыхаем, расписания тренировок вообще нет. Если Владу станет лучше, вечером полетаем, осмотрим окрестности...

Чуть не наткнулся на лейтенанта – он застыл у широкого окна, смотрит, как мир вокруг заливает жесткое излучение. Оно вырезает его силуэт из яркого света, не отбрасывая даже тени, подчеркивает его одиночество и напряженность. Не сразу заметил светлого андроида – с ним его “спутник”. Это старая развалюха, а не тот новый, которого он получил после операции на шестой базе. Можно только удивляться, как эту устаревшую машину смогли восстановить. В знак приветствия положил руку на плечо, но замерзший лейтенант меня вроде и не заметил... Постарался пройти мимо, не привлекая его внимания...

– Герф!

Айнер резкий человек, и каждое слово так и бьет бичом. Я остановился...

– Да, лейтенант!

Он ко мне так и не повернулся – указывает на окно...

– Посмотри.

Только не это. Глаза слезятся, в них просто впивается искрящаяся россыпь мелких острых снежинок...

– Ничего, Герф, скоро привыкнешь. Будешь днем с фонарем ходить.

Вижу движение – что-то проблескивает... Прямо через площадь идут тяжелые грузовые транспорты, и им нет конца...

– Что это?

– Мясо, Герф. Это скингеры с последнего отлова.

– Так много?

– Да.

– Это ликвидация?

– Да, Герф. Эти орудия транспорты – последние.

– Коррекцию проводить не будут?

– Поздно уже. Теперь всех отловят – только на базах оставят под присмотром генетиков. Они сейчас самых покладистых отберут и корректировать будут. Упустили мы их – все заново делать придется, и заселять заново. А этих – на ликвидацию. Всех на ликвидацию списали. Не здорово это, Герф... Новые виды мы уже давно не запускали и не запустим до конца войны...

Больше не будет этих добродушных мохнатых тварей... А я еще надеялся на скингеровской упряжке прокатиться... Они, конечно, нам вред наносят, только разве можно их с руггерами сравнивать? Не будет их – не будет скингеровских лугов. Никто не протопит льды, и мерзлую землю не накроет ковер мягких мхов... Я видел их лужайки в киберпространстве – посреди искристых снегов, под огнями северного сияния мшистые прогалины переливаются всеми цветами спектра...

– Снег заберет и Хантэрхайм...

– Лейтенант, в Шаттенберге еще остались россыпи скингеровских мхов.

– Я не был в Шаттенберге. Уже не помню ничего кроме снега и генерала Снегова. Даже не помню было ли что-то кроме них.

Он замолчал... отвернулся от окна и пошел к подъемнику... Мое настроение опустилось еще на пару градусов.

Сижу на подоконнике – жду крысу. Теперь мне не кажется таким нелепым тот факт, что я пришел сюда с куском сахара... Удивился немного, что все-таки сделал это, но уж очень звонко бьет по нервам тревога. Из-за опоры коридора вылез комочек серого меха... Присел перед крысой на корточки и протянул ей кусок сахара – она не убегает.

– Бери, ничего я тебе не сделаю.

Я обратился к крысе направленной передачей... Странно, но она, вроде, что-то уловила, села на задние лапы и взяла еду почти человеческими лапками прямо у меня из рук. Может, померещилось, но и взгляд у нее вполне осмысленный.

Крыса не уходит. Она как-то странно на меня смотрит. Я знаю, что крысы умные животные, только...

– Ты знаешь, крыса... Я сюда больше не приду, но... Здесь это не принято, но я возьму тебя с собой, будешь жить у меня.

Крыса покачала головой... подошла поближе и пошевелила носом... Я сгрэб ее в ладонь, вернулся на подоконник, и посадил на колено...

– И не думай, что у меня крышу сносит...

Почему крыса не может так думать, веских доводов у меня нет, утешает только то, что крысы вообще особо не думают.

– Ладно, Сашка, мне пора...

Крыса на это никак не среагировала, обследует мою руку... Прикрыл ее курткой, направился к своему отсеку, чтобы заселить крысу, как разлетелся по стенам синим светом, зазвенел сигнал воздушной тревоги...

Всех на ноги поставили – началась беготня... Вот и Норвальд... Постарался незаметно отпустить Сашку, но крыса забралась мне в рукав...

Спускаемся под землю. Чувствую, как мир сходитя в одну точку сосредоточенности – это координаты ментальной активности и схемы расположения. Пока ничего нет – пока мы просто ушли с земли, пока люди готовятся покинуть Хантэрхайм, а мы готовимся их прикрывать, если будет необходимо. Заняли позиции, ждем... По земле прошла дрожь... еле различимая, далекая...

Тревога замолкла, но звон в ушах остался... По сектору прошла волна мелодичного звука – отмена.

Мы так и остались на местах – расселись вдоль стен тоннеля. Влад снял шлем...

– Что это было?

– Не знаю.

– Это из-за Анлагена?

– Не знаю, Влад.

– Унхай, что случилось? Почему мы здесь торчим?

– Ничего не известно.

По земле снова прошла дрожь, и все затихло... А вот и капитан идет.

– Вольно. Все спокойно.

Норвальд прошел по тоннелю к стоянке транспортов... Мы поднимаемся в наш наземный сектор...

Странное дело – в наш сектор напустили патрули службы внутренней безопасности – их андройды в центре управления... Ожидают беспорядки. Унхай пошел искать их сержанта, мы с Владом стараемся не терять его из поля зрения.

– Герф, держу пари, что произошло что-то из ядовито-пророческого ряда Стикка.

– Я даже пари держать не буду.

Стикк много чего пророчил – он из тех людей, которые не признают таких понятий, как “не мое это дело”. Стараюсь не думать о том, что он говорил, чтобы не записать это. Вот это тоже записывать не стоило... Что же мне с этим делать?!

– Идем, Герф...

Выловили Унхая на пустой площадке подъемников... Вернее он нас выловил.

– Что у вас?

– Сержант, что с Анлагеном?

– Воздушная граница за территории Анлагена не продвинулась – город снова переведен в режим обороны.

– Поэтому здесь патрули Скара?

– Да, Лесовский. Информацию дадут через тридцать секунд.

Подъемник остановился... Унхай зашел на платформу – мы пошли за ним... Он смерил нас острым темным взглядом, сощурил и без того узкие глаза...

– Вы куда собрались? Тебя Лесовский в медчасти ждут.

– Да, но сначала мы в информационный центр заглянем.

– Не лучшее время вы для этого выбрали.

– Мы время не выбираем – оно нас выбирает.

– Ты прав, Лесовский.

Мы вышли на первом уровне... Унхай придержал Влада...

– Какая вам нужна информация? Доступ ограничен.

Мы (я по крайней мере точно) вообще не собирались в информационный центр, но теперь придется... Все из-за того, что Влад решил увязаться за сержантом...

– Сейчас самое время уделить внимание как новым технологиям, так и тем, которые забывают.

– Прошлое забывают зря, Лесовский. В нем много ответов.

– Поэтому я и хочу получить информацию, сержант.

– Есть материалы, которые заслуживают внимания...

Унхай скинул нам координаты информации в киберпространстве.

– Унхай, а ты *помнишь?*..

– *Помню.*

Сержант проверил, не убежало ли время, и указал на широкий подоконник огромного окна расписанного морозом и припыленного инеем...

– Что было до войны, сержант?..

– Я всегда был солдатом. И я не многое видел до оккупации. Но над Небесным городом тучи собирались задолго до начала войны.

– Ты не участвовал в сопротивлении?

– Нет. Сопротивление уничтожили. AVRГ совершенная система уничтожения – была такой и осталась, только разделилась после Пересмотра Задач.

– А что было до оккупации?

– Меня создали в Син – Небесном городе, и до оккупации я помню только лес, небо над головой, небо вокруг...

– Я бы хотел его увидеть, до разрушения.

– Теперь он есть только в виртуальном мире. Син принял первый удар.

– Вы же знали, что война начнется...

– Знали только, что она неизбежна, Лесовский, и не имеет значения, кто был инициатором, – она была неизбежна.

– Не многие думают так же.

– К сожалению, ты прав. Это не война вашего союза с AVRГ, Лесовский, – это война людей: всех людей.

– Теперь, да.

– Так было с самого начала, только сейчас это более явно. Все мы несем свою долю вины. Мы сами виноваты в том, что нам пришлось восстанавливать окружающий мир, затрачивая столько энергии, что разрушилась атмосфера, пришел ледник, и солнце выжгло пустыни. Все мы к этому причастны. Все изменилось в наших руках. Это война людей.

– С природой?

– С собой, Лесовский.

Что-то у меня в голове переключилось, и я отвлекся от созерцания наших синих теней, брошенных на пол желтым солнцем...

– Война с собой? Знаешь, Унхай, – мне тоже такие мысли в голову приходили.

– Всем приходят, Герф. Только дело не в клеммах AVRГ на нашей технике.

– Я не очень понимаю...

– Мне пора.

Унхай резко встал и ушел в освещенный желтым светом коридор...

– Герф!

– Что? Я не понял – что-то ускользнуло...

– Сержант ускользнул. Ладно, пошли. У нас еще четыре часа есть.

– Иди, а я тут на солнышке погреюсь.

Получилось просидеть на подоконнике, ни о чем не думая, около десяти минут. На меня уже патрули Скара косятся – пойду лучше отсюда...

Влад мучает электронные мозги, которые помнят все, что ему нужно, но из которых не так просто выбить информацию. Сажусь рядом с ним...

– Герф, давай быстрее – помогать будешь.

Приоткрыл один глаз – только решил выспаться... Рядом сел Сорг. За ним и Нор пришел – Говорухина к нам привел и еще одного безликого бойца Вадима...

– Что нужно, Влад?

– Я уже составил систему, теперь только... Схема готова – работаем по ней.

– А что ты вообще делаешь?

– Это законно, Герф.

Смотрю на схемы с исходными...

– Влад, я не понимаю... У тебя здесь модель настоящей разлухи.

– Да. Мы не знаем, что будет и когда. Может быть, мы завершим войну и будем все восстанавливать, как и раньше. Может быть, Ивартэн уничтожат, и нам придется снова перейти на искусственную поддержку существования. Если война будет проиграна – в этом случае, никто не выживет. Тогда то, что я намериваюсь сделать, никому не понадобится. Но может быть и так, что, как говорит Стикк, – все рухнет, но кто-то сможет выжить.

– Да... Если окружающая среда останется примерно в таком состоянии, как сейчас... В общем на юге наших территорий выжить возможно, но недолго – там невозможно жить. Даже если пользоваться тем, что осталось на закрытых базах, долго никто не продержится.

– Герф, речь же не о дезертирах, которых преследуем и мы и *они*.

– Выживание на примитивном уровне в руинах цивилизации?..

– Это возможно.

– Это бесперспективно...

– Кто знает? У нас и сейчас перспективы расплывчатые.

– Все равно, долго так никто не протянет, потому что окружающая среда даст очередной сбой, и без применения высоких технологий его невозможно будет устранить. А в предлагаемой тобой системе нет действующей техники и всего необходимого. Все системы уничтожены и стерты.

– Знаешь, я думаю, что мы восстановили природу настолько, что она сама по себе, без нашей помощи, сбой не даст.

– Дает же.

– Что-нибудь да провоцирует это с нашей стороны. Но фактов это не меняет – сбои есть, поэтому и их учесть нужно. С измененными животными мы работали и знаем, что и к ним можно приспособиться, не применяя высоких технологий, хоть это и не просто. В рассматриваемой ситуации коррекции направленные на удобство не существенны. Создать новых существ в таких условиях действительно не получится. Это уже последующие шаги усложнения, для которых нужна первоначальная база выживания. Главное решить проблему распада. Предотвратить отторжение растений и животных...

– Влад, у нас уже почти не осталось заселенных животных.

– Кое-кто еще есть...

– Ты действительно думаешь, что с этим возможно что-то сделать в таких условиях?

– Возможно, но на очень примитивном уровне. Это мы и должны придумать – как можно все упростить.

Я начинаю понимать, что Влад задумал, но не очень понимаю зачем – мне кажется, что сейчас еще не та ситуация. Но не спорю, всегда легче знать, что сделал и делаешь все, что можешь. Лучше хоть что-то делать, чтобы не ждать чего-то, что окружает тебя звенящим напряжением воздухом.

Надо еще уточнить насчет легальности... Это – инструкция по выживанию в полной разрухе. У нас таких вещей хоть завались, и подобные инструкции закладываются в нашу память изначально. Только они не совсем такие, как у Влада. В схеме Влада упадок полный, и о настройке системы, связи и всего подобного и речи не идет. Наши инструкции больше ориентированны на сбои систем и аварии. А у Влада здесь практически ничего нет...

– Влад, без техники все это наладить невозможно, а наладить такую технику могут только специалисты очень высокого уровня, и при том специалисты во всех областях сразу. Где ты возьмешь и инженера, и конструктора, и техника, и электронщика, и кибернетика, и генетика и еще черт знает кого в одном лице? Ни один человек в себе не уместит такие объемы информации.

– Нет, Герф, конечно нет. Даже S12 и “защитники” не могут знать и помнить все.

- Ну соберем мы всю эту информацию... составим узлы...
- У нас все не так уж и сложно устроено. Да, информации очень много, все отлажено, но здесь нет речи о сложной организации. Мы должны упростить все до предела.
- Более-менее понятно...
- Только исходить нужно из среднего.
- Не выйдет – офицер низшего состава не сможет сориентироваться и что-то сделать в таких условиях, а что тогда о средних специалистах говорить?
- У нас не та ситуация, в которой специалисты высокого уровня имеют больше шансов на выживание, чем люди, занимающиеся делами попроще. Это не третья мировая, когда только такие и выжили, потому что имели соответствующую защиту. Если уж у нас сейчас все рухнет, то шансы на выживание в первую очередь имеют те люди, которые не имеют особого значения в основе существования нашей системы. Враги в первую очередь уничтожают узлы связи, центры управления, стратегические объекты, и к людям применима та же схема. Под ударом мозг системы – наши главнокомандующие, генералы, ученые. И понятно, что у бойцов шансов не больше, как и у нас, так и у внутренних войск – лейкоцитов и тромбоцитов системы. И представь себе такого человека, как Говорухин, например. Он выполняет свою работу, и хоть она для нас и значима, если его не будет, система не рухнет. Он сам говорил, что это, как потеря клетки эпидермиса...
- Все клетки отмирают и обновляются...
- Только потеря нейрона головного мозга сказывается на всем организме в большей степени.
- Влад, тебя вообще в медчасть пускать не должны... Оставь ты эти клетки в покое.
- Я вообще не об этом. Если рассмотреть среднего человека на примере Говорухина, то он хороший работник медчасти. Он разбирается в генетике только на поверхностном уровне. Он не сможет смоделировать животное без соответствующей информации, не сможет провести сложную коррекцию. Он может настроить, но не может починить необходимое оборудование. А это возможно, Герф. И для этого не так уж много нужно.
- Знаешь, Айнер говорил, что мы не однофункциональные...
- Конечно, – мы имеем потенциал ДНК AVRГ. Мы все как бы ДНК системы. Мы можем воссоздать, восстановить систему – не из ничего, но можем. Мы можем воссоздать цивилизацию.
- С самого начала... Влад, я понял.
- Наконец-то. Самое сложное – это начало.
- Но в твоей схеме все обстоит так, что кроме начала и, в лучшем случае, его поддержания ничего не намечается. Все информационные объекты уничтожены, заводы уничтожены...
- Это самый худший вариант, Герф: самый худший из тех, когда кто-то может выжить.
- Ладно, начинаем... Я беру андроидов – не D40, конечно, но все-таки. Чертеж – это узел, а дальше запчасти – откуда можно взять аналогичные неисправным...
- И даже как их можно сделать из чего-то другого.
- И как сделать то, с помощью чего ты сделаешь запчасть...
- Да. Мозг информационного центра нам поможет все это разгрести, ужать до концентрата и упростить до предела. Ведь раньше люди и без техники многое делали, пусть простое, топорное... Но мы тоже на что-то годимся.
- Идея не плохая, но боюсь, что нам не дадут доступ к материалам определенного рода.
- У нас не много засекреченных материалов такого рода. Просто ими, кроме узких специалистов, никто не интересуется. Но кое-что точно скрыто...
- Нам нельзя знать только того, что касается ментальной связи, последних разработок боевой техники и их систем...
- Ну, нам ничего такого и не нужно. Засекречено в первую очередь то, что касается самой секретности и ведения боевых действий. И само собой, разработки по усовершенствованию сознания для нас не доступны. Только нам это все не нужно – слишком сложно. А остальное найдем.
- С технической частью мы справимся, а вот с биологической должен будет поработать кто-то, кто в этом хоть что-то смыслит. Придется налаживать контакты с офицерами биологов...

– В принципе, можно – это не то, что наши офицеры... Герф, я думаю, что нам и работники нашей медчасти помочь смогут.

– Да ладно...

– Не такие они простые...

Черт... Скар и здесь поставил пост – его сержант идет к нам... Влад с неохотой оторвался от монитора, но сворачивать его не стал...

– Можно поинтересоваться, что это за расчеты?

– Исходная схема справочника по выживанию при полном коллапсе, сержант.

– Актуальная тема.

Все у них с подвохом... Я прикрыл глаза, чтобы лишний раз не встретиться с сержантом взглядом.

– Вряд ли актуальная, сержант, но довольно полезная в плане общего развития.

– Познакомь меня с материалами, боец.

– Влад, я ненадолго.

Сержант сел в мое кресло, а я пошел... Стараюсь не показывать вида, что нервничаю.

Стою в уборной и рассматриваю в зеркале ошейник. Это единственное место, где мозг объекта из этических соображений не подсматривает за нами, пока ничего не заподозрит...

Всматриваюсь в тусклое мерцание загрузочной панели ошейника... Это очень сложный и многофункциональный мозг, сопутствующий каждому человеку. Он разгружает память, определяет координаты ментального фона и характеристики его обладателя – вид, уровень интеллекта... Он собирает, усиливает и направляет на нас рассеянные ненаправленные мысли животных, хоть этой функцией никто особо не пользуется... Да много чего он делает, только с ним самим сделать ничего нельзя. Черт...Если только облучить большой дозой или застрелить...

– Боец 8090, все в порядке?

– Да. Все нормально.

– Через десять секунд подключится наблюдение.

Дрожащей рукой застегнул ошейник, возвращаюсь в информационный центр... Влад уже куда-то ушел... Осматриваюсь... Его нигде нет. Сержанта из отдела внутренней безопасности тоже... и всех остальных... даже Хорна, который пришел совсем недавно.

Запись №24 00 00 000 00:00

– Айнер, Айнер! Они уже начали делать справочник!

– И что? Нам надо, чтоб его закончили.

– Айнер! А знаешь, у нас есть не только сказки про охоту на крыс, но и про машину времени! Вот бы она нам пригодилась бы...

– Хватит тупить, Кот. Такой машины нет и быть не может.

– А как же наши легенды?.. Нам же нужно увидеть прошлое...

– Прошлого не увидеть – и частицы, несущиеся со скоростью выше скорости света не переносят информации.

– А если с этой скоростью запустить меня?

– Нет, Кот, прошлого не воротить – только его подобие. Для тебя перестанет идти время, а время всего окружающего относительно тебя пойдет обратно.

– И я увижу себя моложе?

– Нет, учти, что ты перемещаешься во времени только относительно других объектов.

– Значит нет никакого прошлого?

– Нет, как и будущего. Твое прошлое станет твоим будущим, что бы ты с ним ни делал. Это только казаться будет, что ты в прошлое или будущее попал – все будет искажено в таком “прошлом” и “будущем”, – ведь в них нет тебя прошлого или будущего, а есть только ты – настоящий. Запомни только одно – прошлого уже нет, а будущего еще. В активной Пустоте все рассчитано.

– А что такое – Пустота?

– Это... Это одиннадцатое измерение. Это все и ничего, везде и нигде, всегда и никогда. Мы считаем Пустоту некой биполярной и двухфазной структурой проэнергии. Первая фаза пуста – это только потенциалы. Мы зовем ее – стабильной. А вторая фаза – нестабильна. В ней есть все – и пространство и время... в ней есть – Вселенная.

– Ничего себе...

– Одни только “драконы” знали, как достать из такого “прошлого” нужный объект, – они перекодировали Пустоту.

– А где Пустота?

– Нигде.

Запись №25 0 000 00:00

12. 04. 205 год Новой Техно-Эры 19:10

Остановился у двери, все не решаюсь окликнуть...

– Влад... Ты здесь? Все в порядке?..

– Заходи... Было предупреждение о готовности... А этот сержант... Да он нормальный человек, Герф. Как разобрался, что мы заговор не плетем и не делаем конкретный справочник для дезертиров, даже помог. Кое-что дельное сказал...

– Влад, скинь мне все материалы на всякий случай, чтобы не пропали...

– Готово. Береги.

Влад лежит на кровати и смотрит в потолок – мое любимое занятие, на которое всегда не хватает времени... Я устроился в кресле у стола...

– Влад, что это?

– Ястреб.

– Что с ним? Он болен? Или это генетические мутации?

– Герф, у нас, кажется, был стандартный курс обучения, и распространялось это на всех. Это цикл развития – старость.

– А... Но зачем ты с ним так?..

– Я?.. К сожалению, многие мои мысли пришлось на стадию регресса. И вообще не оскорбляй древнего пернатого.

Ястреб смерил меня испытующим взглядом. Я придвинул второе кресло, положил шлем и излучатель... Ястреб перевел взгляд на Влада, видимо ожидая продолжения прерванного полета...

– Герф, он утверждает, что свобода достижима путем осознания потребностей природы, господством над ней и самим собой... Вот как ты это понимаешь?..

– Никак. Спроси у него, если он говорящий.

– Он же не мыслящий объект... И ты, похоже, тоже. Как и он говоришь то, что сохранили в твоей памяти.

– Да успокойся ты... Влад, так тебя даже я долго не вытерплю.

– Думаешь, что свободу дает взаимовыгодное сотрудничество с природой, которой ты можешь управлять, исходя из понимания ее сущности, и самоконтроля, чтобы не потерять грань умеренности?

– Слушай, я не собираюсь оскорблять твоего мыслителя, но мне кажется, все это устарело, и нечего над этим голову ломать. Пусть наши офицеры думают. А по мне свобода – это, когда тебя не мучают такие мысли.

В обществе киберидеологов я всегда чувствую себя довольно скованно. К тому же есть в нем что-то зловещее... Мы тоже стареем, но не так... Внешне это у нас вообще не проявляется, только память загружается и без ошейника мы не можем вспомнить все, что было очень давно. Память же тоже обновляется.

– Слушай, Влад, а я его помню.

– Он мой соратник, Герф. И вообще, лучше молчи.

– Твое увлечение молодыми птицами мне было понятнее.

- Объект протест изъавлял...
- Чем ему птицы не нравятся?
- Киберактивность высокая.
- От твоего пернатого?..
- От моих пернатых.
- Да что с тобой творится?.. Дезактивируй кибербазу.
- Ладно...

Ястреб исчез с достоинством, подобающим философам. Влад сел на кровати, упершись локтями в колени и подперев лоб рукой... Голову не поднимает...

- Влад, тебе в медчасть надо.
- Не сейчас. Я тут в киберпространство заглянул, и перед тем, как лишние объекты со своей кибербазы стереть, я ее проверил... Нет там *того*... Герф, я видел что-то...
- Что?
- Не знаю. Что-то *не то*...
- Влад...
- Ты послушай, тогда на границе... Не знаю, как сказать... Я видел на закрытой базе что-то, кого-то... человека – только он...
- Влад, ты не облучился?
- Ты послушай...
- Наверное, без серьезного восстановления тебе не обойтись.
- Герф! И потом я видел его, когда мы покидали базу – он стоял в снегу... Понимаешь, белый, похож на человека... Он исчез.
- Люди не бродят по леднику, не исчезают. Влад, ты тогда на грани забвения был – показалось.
- Его не заметил никто, и поисковая система “стрелы” его не обнаружила, но я его *видел*.
- Знаешь, ты видел ту штуку, поддержку которой Айнер со Стикком искали. Они что-то засекли на визуальной картинке, но больше никакого сигнала не было. “Защитники” думают, что это был свободный объект киберпространства...
- Нашли?
- Нет.
- А поддержку нашли?
- Нет. Все проверили – технику дезертиров, все данные из центра базы... Потом забили на него и все. Решили, что он распался без поддержки.
- Ты помнишь, мы уже видели его в Штраубе. Только мы тогда решили, что он с моей кибербазы... а у меня *таких* не было.
- Хватит мозги мучить – просто у того, кто прописал программу автозапуска и распада, чувство юмора, не заслуживающее уважения.
- Ты считаешь остроумно отпускать из киберпространства бесследно исчезающих жутких тварей?
- Я может и нет, а кто-то вроде Стикка от души повеселился.
- Это был не виртуальный объект, Герф.
- Лучшего объяснения никто еще не придумал.
- Да, верно... Знаешь, они мне что-то напомнили...
- Влад, мучай свои мозги, а мои оставь в покое.
- А о том, о чем Унхай говорил, ты не думаешь?..
- Думаю... когда о *них* вспоминаю.

Влад поднял голову – глаза блестят... Что-то он совсем плох...

- Ты понял?.. У *них* (у наших врагов) даже нет названия – это *они*. *Они* – потому что они принадлежат AVRГ, как и мы. *Они* загоняют нас в тупики, потому что *они* – это мы. То что происходит сейчас – это то, что происходило и раньше. Это война людей, хоть сражаемся мы с машинами. Это война людей с людьми – с самими собой.

– Влад...

– Все это не может продолжаться до бесконечности. Мы сами себя убиваем. Это сущность войны, Герф. Унхай прав... Мы сами провоцируем все это.

– Что ты говоришь? Влад, это война AVRГ со своими же подразделениями и все.

– Это война с собой и не известно, что в нас победит.

– Я не понимаю. Если Унхай считает, что мы, сражаясь с нашими бывшими машинами, сражаемся с собой...

– Герф, у машин нет воли к войне – эта наша воля в совершенном воплощении. *Им* ничего не нужно – *их* программы писали люди. Люди *их* движущая сила. *Они* добиваются *наших* целей. Я думаю, что это уходит куда дальше конкретных действий в конкретной ситуации. Ты понимаешь, это наша прогрессивная и регрессивная сущность – мотивы регрессивной сущности движут прогрессивной. Вот только они находятся в дисбалансе... Какие-то колебания не дают *им* объединиться. Поэтому *они* отделились от *нас*.

Плечи повело ознобом... Не знаю почему, но воздух просто наполняется звенящими льдинками...

– Влад, давай я тебя в медчасть провожу. Пошли к нашему врачу...

Я встал и взял шлем...

– Подожди. Если мы не сможем уравновесить силы, кажущееся нам противоположными – это сделают *они*.

– Хватит бред нести. *Они* нас просто уничтожат.

– Да, Герф. Потому что *они* – наша деструктивная энергия, направленная против нас же самих. И мы даем ей силы тем, что грыземся и мечемся между призраком пространственного перехода и лучевыми пушками первого порядка. Я сейчас вспомнил... Пойдем, я тебе покажу...

– Не надо.

– Это насчет того киберглюка...

– Что-то вроде старика-теоретика?

– Нет. Идем в информационный центр – Унхай дал мне доступ... Информации мало – почти ничего, но...

– Не темни. Что за информация?

– О первом поколении. Идем – что стоишь?

– Думаю.

– По дороге как раз додумаешь. Пошли.

Чуть не наступил на крысу, сидящую под дверью...

– Влад, крыса пришла.

– Твоя?..

– Нет, Сашка так запросто по нашему сектору не бродит.

– Сашка?

– В честь Норвальда, но так, чтобы никто не догадался.

– Герф, а ведь твой Сашка не исключение – крысы в наш сектор сами не заходят.

– Думаешь, кто-то нам под вечер крысу подложил? Может, сама пришла?..

– Черт с ней. Впусти ее, чтобы не маячила.

Крыса помялась в дверях и зашла в комнату... Подняла голову, смотрит на нас очень серьезно. Всмотрелся в пустоту длинного коридора – то и дело где-нибудь отблеснет серая шкурка...

– Да они похоже меняют места дислокации.

– Объект их зачистит, если быстро из коридора деру не дадут.

– И что это значит?

– Ничего хорошего – это точно. Здесь и на пару часов одному остаться нелегко – многие берут крыс с собой. Обычно их отпускают, когда мало шансов дожить до утра...

– Хорошее напоминание о том, что мы еще живы. Влад, надо доложить.

– Нет, не сейчас... Если это Скара касается – он видит. Пошли отсюда. Крысу пока оставим – потом выпустим в каком-нибудь темном углу.

– Надеюсь, эта тварь достаточно сообразительна, чтобы не нанести урон.

– У нас тут нет ничего, что крыса может испортить.

- А чистка и дезинфекция?..
 - Крыса с чисткой ничего не сделает.
 - Чистка с крысой может что-то сделать.
 - Объект ее заметит.
 - Кто его знает? Машинам плевать на крыс... Только если их много соберется...
 - Все, пошли. Пусть сидит – сама пришла, значит, знает, как от объекта спастись...
- Не успели спуститься, а в голове появилась схема расположения постов... это схемы андроидов – информации завалились... Опять не повезло.
- Мы что здесь еще и за охранные части работать будем?..
 - Герф, меня больше волнует... У тебя получилось с ошейником разобраться?
 - Нет.
 - Ты не стер?
 - Нет – не получается.
 - А запись?
 - Я не знаю, что я записал, а что нет, пока не послушаю.
 - Герф!.. А черт с тобой – идем. Нам пора.
- Идем под землю. Присоединяемся к Соргу и Хорну... и к Вадиму – он пока единственный из пополнения человек, которого я могу отличить от безликих... Да и то, только по глазам, по едва уловимому выражению лица... На нас – пограничный центр управления перехода на шестую укрепленную базу. С нами двое “защитников”... Летим обратно – на шестую базу. На душе остервенело скребут кошки. Что-то не то происходит...

Запись №26 00 00 000 00:00

12. 04. 205 год Новой Техно-Эры 19:45

- Сорг еще печальнее, чем был, и даже Хорн потускнел... Одному Нору на все плевать.
- Герф, Лесовский! Что это за идиотизм? Мы что здесь пожизненно остаемся?
 - Да, Хорн – так на схеме прописано.
 - Что мы тут торчим? Патрули DIS на всех входах. Объект молчит – движения сегодня никакого.
 - Может, поэтому и торчим?
 - Герф, Хорн, линию не занимайте.
- Сорг нервно передернул плечами...
- Это центральный переход, через него проходит основная артерия, связывающая Хантэрхайм с шестой базой: здесь движение очень оживленное. Мозг бункера перехода контролирует границу на нескольких подземных уровнях. Вся наша функция – быстро реагировать на нарушения, которые он обнаружит. Пока тихо, как после боя, но серые штурмовики А2 стоят чуть ли не у каждой опоры, а черные тени Скара блокируют все врата и двери. Очень интересно, что и от чего охраняем мы, а что они...
- Сорг, а что вообще случилось?
 - Никто не знает. Скар во все наши секторы патрулей напустил. И Борг капитанам приказ отдал – Норвальд, Шторм, Цен и Хонг Лэй здесь постов нагромодили – не пройдешь.
 - Тихо, Скар идет.
- Мы приветствуем полковника. Скар идет быстро. Его прикрывают двое “защитников” и “спутник”. Когда он проходил мимо нас, в его глазах отразилась только наша неподвижность. Он явно не спал уже не одну ночь – поблек чуть ли не до прозрачности, но не потерял сосредоточенности машины, свойственной людям его категории. Он вошел в центр управления. Двое бойцов, шедших за ним, остались у входа.
- Сорг, да что это значит?
 - Герф, заткнись. Не занимай ментальный канал.

Влад тихий, как никогда – это значит, что он до чего-то додумался, что ему даже не надо задавать вопросов...

Не знаю, как получилось, но все мы напряженно всматриваемся в глубину пустого освещенного коридора... Дверь ушла в стену... Борг идет. За ним следуют его капитаны... и Айнер с ними. “Защитники” расступаются перед генералом Гартмом... Мы стоим, как андройды на построении – застыли, даже не дышим... За Гартмом следует эскорт “защитников” – они встают возле врат и входа в центр управления.

Мне не очень это все нравится – я чувствую, как на меня находит сосредоточенность боевой готовности... Дверь ушла в стену... Генерал Тишинский с эскортом. Вот это уже совсем плохо – что-то серьезное с внутренней безопасностью.

Если так дальше пойдет, будем стоять тут, не шелохнувшись и положив руки на плечи до утра. Здесь, наверно, весь высший состав решил собраться в неформальной обстановке – не все же время в штабе сидеть.

Я чувствую, как звенит воздух... По коридору идет высокий человек, за ним его “спутник”. Невозможно не узнать это холодное застывшее лицо, холодные застывшие глаза... Снегов. На нем белоснежная шинель генерала Совета. Да весь он слепит белизной словно снег. В нем нет той изможденности и усталости, которая прописывается в лицах и глазах таких людей, как Ульвэр. Снегов другой – он как древний ледник: со стороны кажется, что он наступает очень медленно, но на самом деле он очень быстро продвигается вперед, подавляя, усмиряя своей непостижимой силой. У Снегова нет оружия, нет личной охраны... Он смотрит прямо перед собой и обращает на нас не больше внимания, чем на опоры тоннеля, как и все остальные, как и мы не обращаем внимания на посты и патрули. Что-то изменилось в освещении, когда он проходил мимо нас, ему сопутствует что-то... что-то неестественное... Оно осталось и когда он ушел, когда закрылся центр управления...

– Признаться честно – не ожидал.

Влад с Соргом стоят напротив – нас разделяет пространство широкого коридора – свежий, прохладный застывший воздух. Между нами проходят дублированные линии ментальных передач.

– Хорн, что он здесь делает?

Влад на секунду перевел взгляд на Хорна – Снегов нарушил его ход мыслей, и теперь он будет пытаться во всем разобраться, пока кто-нибудь из нас его не убьет.

– Лесовский, ты у меня спрашиваешь? Понятия не имею. Я вообще не помню, чтобы он в этом году из штаба выходил.

Влад уставился в пол, хоть это и нарушает уставные правила – мы должны смотреть прямо перед собой...

– Я думал – это просто так говорили, что он заледенел совсем. Может и то, что он перестал быть человеком, правда?

– Лесовский!..

Хорн, похоже, будет первым, кто решится на оперативные действия по обрубанию ментальных передач Влада.

– Что за ним шло?

– “Спутник”.

– Ты не видел? А ты, Герф?

– Мороз за ним шел, вот и все.

Что-то наши врачи не расстарались – у него бред начинается... Опять видит всякую нечисть. Как его вообще на пост поставили в таком состоянии?... Сорг решил его поддержать еле уловимым взглядом...

– Я видел, Лесовский. Искажение.

– Да.

Я уже давно был уверен, что нашему ходячему покойнику самое место в восстановительном корпусе. Будут там с Лесовским в компании врачей галлюцинации рассматривать.

– Сорг, говори, раз начал – подцепил. Ну так что это за искажение?

– Защита, скорей всего. Не будет же Снегов просто так без охраны по городу разгуливать.

– Защита, вроде, таких эффектов не дает.

Дверь центра управления открылась – Снегов уходит. Мне удалось взглянуть ему в глаза – он слеп... или мне показалось... С моей точки просматривается почти весь зал. Командиры встали с кресел, опустили глаза и положили на стол руки – совещание окончено. Но судя по сжатым кулакам, его исход не удовлетворил никого, кроме главы отдела внутренней безопасности. Даже Скар еще больше сжал побледневшие губы. Снегов остановился в дверном проеме спиной к своим генералам и капитаном – жестокий жест. Тишинский черной преградой застыл за его спиной, не позволяя подойти Гарту.

– Через час, Гарт. Выведете все мониторы и приготовьте к запуску базы киберпространства.

Снегов так и не обернулся, ничего не сказал, но Гарт подошел к нему, несмотря на Тишинского. Наш генерал только сложил на груди руки, отгораживаясь от его гнета.

– Центр подключен. Все под контролем.

Тишинский черной тенью Снегова встал у него на пути.

– Гарт, альтернативы нет. Приготовьте транспорт на шестую базу.

– Транспорт готов.

– Скар, готовьте схемы. Все должно быть точно рассчитано.

Снегов вышел в коридор, снова лампы в тоннеле засветили ярче. Генерал Тишинский ушел за ним в направлении перехода на шестую базу. Гарт со своими офицерами возвращается в наш сектор. Борг будет готовить операцию... Норвальд оставил нам схемы расположения сборных пунктов, на которых мы должны быть ровно через час... Время пошло...

У меня пульс подскочил... Сорг так стиснул зубы, что недавний шрам на губе закривил.

– Показательная зачистка.

– Что, у Скара людей не хватает?

В глазах Влада уже разгорается тревожный синий огонь... Все мы понимаем, что никуда нам не деться, если есть приказ... Если Снегов сам взял операцию под контроль, значит, это действительно необходимо.

– Лесовский, тебя мучает бессмысленный вопрос, почему мы нашли простой ответ – просто дело хреново.

Айнер! Айнер ударил Влада по плечу... Мало того что я уже и сам забыл, что мы не опоры тоннеля и удивился, что нас кто-то заметил, так он еще...

– Герф, Лесовский, я мысли не читаю, и дублированной линии мне никто не делал. Готовьтесь!

Лейтенант дождал Скара, и они вместе ушли на переход... За Скарсом растянулся его эскорт – посты снимают, остаются только его тени.

Покинули подземелье. На соблюдение формальностей времени ушло совсем не много. Теперь оно растянулось, но готовится закоротить, не выдержав напряжения. Мы так и устроились вчетвером на широкой опоре в тихом закутке с техническими подъемниками. Я уперся лбом в руку, прикрывающую дуло излучателя. Хорн бесцеремонно выбил локтем мою подпору...

– Уж очень похоже, что ты собрался мозги вышибить.

– А что... дело-дрянь, голова раскалывается... Лучше скажи, как Айнер это делает?..

Хорн вяло улыбнулся...

– Он всегда так. Офицеры высших категорий не просто говорят, что нас насквозь видят.

– А они точно мысли читать не могут?

– Это невозможно, если у тебя на лбу не написано, о чем ты думаешь.

Я готов забивать голову чем угодно, только не мыслями о том, что пару дней назад мы положили столько людей, чтобы отбить тех, кого должны перебить через полчаса. Я видел этих людей на шестой базе... Не понимаю, как они угодили под статью ликвидации... под показательную зачистку... Почему выбрали именно шестую базу?.. Глупый вопрос, конечно, но сейчас везде неспокойно...

Меры продолжают ужесточать, значит контролировать ситуацию становится все сложнее. Сейчас люди только настаивают на пересмотре решения Совета, но все может довольно быстро перерасти в вооруженные бунты. Показательная зачистка – высшая мера ликвидации и устрашения. Мера ликвидации для тех, кто требует уничтожения Ивартэна, и уверен во всеобщей

обреченности, если город не будет стерт в ближайшее время. И меры устрашения для тех, кто еще может понять, что бунты будут подавлены, агрессия не повлияет на решение Совета, а только ослабит нас перед внешней угрозой. Эти люди не будут поддерживать беспорядки в такой ситуации. А вот инициаторов восстаний призвать к порядку таким образом вряд ли получится. К ним уже начали применять меры ликвидации, но это их не останавливает. Они готовы на любые риски – будут добиваться своего любыми средствами, потому что не видят иного выхода. Я не могу с уверенностью сказать, что знаю, кто прав, но знаю, как опасны в такой ситуации восстания. Я просто исполняю приказы... Лучше не думать о таких вещах – исполнять и не думать. Я сосредоточился на дублированных для меня передачах...

– Лесовский, они не так, как мы думаем...

– Хорн, о чем это вы?

– Об Айнере, Герф. О том, почему к нему машины обращаются – “S9”.

– Так почему?

– Он – S9. Не знаю насчет Айнера, но будь на то воля разумной техники, людей на понижение не списывали бы. Для машины человек либо соответствует своему уровню, либо нет, и тогда его можно только ликвидировать.

– А чем для них понижение плохо?

– Тем, что, по их мнению, такие люди могут быть опасны в любом звании. Представь себе, если у человека с таким интеллектуальным потенциалом ограничителя сознания сорвет...

– Не получается как-то. Даже не представляю, что может спровоцировать собой офицера S9.

– Что-то да может... Например, если весь мир рухнет.

– Тогда всем будет плевать, поедут у него ограничители сознания или нет.

– Главное, чтобы мир не из-за этого рухнул.

– Хорн, ты причину и следствие перепутал.

– Кто знает, где эта грань?

– Да что удивляться, вы тут уже много лет под присмотром Унхья.

– Он не просто наш сержант, Герф...

– А ведь у него ограничители сознания другие, его же не на базе AVRГ делали...

– Международный стандарт. Он их N4.

– Он не такой, как мы.

– Такой же. Все мы одинаковые.

Влад стоит перед нами, всматривается в коридор. Пока еще не подключили прожекторы. Северное сияние только начинает проступать на горизонте неяркими всполохами. Мы не видим его под землей, но ощущаем всеми органами чувств...

– Одинаковые, говоришь?..

– Да, Лесовский, – у нас стандартная база изготовления.

– Но ведь в нее входят только изначальные данные – базовая программа.

Солнце спряталось, и будто потянуло холодом. Сорг поднялся с опоры тоннеля – я уже забыл, что он с нами...

– Есть инстинктивная базовая программа, на которой основана наша первичная логика, а она стандартная, Лесовский.

– Сорг, но это нас шаблонами не делает.

– Отчасти. На нас откладывает отпечаток и приобретенный опыт, и поправки – программы, прописанные внешними средствами воздействия. Именно на этом уровне мышление Унхья и отличается от нашего – он вышел из другой системы.

– Думаешь, мы одинаковые по своей сути?

– Не просто думаю, а знаю. Наша индивидуальность довольно поверхностна.

В голове всплыли неразличимые, и тем вызывающие неосознанный ужас, люди из нашего пополнения... Мы с ними практически не общаемся, хоть и стараемся вести себя как ни в чем не бывало. Они отталкивают на подсознательном уровне, хоть мы и понимаем, что они такие же люди – личности, как и мы, а это только самые поверхностные внешние недоработки. Им тяжело – мало того что война, а их выкинули в жизнь еще и без лиц. Они красивы, как никто из нас, и такой

человек к себе сразу располагает, если он один, а не целый взвод. Они хотят получить “лицо” – все уже запросы послали, но пока у AVRГ нет средств на такие мелочи...

Влад обдумывает слова Сорга очень сосредоточенно. Наверное, вспоминает боевые операции. Во время штурма мы сосредотачиваемся и немногим отличаемся от машин, управляемых центральным компьютером, – только нами управляют офицеры. А если подумать, так происходит и в повседневной жизни, только более незаметно...

– А ведь все это делалось для стабилизации общества... а мы не справились.

Воздух просто искрит секундами ожидания...

– Мы – люди, Лесовский. Мы можем сделать что-то, не особо задумываясь, из чего исходим, и к чему это приведет. Для этого офицеры и программировались на более сознательном уровне.

– Они нас стабилизируют. Сорг, мы сомневаемся, что они еще люди, а мы...

Хорн не выдержал – поднялся с опоры, повесил на плечо излучатель...

– Сорг, Лесовский, я вот не понимаю, мы с Герфом должны себя дураками чувствовать?..

Я тоже поднялся...

– Хорн, не успеем мы себя дураками почувствовать – сбор.

В голове мелькают схемы Норвальда. Я уже научился отличать их от схем лейтенанта – они более подробные, но и внимания к себе требуют больше. На них помечен оптимальный маршрут для каждого из нас – капитан приказывает нам воспользоваться ближайшим служебным подъемником, который уже дожидается нас с раскрытой пастью.

– Влад, ведь за нами постоянно наблюдают, хоть мы и забываем об этом... А все равно кому-то удастся бежать...

– Когда Снегов и Тишинский на базе?.. Когда тени Скара бродят за нами по пятам?

Влад не метафорически выразился – за нами действительно следуют “черные” бойцы. У них тоже сбор на том же плацу что и у нас, но уж слишком бесшумно они у нас за спиной крадутся.

– Знаешь, Влад, всякое бывает...

– Ну да. Если Снегов решит покинуть AVRГ, даже Тишинский не сможет до него дотянуться.

– На все преграды есть тот, кто их обойдет...

– Не на все, Герф. Чувство юмора у тебя просто атрофировано. Генералы Совета покидают систему только одним способом – смертью. И чаще – лучом в висок.

– Влад, а я серьезно...

– От Тишинского только на тот свет уйти можно.

– Но так можно же... Значит, можно сделать это и формально.

– Герф, твоя непомерная тяга к порядку наткнулась на противоречие. Это опасно дестабилизацией.

О чем я думаю? Я не должен... но если бы я был уверен... Перед нами разворачиваются мониторы, открывается киберпространство с неполным погружением. Мы продолжаем двигаться к сборному пункту, а киберпространство как бы обволакивает нас – часть сознания занимает незнакомое помещение, видимо, какой-то центр управления шестой базы и генерал Снегов... За его спиной светится мозг базы – сейчас он подключен к центру напрямую...

Я вроде бы и не слушаю, и так все ясно – уже не раз главнокомандующие нас увещевали, но информация просто впечатывается в сознание. Фигура Снегова застыла у нас перед глазами, но полное ощущение, что нас видит он, а не мы его. Он заставляет смотреть только на него и слушать только его – это не из-за эффектов ментального погружения в киберпространство, просто он такой. Как только он замолчал, пошло время. Ясно, что дело серьезно, и это только начало. Особенно глубоко въелись в память стандартные фразы – “Действия, провоцирующие беспорядки будут остановлены”, “Будут применены оперативные меры”. И действительно, становится понятно, что это необходимо... “Сомнения в состоятельности расчетов центрального мозга неуместны – по отношению к внешней агрессии будет применен наименее деструктивный для планеты вариант”. И я понимаю, что так оно и будет... “К победе приведет терпение”. Сила и уверенность пульсируют светом в висках и где-то за грудной клеткой. Никогда не понимал, как некоторым людям удается достигать такого эффекта вроде бы из ничего, без серьезных средств воздействия...

Построение, транспорты, тоннель открыт... Здесь Норвальд и Айнер со “спутниками”, много “защитников”...

– Объект, не помеченный на схеме, должен быть задержан при оказании сопротивления. Мера ликвидации к объектам, не помеченным на схеме, применима только при оказании жесткого сопротивления. С начала операции до ее завершения запрещено снимать шлемы, запрещено показывать лица и номера, запрещено использовать опознавательные знаки...

Норвальд механически отчитывает инструктаж... Мы быстро сработаем – даже те, кто уже о чем-то догадываются, толком и понять ничего не успеют, не то, что сопротивление оказать. Внимание собирается в точку – координаты, цель. Пошел отсчет секунд до запуска систем киберпространства, до начала операции... Активирую шлем – все, началось...

Запись №27 00 00 000 00:00

Яркий свет ударил по глазам... Замухрышка сразу занервничал. Я только и сумел проследить полет расстегнутой шинели, ворвавшегося в свет Айнера...

– Кот, сколько тебе раз говорить – выметайся отсюда!

Айнер злой вернулся – что-то у него не получается. С ним двое бледных – призраки, припорошенные снегом. Если Айнер не отозлится, ужин может не состояться. Крысы очень вовремя отдали ему честь – он это любит...

– Айнер, я же знаю, ты нас с невестой на мороз не выгонишь. К тому же мы занимаемся важной работой – я ведь высокоинтеллектуальный кот.

Он только бросил в меня замерзшие перчатки – это чтобы я со стола слез... Те бледные, которые притащились с ним, принесли контейнеры с едой.

– D40, дай Замухрышке чего-нибудь, а то он нас сожрет.

Руггер все это время простоял практически неподвижно, а сейчас начал приняхиваться и пытаться разодрать обшивку пола – хочет клубни из-под земли достать... или червей. Айнер его совсем запутал, не дал в спячку впасть, вот он и роет, где попало. “Защитник” методично распаковывает и распечатывает синтезированные пайки – интересно, сколько нужно этой твари, чтобы червячка заморить?.. А червячков в такой махине может поместиться немало.

– Айнер, а я тоже есть хочу! Здешние крысы несъедобные...

– Это почему?

– Мы же историки!

– Ну, пеняйте на себя. А нет, на меня – я вас сейчас выгоню, и ваше соглашение действовать перестанет...

– Да что ты злишься?..

Бледные испарились в полумраке тоннеля... Айнер подвинул кресло, распечатывает еду, а я и не знаю, как?.. Раньше он сам предлагал...

– Как замечательно – ужин в кругу старых друзей!..

– Дай подумать спокойно.

– Раз уж ты вернулся, может... Просто дай мне еду.

Айнер погрел недолго руки на упаковке начинающего размокать и греться брикета и положил его перед моим носом...

– Вам крысы тоже перепадет, но это не значит, что я одобряю ваше здесь присутствие.

Крысы построились и серьезно закивали... Они так всегда – едят по очереди и делят все поровну. Айнер смотрит на монитор, наверное, эти непонятные значки ему что-то говорят, потому что его глаза становятся все грустнее...

– Айнер, ты планету спас?

– Куда там...

– А когда спасешь?

– Похоже, что никогда. Если так пойдет...

– Это что значит?

– Сначала нужно узнать причину отторжения леса – установить, что за излучение его губит. Уже послали “корректоров” на анализ... Но их не хватает.

– А дальше что?

– Не знаю, Кот.

– А D40 знает?

– Нет. Информации не хватает.

– А что же делать?

– Искать лаборатории, материалы, собирать по крупицам то, что осталось. Оборудование не в порядке, энергии мало. С чем-то сами разберемся, а так... Информация нужна.

– В Штраубе много чего осталось...

– Найти-то найдем, если что Ивартэн еще стоит... До него отсюда и за час долететь можно, если поторопиться... Но главное – это данные разработок наших генетиков по всем последним коррекциям.

– А в Ивартэне этой информации нет?

– Нет, *они* этим не занимались с начала войны.

– Ты хочешь сказать, что мы можем отторгнуться со всем остальным?

– Вполне. Кот, если изменения такими темпами пойдут, уже к весне совсем худо будет. Думал, ты об этом знаешь.

– Ты же пришел... Ты же все знаешь и все можешь...

– Ну да – вот такой я всемогущий.

Крыс-передатчик выполз из-за отворота шинели Айнера и водрузился у него на плече... Айнер сконцентрировался на крысах...

– Они смогут нам помочь?

– Да, сейчас передадут всем своим, чтобы обыск начали... Все здесь обшарят... в третий раз...

– Ты засыпаешь?

– Нет, Кот – дел еще куча...

– Ты так всегда говоришь и засыпаешь...

– Я не сплю.

Айнер встал с кресла, крысы отдали ему честь, а он начал расхаживать по архиву, разгоня сон...

– Крысы, что сидите?! За дело! Осмотрите здание на всех уровнях!

Историки попрыгали на пол и побежали на выход, даже не выключив компьютер – только Крыс-передатчик остался.

– Айнер, а я могу тоже пойти поискать?

– Что ты искать собираешься?

– Не знаю. То, что тебе нужно...

– Они знают, что нужно – они ищут, а ты никуда больше не лезь!

– Ладно...

– Кот?..

– Что, не ожидал? Но у меня вопросы появились...

– Только не это...

– Ты всегда отвечаешь, когда не знаешь, что делать.

– А ты этим пользуешься.

– Именно. Во-первых...

– Лучше сразу спроси, что в сто десятых, и покончим с этим. А ты, D40, думай – у меня не получается.

– В сто десятых?.. Начать с середины?.. Ладно – где киберпространство?

– Что во-первых?

– Что такое киберпространство?

– Что во-вторых?

– Айнер, это ты мне вопросы задаешь, а я отвечаю – так не правильно. Это нарушает систему наших отношений.

- Какая интересная теория. Киберпространство – виртуальный мир и находится он везде.
- Но я его не вижу.
- И не увидишь, пока он для тебя не активен.
- Если ты не объяснишь, что это такое, я сам посмотрю. Я теперь зарегистрирован, и мы с мозгом отдела внутренней безопасности лучшие друзья.
- Шантажом от меня, кроме избавления от лишних зубов, ничего не добьешься.
- Просто скажи, что такое киберпространство?
- Это сложная многоуровневая программа – целая информационная вселенная в памяти кибербазы. Так же оно относится к тяжелым средствам воздействия.
- Что за базы? Это что-то вроде ваших компьютеров, которые все помнят и все знают?
- Нет... Принцип другой – кибербазы не разумны, они только открывают киберпространство. Это программный переход – что-то наподобие пространственного перехода.
- Я выправил осанку, чтобы Айнер по старой памяти не усомнился в моей высокоинтеллектуальности.
- Я не понял ничего. Где оно размещается?
- Есть киберцентр, его резервы и сети...
- Как у вашего центрального мозга?
- Ну да. Доступ к пространству был ограничен, но часть информации разрешалось сгружать на фрагментарные кибербазы.
- А это что такое?
- На моем браслете есть фрагментарная база – там может храниться часть пространства. Только на запуск полного погружения были наложены строгие ограничения, да и внешне активные проекции контролировались. А остальные проекции киберпространства пересекались с нашим миром постоянно.
- Как это устроено? Как миры пересекаются? Что значит проекции?
- И на какой вопрос отвечать?
- Забыл... А ты помнишь?
- Люди S9 забывают всякую ерунду, когда понимают, что это она.
- Ты не мог так быстро понять, что я не понял, что спросил.
- Кот, киберпространство нематериально. Это сложная штука и уровни восприятия киберпространства разные – есть внешне или внутренне активные проекции с полным и частичным погружением.
- Что там, Айнер?..
- Ну и вопросы... Там реальность пересекается, сливается, граничит с нереальностью, прошлое с настоящим и будущим... В этот мир все, что было и чего никогда не было в нашем...
- А как туда попасть, если оно нематериально?
- Ты туда не попадешь.
- Почему?
- Даже не пробуй.
- Издеваешься?
- Только за этим и вернулся.
- А я знаю – нужно иметь доступ.
- Нужно быть в зоне восприятия, а киберцентр и его резервные копии уничтожены.
- Скажи хоть для общего сведения...
- Не так сложно туда попасть, а выбраться бывает куда как сложнее. Киберпространство – очень достоверная иллюзия, которая заставляет забыть, что все, происходящее в ней, ирреально. Там можно быть и наблюдателем, и участником – смотреть со стороны или полностью перейти в иллюзию. Можно расширить пространство – создать новые темы, дополнить или изменить незаблокированные, внедриться в управляемые темы... Там может случиться все, что придумаете ты или кто-то другой...
- Потрясающе! А если я что-нибудь придумаю – оно там появится?
- Если правильно смоделируешь и запрограммируешь.

- Как это?..
- На ментальном языке программирования.
- И тогда...

– Хватит тупить! Можно спроецировать в реальность часть этой иллюзии так, чтобы ее воспринимал ты один или все, кто находится в зоне восприятия... Это обманка для мозгов – объекты киберпространства с полным или частичным погружением использовали на тренировках и ученьях. Так же, как и в информационных целях, для пущей убедительности. И для отдыха... В космос можно слетать на своих крыльях, сидя в кресле...

– Значит, там ты можешь стать котом! Залезть в чужую шкуру?! Ты просто должен узнать, как это, когда постоянно чешется за ушами.

– И так знаю. Не состыкованные мысли зудят не хуже. Это всего лишь излучение, действующее на твой мозг.

Айнер закончил с расхаживанием из угла в угол, поправил попону руггера, похлопал его по плечу и вернулся в кресло. Он кажется собирается поужинать еще раз... Я бы тоже не отказался...

– Ты говорил, что оттуда можно что-то забрать?

– Кот, что за вопросы?

– Твой боец – Лесовский, он забрал оттуда древнего мыслителя...

– Было дело... Намучились мы с ним – то птиц напустит, то... Не я один пытался ястреба выслать, но упертый он – и он, и Лесовский...

– А этот ястреб... Он же не живой?

– Да вроде как уже давно. Только трепку нашим мозгам задал не хуже живого. Как я не пытался его к порядку призвать – он никого не слушал. Сейчас бы я его послушал, но тогда времени не было... Теперь жалеть поздно – никуда не погрешь, всегда есть “сейчас не до этого” и “не до того было”. А полезно, и не только для общего развития – никогда нельзя упускать направление мыслей своих людей.

– Я не понял.

– Не важно...

– Не спи! Ты же собирался идти неизвестно куда!

– Так же, как неизвестно когда...

Айнер откинулся в кресле и закрыл глаза... Знаю, что он так не любит, но...

– Айнер!!!

– Кот, говорил, не ори в голос! Никогда!

– У тебя имя, как сирена – похоже на наши звуки.

– Это не имя, а аннотация. Еще раз заорешь...

– И что?.. Вопли тебе не ментальные передачи – линию не заблокируешь.

– Наглеешь.

– Ну так очень надо узнать... А оно еще есть?

– Что?

– Киберпространство...

– Что ты на нем зациклился?

– Интересно же.

– Я вообще не помню, чтобы тебе что-то про это рассказывал.

– Я тоже не помню.

– Не на пользу тебе наша история! Сказал же, чтобы не трогали больше ничего. В следующий раз словами не ограничусь!

– Так оно еще есть? Не спи!

– Не знаю, Кот. Может, и остались активные кибербазы, но скорей всего на них только обрывки этого мира...

Все, Айнер заснул... “Защитник” мне не даст его разбудить – он бережет сон Айнера, если нет причин его беспокоить. D40 встал около стола и перешел на экономный режим. Крыс-передатчик вылез из-за отворота шинели, соскользнул по голенищу отполированного до блеска сапога и прыгнул на пол – пошел по своим делам... Невеста уже давно спит, свернувшись комочком за

монитором. Мы тут с руггером одни без дела остались... Да и Замухрышка улегся, поджав лапы, всхрапнул пару раз и засопел... Где бы мне приткнуться?.. В бункере 071-24 я спал с Айнером на почетном месте – на подушке в секторе высшего состава... Здесь мы кроватей не нашли и подушек тоже... Айнер привык в кресле спать, а мне не пристало как-то... Постарался свернуться на костлявых коленях Айнера, но нет – не то... и что-то он за излучателем тянется... приоткрыл один глаз – тот, что открывается шире...

– Кот, слезай.

– Я чистый.

– Только не говори, что ты становишься чище от того, что вылизываешь шерсть.

– Так и есть.

– Если только снаружи... Слезай.

– Пойдем поищем кровать и выспимся...

– Завтра... Сегодня дел много...

– Вижу я, как ты торопишься...

Айнер снова закрыл глаз... Ну хочет спать в кресле – пусть спит. Я попробовал устроиться за монитором, но невеста вытянулась, не оставив мне места – очень эгоцентрично. Я не такой – даже не буду ее будить, а выскажу все, когда она проснется. Можно между компьютером и излучателем Айнера примоститься... А интересно, в киберпространстве можно выспаться? А что если?..

– Запрашиваю доступ в киберпространство.

Это что все – я уже там? Нет.

– Система загрузки...

Что я сказал?.. А может, так...

– Запуск системы.

Ничего...

– Запрос на доступ в систему киберпространства. Загрузка 11111 или 222, или и то и другое, или как там у людей?.. В общем, компьютер третьего порядка, ты умный, вот и разбирайся сам в том, что мне надо.

Что люди еще говорят в таких случаях?.. А ладно – Айнер же сказал, что его больше нет... Свернулся возле компьютера, уместил хвост на излучателе...

Запись №28 00 00 000 00:00

Что-то отбросило меня в сторону... Чьи-то сапоги... Перед глазами лицо человека – мертвого человека! Мя-яу!!! Откинувшись на руки машины, запрокинув голову, человек падает на пол, на меня!.. Люди лежат вдоль стен коридора – все мертвы!.. О нет!

– Мя-яу!.. Айнер!.. Помоги!

Царапаю стену изо всех сил!.. Нет! Я скорее обдеру когти, чем раздеру стену! Нельзя паниковать! У людей есть двери! Боюсь оглянуться. Припав к полу, выползаю из-за прикрывающего меня мертвого человека... Все оцеплено! Везде солдаты! Это вообще люди или машины?! Меня никто не слышит! Но я слышу ровный фоновый голос – он говорит, что все должны оставаться на местах... но я не могу остаться на месте!.. Бегу по коридору, лапы проскальзывают и подкашиваются, маневрирую между людьми... Забегаю в открытую дверь, из которой выходят люди в черной форме – они ведут людей с открытыми лицами, пролезаю между их сапог... За спиной вспыхивает и гаснет колючий красный свет.

– Айнер!.. Помоги мне!

Двери, коридоры – они исчезают, появляются снова!.. Там, где только что был тупик, зияет темная пустота, а прямо за моей спиной бесшумно сошлись перекрывшие тоннель ворота. На границе темноты появились два человека – на них знакомая серая форма штурмовиков А2, их лица открыты. Осторожно подкрадываюсь к ним. Откуда-то из стены вырвался яркий свет, заставивший меня припасть к полу. Силуэты штурмовиков растворяются в нем – сейчас они совсем исчезнут. Заставил себя подняться на дрожащих лапах – это только дверь, за которой светло. Только дверь... бегу к ней. Бойцы остановились возле входа – они не отбрасывают даже тени. Некуда спрятаться...

Нет, что-то есть – что-то почти невидимое стоит вдоль стен... Сиганул в угол, пытаюсь пролезть под это что-то... Теперь – затаиться. Где я? Огромное помещение освещено так ярко, что приходится щуриться. Светлая форма других людей мне не знакома... В центре зала, опустив руки, стоит офицер в черной шинели – все взгляды обращены на него. Тру глаза лапой, но не помогает – он просто исчез?.. Айнер так никогда не делал... Я знал, что у людей есть какая-то непонятная для нас сила, но эти люди в черной форме – они особенные. Теперь понятно, почему их так боятся – они везде, и нигде... они могут исчезать и снова появляться из воздуха! Один из штурмовиков активировал излучатель, напряженно всматривается в мониторы.

– Да ты не дергайся. Эти ничего не выкинут.

Штурмовики обвели взглядом людей в светлой форме – работа не встала, но напряжение сковывает их движения, опускает их глаза... Штурмовики снова перенастраивают оружие – нервничают.

– Это что, на нас все? Тени Скара нас покинули, оставив на нас этих людей?

– Нет, не думаю. Они скоро явятся, а мы только охрана Илда.

Они усмехнулись, напряженно переглянулись, замолчали... Я плохо понимаю речь людей – с Айнером мы общались только ментальными передачами, но смысл я уловил – надо здесь отсидеться. Отовсюду слышны ровные голоса – “враг государства”. И снова явился офицер в черной шинели – не слушаю, что он говорит – сердце свело, шерсть дыбится на загровке...

Как только дверь разошлась, впуская “защитника”, я бросился уму под ноги... Вылетаю в коридор... Везде закрытые двери... Вдоль стен стоят люди, что-то мерцает на их неподвижных руках – я знаю, это “шнуры”!.. Запущенны мониторы... Ничего не понимаю – являются офицеры в черной форме, подходят ко мне, не касаясь земли, становятся полукругом... Сжимаюсь в пружину, пытаюсь поймать их взгляды, но они смотрят прямо перед собой. Глухая монотонная человеческая речь сливается в гул... Это же приговор!..

– Нет! Не стреляйте!

Бросаюсь в ноги черному стрелку без лица – не знаю, человек это в “доспехах” или машина!.. Я отлетаю к стене, а он спускает луч! Вжимаюсь в стену за опорой тоннеля, на меня падает человек... его подхватывает андроид... он расщепляет мертвеца... Их всех расщепляют! Разгибаю спину – бегущий человек сбивает меня... вспыхивает свет... Искрят лучи, разбивающиеся о стены, по перекрытиям скрежещут трещины... Чей-то крик захлебывается в крови, а я бегу... и еще слышу оцепеневший в тишине звон боли.

– Айнер... Айнер!..

Мне некуда спрятаться, лег на пол, положив голову на лапы... Никогда не видел столько людей и машин... Или это тоже люди, только на них защита? Здесь некуда спрятаться... некуда... Я не понимаю... Я спал в архиве и... Что происходит? В Альвэнхайме мы прятались от людей, а они нас находили... Только один из наших великих предков победил воина-человека силой воли, но я подозреваю, что патрулирующий солдат его просто пожалел... А эти люди смогут меня пожалеть? А если нет? Ой! Что они делают?! Это и значит занимать позиции? А мне куда?.. Подползаю к опоре тоннеля, какой-то штурмовик встает рядом, блокирует мне выход, прижимает голенищем сапога, давит на ребра... Царапаю сияющий сапог, но боец не отходит!

– Отпусти меня! Я просто кот! Вы же ненавидите, когда вам сапоги дерут! Я перестану, когда ты меня выпустишь!

Он не слышит! Он не настроен на мою передачу! Что же делать?.. Все сияет... Они открыли огонь!

– Только не по мне! Я просто кот! Ну пожалуйста...

Бегу... перекресток... На меня падает человек... Прыгаю... Он меня придавил, запахло паленым – это моя шерсть! Надо повалиться!.. Скорее... Кто-то швырнул излучатель прямо в меня и встал на колени, заложив руки за голову... человек без шлема – он закрыл глаза...

– Нет! Не убивайте его! Он сдастся! Айнер!..

Бегу по коридору, на повороте наталкиваюсь на... Не знаю на что – на незримую преграду!.. Через нее проходят люди, а я не могу! У меня нет допуска! Разворачиваюсь в прыжке, убегаю от них... Кидаюсь в ноги человеку в белой форме, а он опускается на колени. Это врач – он тоже

боец, спустившийся с земли, – на нем распахнутая полярная куртка... Андроид навел на него излучатель...

– Вставай.

– Я не виновен! Сканируйте фон! Я ничего не сделал!

Вернулись ушедшие вперед люди в черной форме... Один из них поднес запястье с браслетом к голове человека... Я уже видел такую штуку у Айнера, только у него браслет другой.

– Скан чист, сержант.

– Он помечен. Веди его во второй сектор.

Андроид качает головой...

– Был прямой приказ. Он оказывал сопротивление.

Сержант уже успел отойти, боец отвернулся, андроид спустил луч... Нет!.. Что же они делают?.. Не знаю, куда бегу... Повороты, коридоры... все двери закрыты...

Пытаюсь отдышаться... Снова кто-то бежит... огонь... Открытая дверь!.. Нет, не успею!.. Остался в коридоре. Надо во что бы то ни стало найти архив – я не мог уйти далеко – он где-то здесь. Лапы подгибаются...

– Айнер!..

Чувствую, как слабеет мой сигнал... Айнер не придет... Теперь самое время для паники! Мя-яя!.. Человек лежит поперек коридора, прячусь за ним. Он обожжен – он умер, а по нему продолжают стрелять... Нет! Только не это! Лапы подгибаются – не могу бежать. Все заливает свет! Мой хвост!

– Помогите! Я только кот, не стреляйте по мне! Я кот!

Боль!.. Кончик хвоста что-то обожгло – запахло паленым, а я не могу подняться... вжался в пол, ползу к стене... Огонь прекратился... Офицеры штурмовиков А2 просто проносятся по коридорам, отдавая распоряжения, только разлетающиеся за ними серые шинели обдают ветром. Врачи налетели белой стаей, по коридору разлился развивающийся за ними свет, который прорезают только узкие, острые силуэты андроидов медчасти... Бойцы рассаживаются вдоль стен, смотрят и ждущих... Сворачиваются мониторы, темнеет. Бойцы снимают шлемы, открывают лица...

– Герф! Ты здесь! Помоги мне!

Я знаю, он мне поможет – он добрый, он даже кота пожалеет. Бегу к нему – он ранен, с досадой рассматривает огромный ожог, расплзающийся по бедру. Лесовский прикуривает ему сигарету. Хоть я и не часто видел людей – Айнер был первым человеком, которого я видел так близко – но я сразу узнал их. Все люди очень похожи – нет ни полос, ни пятен, но я узнал...

– Герф, помоги мне... Ты меня не помнишь – ты был мертв, когда мы встретились, но теперь это неважно... Правда ведь?

Нет! Он меня игнорирует... Все из-за ожога – ему не до меня сейчас.

– Лесовский! Посмотри на меня! Кто-нибудь!..

Лесовский вперила синие глаза в пол, чтобы не видеть трупы... Да, я понимаю... Растерянно осматриваюсь... Хвост поджался сам собой – стою среди почти родных людей, а они... Хорн?.. Да, это он – я тоже видел его в Шаттенберге. Но сейчас он выглядит лучше, наверное, потому, что живой. Он занят – проверяет браслеты, перед тем как Унхай, с сосредоточенностью машины, расстреливает умирающих...

– Сорг, ты жив?!

Я узнал его – он похож на покойника больше, чем все эти мертвые люди... Кажется, он смотрит на меня... я бы тоже сейчас смотрел на себя с такой же невыразимой печалью... Хвост жжет...

– Сорг, попроси ваших врачей сделать что-нибудь с моим хвостом... Мне больно. Ты же знаешь, как это больно, когда шерсть подгорает... только у тебя нет шерсти, но... Почему ваш сержант идет сюда?! Он меня не убьет?! Нет! Я еще не умираю! Айнер!..

Бросаюсь на Айнера, а он сбрасывает на меня разорванную шинель...

– Кто-нибудь, помогите!.. Айнер, где ты?..

– Черт!.. Кот, выходи оттуда! Быстрее!

– Айнер! Зачем ты меня спрятал? Просто прикажи Унхаю, чтобы он меня не убивал! Я ранен, но... Можете вообще не оказывать мне помощь... Айнер, что происходит?! Мне страшно!

– Уходи оттуда немедленно!

– Куда? Откуда?

– Из киберпространства в архив отдела внутренней безопасности.

Вылезаю из-под шинели... никого нет... только андройды... Стараюсь взять себя в лапы – сейчас Айнер придет, решит все проблемы...

– А куда идти? Где ты, Айнер?

– Лучше скажи, где ты.

Он остановился на другом конце коридора, пожираемый ярким светом... Бегу к нему...

– Я же здесь!

– Где ты находишься?

– Там же, где и ты – здесь.

– Кот, там, где сейчас для тебя “здесь”, для меня – “где-то”. Понял?

– Нет!

– Просто скажи, где ты.

Я остановился, что-то тут не так...

– Не знаю, но я не мог уйти далеко! Я в тоннеле!

– В каком тоннеле?

– Не знаю...

– Кот, кончай тупить! D40, определи тему.

Я не вижу “защитника”, но он в зоне восприятия – может, его скрывает свет?

– Хантэрхайм, S9. Показательная операция по ликвидации государственных преступников на шестой базе. Тема близка к завершению.

– Черт...

– Он еще не понял – сам не выйдет.

– И переключиться не сможет... Вытаскивать придется.

– S9, он не выдержит запрещенных приемов, а времени на осознание ему не хватит. Я не смогу загрузить другую тему, пока не протестирую состояние кибербазы – в пространстве могут быть дефекты.

– Запускай сначала текущую тему.

– Она убьет Кота, S9.

– Ну он сам напросился...

– Что? Что меня убьет?! Я не понял!

– Кот, не встревай.

– Все готово, S9.

– Подожди, я за ним пойду. Не судьба мне выспаться... В отделе внутренней безопасности полная версия – время еще есть. Перезагружай тему для Кота, как только я подключусь. Крысы, давайте полный доступ...

– Доступ открыт...

– Я на базе.

О нет! Что же это такое?.. В голове плывет. Снова появились люди в черной форме, застыли в воздухе их офицеры, штурмовики Борга заняли позиции, а Илд выставил посты на каждом входе – только у его бойцов открыты лица... И среди них полно одинаковых – безликих... Тихо... все двери закрыты... Ползком пробираюсь между сапог теней Скара – они подводят людей с опутанными светом руками к стенам коридора! Разворачиваются все новые и новые мониторы – повторяют то, что я вижу здесь и... Не знаю, как, но на них отображается то, что я уже видел в других коридорах. Наверное, подключили запись, но все заполняющий голос постоянно твердит – образы и пространство развернуты в реальном времени по всем территориям AVRГ. Мониторы расплываются, некоторые люди просто исчезают! Не могу понять, кто из них настоящий, а кто – проекция! Совсем запутался! Луч рассыпался о пол у самых лап – я подскочил, аж зубы клацнули,

и бегом... Айнер так и стоит совершенно неподвижно, будто всматривается в заливаемый светом коридор. Он надо мной издевается?..

– Айнер, не надо! Можешь издеваться сколько влезет, но после, а сейчас сделай хоть что-нибудь!..

– Не могу действовать адекватно, пока тебя не найду.

– Я же прямо перед тобой!

– Ты, да, но я не вижу то, что видишь ты. В каком ты секторе? Посмотри на двери.

– Крысы показывали мне ваши значки, только я забыл, что они значат!

– Тяжелый случай... Вспоминай!

И как узнать, что значат светящиеся черточки и палочки?!

– Третий сектор – точно он, я узнал значок!

Айнер схватил меня поперек живота...

– Куда поперся?!

– Откуда я знаю! Что здесь происходит?

– Показательная казнь государственных преступников!

– Кто все эти люди, машины?..

– Солдаты AVRГ.

– У вас все солдаты AVRГ – даже *они*!

– *Их* здесь нет.

– Они убивают друг друга! Они и нас убьют!

Айнер, пригибаясь под лучами, тащит меня к дверям...

– Кот, слушай...

– Мя-яу! Мы умрем!

– Нет.

– Они же по тебе стрелять не будут – ты офицер AVRГ... Ты же не преступник?

– А кто же, после всего, что было в Шаттенберге? Но если я и жалею о своем решении – вытянуть из нашего кризиса за хвосты всех, у кого они есть, а не пытаться вытащить из его пасти нашу нерушимую систему, – то самую малость.

– Я тоже участвовал в заговоре!

– А то как же. Твои агрессивные высказывания против нашего порядка – все идет в счет. Они там обо всем знают!

– Что же делать?!

– Вот уж не знаю, что тебе делать, а я в те времена преступником еще не был.

– Как это? Я не...

– Давай, соображай, Кот! Выводы делай!

– Мы покойники!

– Да... Говорил же – тяжелый случай. Если я в то время не был государственным преступником, то и ты не мог участвовать в “заговоре” за его отсутствием.

– Откуда ты знаешь? Что ты рот кривишь?!

– Меня здесь вообще нет. Вернее я здесь, но в другом секторе с Норвальдом и...

Луч ударился в стену, по перекрытию пошла трещина...

– Прощай, Айнер...

– Хватит! Нас здесь нет!

– Смерть пришла...

– Да послушай ты меня!..

– ...А я даже не могу ее осознать!

– Для начала достаточно и осознание того, что твой разум обманут. А вот если не поймешь – придется поторопиться с осмыслением смерти.

– Сон? Всего лишь сон? Кошмар! Нет, не надо меня утешать. Я так боюсь таких кошмаров, что они мне даже не снятся!

– Это хроника – история, воспринимаемая тобой через киберсистему полного погружения. Мы наблюдатели, а не участники. Эти события произошли больше года назад – это не сейчас и не здесь.

– Но мы здесь.

– Нет – ты так думаешь.

– Я вижу! Мне больно!

– Тебе кажется. Обычно сигнал с твоих анализаторов проходит через мозг, и ты получаешь информацию об окружающем, а это прямое подключение. Твой мозг принимает сигналы непосредственно из памяти киберсистемы. Это проецируемая на тебя иллюзия. Понимаешь?

– Нет!

Айнер резко увернулся от ударившего в стену луча.

– Меня здесь нет и тебя тоже. Ты спишь на столе рядом с компьютером третьего порядка и своей невестой, когда твое сознание блуждает в киберпространстве. Понял?

– Нет!

– Ну ты совсем затупил...

– Ты меня просто утешаешь, чтобы я так не боялся...

– Подумай, что говоришь.

– Да, действительно...

Айнер остановился у двери и ждет...

– Кот, ты не осознаешь того, что информация исходит из программы. Убеждаешь себя в реальности происходящего по привычке доверять тому, что “видишь” и “слышишь”.

– Значит, нас не могут убить? Зачем тогда ты уклоняешься?

– За тем, что если ты будешь уверен, что я мертв, перестанешь меня воспринимать. А если уверишься, что тебя застрелили – подохнешь – угробишь себя самовнушением.

– Почему ты не можешь открыть дверь, если все вокруг – не реальность?

– Мы можем только наблюдать за событиями, но изменить ничего не можем – это история. Ты, кажется, хотел изучать историю?..

– Только не так! Давай уйдем отсюда!

– Здесь есть свои правила. Я понимаю, где я и что происходит – ты, нет. Пока не поймешь – не уйдешь.

– Вытащи меня отсюда!

– Сейчас не получится – ты грубых приемов не выдержишь. Соображай быстрее – времени не много. Операция практически завершена.

– А что будет, когда она завершится?

– Ничего не будет – вернее будет ничто.

– И ты ничего не сможешь сделать с этим “ничто”?!

– Смогу, только лучше избежать перезагрузки текущей темы. Она может повторяться столько раз, сколько ее запускать, но я уйду на исходе темы – не одному тебе надо успеть разобраться в том, что не понимаешь. Если не вернешься со мной – застрянешь здесь. Сам ты киберпространством в таком состоянии управлять не сможешь, так что напряги мозги. Здесь тебе не управляемая проекция – в эту программу, запечатлевшую момент реальности, нельзя внести ментальные коррективы. Например, я не могу открыть эту дверь, пока ее не откроют здесь, но я могу пройти через нее – она нематериальна.

Айнер пригнулся... Белый луч ударил в стену, и меня осыпало раскаленными осколками обшивки.

– Мне больно!

– Пока ты не поймешь, что это не так – ты отсюда уйти не сможешь.

– Но мне больно!

Вспышки света прекратились. Люди уходят, а андроиды забирают мертвых на расщепление... Айнер прошел в открытую дверь... Я вижу у него на руке – вижу только трупы на полу. Здесь не стреляют, но он тащит меня ближе к опорам коридора...

– Айнер, но если это не на самом деле – зачем прятаться?

– Незачем.

Он долбанул меня о стену...

– За что?..

– Ты только думаешь, что здесь стена, и только поэтому тебе больно. Это прошлое, Кот – всего лишь виртуальное поле событий.

– Но если нас здесь нет... ни тебя, ни меня...

– Тебе кажется, что я здесь, что кругом стены, о которые бьется твоя голова, и что все эти люди намереваются тебя убить.

– Они же убивают других людей... Это тоже потому, что я так думаю?.. Я не хочу этого...

– О чем бы ты ни думал – прошлого не изменить. У меня нет времени таскать тебя по киберпространству всю ночь.

Он не сбавляя хода, перешагивает тела мертвецов, прорывает резкими движениями хрупкий свет призрачных мониторов. Что-то мне подсказывает, что я здесь был. Все по-другому, только я наперед знаю, как поступит тот или иной человек. Безусловно – я предсказываю будущее или что-то вроде того! Но если мы в прошлом... то я предвижу будущее прошлого? От такой путаницы начинает одолевать беспокойство...

– А куда ты меня вообще тащишь?

– Туда, где ты быстрее сообразишь, в чем дело.

– Как я тебя вижу, если тебя здесь нет?

– Да хватит уже! Я проецирую себя в твоём сознании. Я просто взял эту хронику, как наводку на твоё нынешнее состояние, чтобы было ясно, где ты блуждаешь. Мы параллельно видим и ощущаем одно и то же при самом обыкновенном ментальном контакте.

– Как это возможно? Как киберпространство действует?

Айнер снова остановился у двери и ждёт, когда её откроют...

– Пространство работает в подчинённом ментальном формате.

– Это не то же, что направленная передача образов или эмоций?

– Нет, кибербаза подключена к ментальному фону на более примитивном уровне.

– Это ненаправленные мысли?

Не понимаю ничего. Я никогда не понимаю такие вещи, только если скажу об этом Айнеру, он и в челюсть дать может...

– Нет – это не чьи-то мысли, а конкретная программа, передаваемая на более примитивном уровне.

– А заблокироваться от восприятия можно?

– Если поймешь, где ты. Заблокировать пространство, загруженное на полное погружение, могут только офицеры высших категорий и машины. Другие люди перестают ориентироваться. Им сложно отличить его от реальности, как и тебе. Но вытащить человека легче – достаточно напомнить, где он.

Айнер не стал ждать, пока пройдут люди, поднял меня над головой, чтобы я с ними не столкнулся, и прошёл в открытую дверь прямо сквозь них.

– Что это было?!

– Ничего – ты уже допускаешь, что я могу это сделать.

– Но это невозможно!

Я упал на пол, Айнер исчез... Но я не успел даже заорать, как его жесткая рука снова меня подхватила...

– Кот, не вытесняй меня – если заблокируешься, хуже будет.

Он перешагивает через разрезанные корпуса машин, проходит через мертвых людей... Я закрываю глаза... Я не буду смотреть, не буду думать об этом...

– Почему мы не можем передавать что-то вроде этого пространства?

– Слишком опасно давать живому существу непосредственный контроль над разумом.

– А ведь ты сам говорил, что скингеры плохо отличают образы, которые ты им скидываешь направленными передачами от действительности...

– Даже они, хоть с трудом, но различают. Все, что передается в ментальном формате, воспринимается на сознательном уровне. Киберпространство действует по-другому принципу, но его можно осознать.

Чем больше я об этом узнаю, тем меньше слабеют лапы...

– Киберпространство все такое ужасное?

– Оно такое же, как наша жизнь...

– И как вы могли так жить?

– Ты видишь только фрагмент из памяти сложноорганизованного социума – неизбежную необходимость его поддержания.

– У крыс тоже сообщество непростое, а такого они никогда не делают.

– Это одна из крайностей обратной стороны гуманизма. У крыс гарантий выживания не так много, и им не приходится решать такие проблемы – за них решает голод, холод и засуха. Просто те из них, кто выпадает из сообщества, подвержены им в первую очередь.

– Разве ваши методы не более жестокие?

– Нет, если рассматривать не частности, а существование системы в целом.

– Ты уверен?

– При таких операциях гибнет меньше людей, чем оголодавших или отравившихся крыс.

– Но у всех крыс хотя бы есть возможность выжить.

– Возможность-то есть, а сколько из тех, кто ее имеет, выживает – другой вопрос. Показательные зачистки гуманны, и не только потому, что меньшими жертвами позволяют выжить большинству – они дают шанс не подпасть под статью ликвидации тем, кто еще способен одуматься.

– Я с тобой не согласен.

Айнер начинает злиться – вот-вот заискрит, а я как раз отношусь к горючим материалам, которых у людей так мало.

– Для того чтобы это исправить, есть не менее гуманистические методы.

– Если ты считаешь свои методы... Знаешь, ты ошибаешься.

– Отнюдь, все для твоего же блага. А что есть – твое благо, мне виднее – я офицер.

– А я вообще – кот! На меня твое офицерское мнение не распространяется.

– Да, в общем, идея гуманизма продержалась так долго только из-за крайней гибкости. Считая себя правым, я мог вывернуть ее хоть наизнанку, а решит все, в конце концов, власть, которую дает сила. В первую очередь “высокоразвитые” существа применяют изворотливость ума – силу убеждения, главный пособник которой – софистика. А если не получается перевернуть все так, как тебе надо – прибегают к проверенным методам – грубой силе. Здесь мы наблюдаем применение обоих силовых методов.

– Так уже понятнее. Непонятно только, как вы с таким подходом так долго продержались?

– Все просто – прогресс подхлестывал экономику и не позволял отставать идеологии, в основе которой всегда заложены наиболее актуальные принципы выживания. А они оставались неизменными даже после поверхностной коррекции первичной программы, так что смогли замедлить проявления негативного влияния нашего развития.

– Не особо заметно...

– Не знаю, на что ты рассчитывал, залезая в память кибербазы отдела внутренней безопасности, но ничего иного здесь и быть не могло.

– А здесь в памяти есть чьи-то мысли?

Айнер идет быстро, сворачивает – дверь открыта...

– Есть, в ментальном формате.

– Мысли всех этих людей?..

– Тупишь. Только комментаторов или речи командования... Это та же запись с ошейника... Ментальные материалы к пространству напрямую не относятся. Виртуальный мир только касается твоего сознания – ты в нем всемогущ, если контролируешь его разумом, если имеешь власть над собой.

– Почти как в реальном мире...

– Да, почти... Иногда ты меня удивляешь. Если бы еще понимал, о чем говоришь... Ты здесь хоть летать можешь. Можешь сколько хочешь подставляться под лучи, проходить сквозь стены, чтобы посмотреть, что творится на другой части базы. Теперь понял? Открой глаза!

– Нет. Мне страшно.

– Кот!

Айнер меня встряхнул... Очень неловко, но я дрожу от страха... Он тащит меня по коридору и держит так неудобно, что дыхание перехватывает...

– Кот, тема заканчивается...

– Наконец...

– Ничего хорошего в этом нет. Мы оперативно работаем – осталось несколько минут записи для спецслужб.

– Несколько минут? И я должен понять такие сложные штуки, как развитие экономики и идеологии за несколько минут?

– Даже не пытайся. Сосредоточься на киберпространстве.

– Но я не могу ничего с собой поделаться! Думаю только о вашей гибкой гуманности!

– С ума не сходи – рано еще... Просто открой глаза.

Я открыл глаза... Озноб усилился... Айнер тащит меня в коридор... Не понимаю, что здесь творится – все происходит очень быстро. Люди падают, солдаты перешагивают трупы, проверяют их браслеты... Но самое ужасное – они точно повторяют каждое движение.

– Отпусти! Я не хочу!..

– Смотри...

– Нет! Я это уже видел! Я знаю все, что произойдет заранее! У меня – *дар*!

– У вас, похоже, даже короткая память за “дар” сходит. Смотри – это наши люди... Чисто работают.

– Как ты можешь так говорить?! Работают?!

– Такая у солдат работа – исполнять приказы. Очень даже неплохая система в плане отягощенности ответственностью. Смотри, сейчас Стикк попытается вывернуться на “золотом драконе”... Зря он – только себе настроение испортит...

– Откуда ты знаешь?.. У тебя тоже *дар*?

– Ну да – и почище твоего. Твоя неотягощенная память еще пережевывает увиденное десяти минутной давности, а моя еще хранит воспоминания, переваренные больше года назад.

– Это же ты – в серой шинели... только без шрама от ожога.

– Теперь понял? Это прошлое, которое к тому же постоянно повторяется... У истории есть такая склонность... Сделал выводы?

– Какие?

– Да не важно – главное, я их сделал...

– И что получилось?

– Ни те, для кого события шли в реальном времени, ни те, для кого память об этих событиях идет в реальном времени, не замечают их повторения.

– Так это повтор?..

– Он самый. И если ты из него не вырвешься – примешь его как данность, и тебя излучат с государственными преступниками.

Стараюсь смотреть на потолок, но и в нем смутно отражаются мертвецы – так еще страшнее...

– Нет, не смогут, раз уж это прошлое, в котором меня вообще не было.

– Тогда идем на выход.

Фоновый голос уже ведет отсчет времени – все, операция завершена. Герфф снова сел у стены вытянув обожженную ногу, Лесовский прикуривает ему сигарету... Бойцы в серой форме, смотрят, как машины все забирают и забирают убитых...

Айнер – тот, который еще без ожога, закурил. Рассказывает в сопровождении Стикка между трупами и наблюдает за работой врачей – те из них, которые люди, стараются не смотреть по сторонам, а сосредотачиваются на конкретных действиях...

– Айнер, почему?.. Почему для вас это нормально?..

– Потому, что это – данность.

– Почему вы ее приняли?

– Делай выводы сам. А к чему это привело – ты знаешь.

Он смотрит на Герфа... А Герф наблюдает, как “золотой дракон” подходит к обожженному бойцу, который уже кажется мертвым, как наводит излучатель... Люди могут оживлять даже мертвых, но...

– Вы же могли его восстановить – он же не преступник...

– Составление по фрагментам обычно обходится дороже, чем создание слитно. Это редкая привилегия.

У меня почему-то перестали дрожать лапы... И обожженный хвост больше не болит – я про него совсем забыл. Айнер поставил меня на пол, и я стою тут в уголке...

– Что это за место?

– Здесь сортируют и перерабатывают андроидов, пришедших в негодность. Сейчас мы на складе первого этапа.

Айнер огляделся... я невольно последовал за ним...

– Это место перерабатывает и машины, и людей...

– Да... Кот, это как бы модель жизни... только ускоренная – модель нашей жизни... Я здесь как призрак, наблюдающий со стороны настоящего за своим прошлым, из которого сложится будущее... В киберпространстве все – призраки, потерянные во времени и пространстве. И ты, Кот. Но ты можешь вернуться в реальное пространство и время – в свой мир...

– А ты?

– Нет, я теперь не принадлежу вашему миру, как и он мне. В нем я тоже стал своего рода призраком... Здесь мое время кончилось со временем людей. Я больше не вернусь, Кот. Когда здесь не останется нашей тени, я больше не смогу вернуться.

– Тебе, наверное, тяжело было в Штрауб возвращаться?..

– Еще как, но не об этом речь.

Я вдруг все понял... увидел уставших людей, для которых война – просто работа. Им нелегко убивать, но они делают это, и делают постоянно. Для них эта тема повторяется всю жизнь, и они не могут уйти – им некуда идти, а может, им так всего лишь кажется... Они живут почти, как муравьи – только муравьи ничего не понимают, а люди...

– Айнер, где выход?

– Где угодно. Отключайся от темы.

Я закрыл глаза, а когда снова открыл, оказался в пустом коридоре...

– Ну что, все?

Вместо ответа Айнер подхватил меня и снова куда-то потащил...

– Но как узнать, что это еще не реальность?

– Мозги напряги.

– Я запутался, что нужно воспринимать как данность, а что нет?

– Все путаются.

Айнер уже шагнул в стену – мысли поплыли от удара...

– Кот!

Смотрю на него снизу вверх...

– Не путай меня! Нельзя воспринимать киберпространство иначе, чем данностью – оно дано.

– Можно – все зависит от степени данности. Даже реальность такова до какого-то предела, а чтобы его осознать – у тебя мозги есть. Хватит тупить – учись летать. Такому легкомысленному существу – раз плюнуть.

– Но как?

– Ты полностью управляешь собой в киберпространстве, если его осознаешь и контролируешь.

– Я могу чем-то управлять? Я? Кот?

Айнер посмотрел на секундомер...

– Иди за мной, и концентрируйся на выход из темы – сейчас Снегов покинет базу, и тебя затянет в ничто.

– Снегов здесь?

– Еще да.

Я рванул через стену...

– Кот, какого черта ты мне голову дурил?!

– Я не дурил... Я только сейчас понял, как это...

Бегу по коридорам, через стены, через двери, пролетаю через посты андроидов и теней Скара... Я зависаю в воздухе, лапы отрываются от земли... набираю скорость и... Нет! Айнер налету поймал меня за хвост...

– Нет... Айнер...

– Все, хватит. Я устал – это ты спишь по двадцать часов в сутки.

– Это только, когда охота удачная... Дай мне посмотреть – одним глазком. Я хочу его видеть. Я еще не видел ни одного человека S12.

Айнер отошел к стене – замер, положил на плечо правую руку (это у него рефлекторно). Вот он – Снегов... Ровные шаги высокого человека в белой шинели гулко разносятся по пустому широкому коридору – он один, без эскорта, без охраны... Этот заледеневший человек решал, будет ли существовать наша планета или пойдет прахом – от его вида шерсть дыбом встает. Он остановился, обернулся и ждет... Все замерло в звонкой тишине, только свет на мгновение вспыхнул ярче.

– Айнер, он нас не слышит?

– Он уже давно пустил луч в голову. Закрыв перспективу программы завершил – задачу...

Страшно как-то...

– Высшие офицеры иначе не поступают. А систему стереть, как “защитники”, не могут.

– А что он решил, перед концом?..

– Кто его знает...

– Он ведь здесь не один? Страж приходил с искаженным пространством и к нему.

– Похоже на то. Нам пора.

– Он решил ждать?..

– Как видишь. Что еще было делать не человеку и не машине... Он исполнил долг – расширенный до его всеобъемлющей власти... Но не сделал ничего больше этого...

– И что это значит?..

– Он хранил наше время до конечного расчетного будущего. Но не до того, которое полностью перекрыло бы нам перспективы. Он обрубил наш последний временной отрезок где-то у крайней его точки, но не у его предельной черты – он уничтожил нашу войну вместе с нашей системой... Но при этом он убил одним лучом двух чудовищ. Он оставил нам что-то, что могло не дать врагу забрать у нас все – оставил человеку пространство и время. Это он оставил и не человеку.

– Это и значит, убить двух чудовищ одним лучом... С этим еще понятно, но что он сделал?..

– Корректировку схемы.

– И только?

– От этого решилось будущее людей... и других – чужих – жизнью.

– И что за схемы решили столько всего?.. Что он сделал?

– Никто точно этого теперь не узнает. Но уверен, что он продлил и экспериментальную фазу, и фазу испытаний... Проект не был запущен к четко обусловленному сроку... Не был открыт пространственный переход. Что Стражу и было нужно... Что дало жизни всем вам и забрало наши...

– И никто не мог ничего сделать поперек его воли?

– Точно знаю только то, что ничего подобного не было. Он убедил и Совет, и высший генералитет. Думаю, тут промедление было действительно необходимо. Мы прежде ни единого раза не открывали гиперпространство при таких сложных условиях.

– Он знал, что переход не будет открыт?

– Знал. Но у него точно был и расчет погрешности. Обычно этот расчет не столь значим. Подойти к Шаттенбергу, получить доступ к его энергии – это и без того, что враг стал видеть экранированные тоннели, было... очень сложно.

- Это и было погрешностью?
- Неучтенный фактор... Погрешностью он был лишь в наших расчетах. Снегову он был нужным дополнением...
- А что могло быть его погрешностью?
- Только то, что если бы мы получили доступ к энергохранилищу, подключили его щиты – переход был бы запущен... И Снегову этого было бы не сдержать.
- И что тогда?
- Мог быть быстрый конец от ошибки при запуске. Мог быть – затяжной, после операции, прошедшей по плану. Но конец был неизбежен... и без угроз Стражей... Что “защитники”, что офицеры с расширенным разумом вели счет только на время... И офицер с расширенным долгом прекратил это...
- Он уничтожил тех, кем правил...
- Айнер как-то еще более жестко скривил рот...
- Думаю, точнее – убил гибнущих и обратил в руины разрушение... Скорей, он поступил, как генерал Роттер – задал курс мощному бесконтрольному разрушению, пустил остатки системных сил на подчинение этой деструкции... И оставил единственный способный устоять под общим разрушением системы мост. Но мост слишком хрупкий, чтоб по нему полку маршем пройти.
- Мост был предназначен вам?
- Нет, не думаю... Если только отчасти. Если только мне... или кому-то подобному.
- Он и об этом знал?..
- Понятия не имею. Боевые единицы высших категорий – технические и биологические – этому значения особо не придают. У них расширение большое...
- Но он не перекрыл пути и человечеству...
- Скорей перекрыл... Одну системную боевую единицу, пусть и бессмертную, человечеством не назовешь.
- Он знал, что его больше не будет?
- Это знали все высшие офицеры. Не полностью определенным фактором этого расчетного будущего было лишь время. Точно рассчитать его не мог никто. И все мы старались его продлить... кроме тех, кто его сократил. Бессмертной единице закрыл расчетные перспективы системы и частично перекрыл человечеству. Это не особо значимо. Уверен, что проследить его ход мыслей сложнее, чем у технической боевой единицы первого порядка.
- А мог оставить мост и не вам...
- Мог.
- Если не стал машиной...
- Думаю, он стал машиной...
- Но они так не делают...
- Машины не делают лишь того, что не нужно. И способны исполнить только четкий программный долг. А он похоже поступил не иначе.
- Но “защитники” этого не сделали.
- “Защитники” могли пойти на что-то подобное... При крайней необходимости эти машины способны уничтожить людей, но только с расчетом общей человеческой перспективы. Мой “защитник” послал Штрауб к черту, когда тот выпал из его схемы...
- Но он же его не уничтожил...
- Активно уничтожение или пассивно – не имеет большого значения. Разрушишь ты или позволишь сделать это – нет разницы... Результат один.
- Ух ты!.. Как сложно.
- Не сложно. Просто у них программы отчасти другие, чем у S12... И при расчете меж ними учтено расхождение. И эти офицеры, и “защитники” расчетное будущее строят на одном фундаменте... И обычно, если перед ними программные тупики, переходят к устранению собственных систем. И те, и другие действуют только, если это необходимо по программе... “Защитники” холодней – и не берут в расчет ничего “человеческого”. Их расчеты мощнее и шире, но среди них больше того, что “не имеет значения”. У них не было информации о Страже...

Только им этого и не было нужно, чтобы сделать основные выводы. А Снегову по программе пришлось рассчитать будущее с другой позиции – с этим “уточнением”, имеющим значение как подтверждение очередной войны.

– Войны!?

– Это было бы неизбежно, если бы был открыт пространственный переход. Мы бы под временным ускорением пошли дальше. И Стражи об этом знали... Угрозы неминуемого – больше ничего не могло пресечь программных действий верховного главнокомандующего AVRГ раньше той конечной черты времени.

– Этот офицер S12 холодней и тверже тех каменных глыб...

– Точно, Кот. Нет, он не предатель... Машины не предают... Только исполняют долг – и ничего больше... И такие, как он поступают не иначе...

– Ты поступил так же, как он...

– Нет.

– Так ты предал людей?..

– Нет. Мой конечный расчет был верным.

– Так у вас все определяет расчет?..

– Точно, Кот. Как ни тяжело было с этим не спорить – конец был неизбежен...

– Но тогда ты сделал выбор... Он же был...

– Он всегда есть. Но есть и расчетное будущее. То, что не нужно было учитывать моему “защитнику”, учел я. Учел то, что перекрыло расширение S9...

– Что?..

– Низкий уровень допустимости исправления положения, близкую к нулю способность к действию и короткий отрезок времени при требуемом исходе планируемого...

– Только это остановило тебя?

– Нет, не только. Еще был расширенный долг. Осознание причастности к большему... чем мы – люди.

– Ко всем, кого ты считал другими?..

– Не только...

– Ты не думай, что я проверяю...

– Кот! За такие штуки!..

– Знаю!.. Не ломай мне челюсть!.. Мне еще долго на крыс охотиться!.. Если ты нас спасешь!..

Кстати, ты точно возглавишь список имен Героев Великой Победы на крысином монументе!..

– Молчи! Пошли! Иди за мной! Быстро!

– Постой! Так он все же стал машиной?

– Теперь мы этого не узнаем.

– Но крысам очень нужно об этом знать...

– Теперь ничего больше... А крысы пусть без посторонней помощи информацию достают. Ты на задании. Пошли.

Пытался присмотреться, чтобы понять – осталось ли в этом человеке хоть что-то человеческое, а он уходит... И преследующее его искажение пространства исчезло. Бегу за ним – пытаюсь зацепить когтями шинель “белого генерала”, возглавляющего Совет AVRГ, но никак не могу дотянуться... Бегу так медленно, как во сне – когда долго тайшься, целишься, делаешь стремительный выпад, а крыса убегает, и чем быстрее за ней гонишься, тем больше она отдаляется. Как будто сам воздух дает сопротивление, затормаживает движения. Дверь пропускает генерала в белой шинели... там площадка и переход на другие уровни, там его ждут “защитники” и офицеры в черной форме. Я уже у двери... сопротивление все сильнее... Снегов выходит на площадку, а я... я не могу...

– Айнер, это ты меня не пускаешь!

– Нет. Ты на границе кибертемы.

– Туда нельзя?

– Нет – там тупик, и он ширится – пространство сворачивается. Пора уходить.

Айнер стоит у меня за спиной, сложив на груди руки... Я к нему робко оборачиваюсь – поверить не могу, что это тупик темы... Касаюсь лапой двери – ничего...

– Потрясающий человек...

– Ну да... Доволен? Пошли теперь.

Я врезался в стену...

– Кот! Только не начинай все сначала.

– Я не могу с этим ничего поделать – от меня это не зависит. Уж очень интересно, куда он пошел...

– Твои мозги как-то умудряются функционировать автономно от тебя. А вот что тогда – ты?

– Хватит издеваться. Я еще не совсем понял, что здесь увидел и очень боюсь, что пойму... Не хочу думать о таких страшных вещах.

– Через тридцать секунд, без ментальной реанимации сознания тебе не обойтись.

Ковыляю за Айнером... Очень странно все здесь стало холодать – морозец по хребту ползает... Пусто – никого нет... Но так интересно, что дальше? Куда все эти тоннели ведут? В Хантэрхайм. Снегов вернулся в Хантэрхайм, за ним последует весь высший состав, а что там?.. Да, жуть до костей пробирает, только любопытно же...

Айнер ушел в перекрытие, а я снова ударился и остался в тоннеле. Да что это со мной?.. Хантэрхайм из головы не выходит... Шагнул в перекрытие...

Запись №29 00 00 000 00:00

Меня обдало холодом – воздух звенит и переливается хрусталем. Все заполняет набирающий мощь звук... Это музыка – величественная и какая-то траурная. Она везде, она вытесняет звенящий воздух. От холода я не могу вдохнуть – вибрирующий тяжелыми голосами воздух сковывает что-то за грудной клеткой... Да, я слышу голоса, только не знаю принадлежат они людям или машинам. Озираюсь... Пусто – пустая площадь, улица... Бегу, взлетаю... Значит я еще в киберпространстве... Лечу по глубокой, черной, бархатистой, как парадная форма “союзников”, ночи. В небе только засвечивается северное сияние, за ним меркнут огоньки звезд... Почти как в Альвэнхайме, только свет окружает меня со всех сторон... Нет, это не сияние – это прожекторы. Поднялся выше, прижал уши, чтобы не свистел ветер, – в разгорающемся свете прожекторов засиял Хантэрхайм! Я видел макет города в музее Шаттенберга – Хантэрхайм сияет! Все переливается, башни теряются в темном небе, но по ним все поднимается и поднимается свет! Подгрел передними лапами, чтобы развернуться – вместо руля хвост, но для резкого маневра его не достаточно. Лечу к центру города – быстрее, быстрее!.. Музыка становится громче и жестче вместе с восхождением лучей света... Чувствую, как сердце начинает биться чаще, как я взлетаю выше... А внизу только лед...

Все поднимается вместе со мной – поднимается все выше... из белого снега в морозный воздух, поднимается вместе со светом и сияет... Какие потрясающие ощущения и впечатления! Голова кружится... На меня упала тьма, но я пролетел сквозь ее бесплотность – на ней вьется, мерцает золотой дракон! Черные знамена рушатся вниз... и поднимаются прямые мосты. Они почти прозрачны, взлетают над городом вслед за мной, на них восходят люди... Огромная площадь и радиальные улицы изрезаны этими прозрачными полосами... Здесь много андроидов... Везде развернуты виртуальные мониторы реального времени – они отсвечивают и рефлексиируют цветом на непроглядную тьму спущенных знамен. Зднсь и золотой дракон, и белый медведь, и гордый орел AVRГ...

Голова кружится все сильнее – это от музыки... Мне вдруг сало страшно – не знаю почему... В голове что-то меняется, плывет... Я теряю высоту... вижу что-то... На мост всходит человек, почти невидимый в белом свете, – он останавливается над центром площади, над самой бездной, испускающей жесткие лучи, а его призрачный силуэт поднимается к вершинам башен... Все переворачивается – это я переворачиваюсь!.. Воздух взрывается приветствием... Это же генерал Снегов... За ним на мост, на этот светлый путь, ступили еще трое людей в белых шинелях... что-то меркнет, что-то меняется...

– Айнер, я падаю! Айнер!

– А я что могу сделать?

– Ты здесь?

– Ну да.

– Помоги мне!

– Давай сам.

Земля приближается все быстрее... Нет!

– Мя-яу!!! Хвост оторвешь!

– Я бы на твоём месте воздержался от претензий.

– Айнер... Что здесь творится? У меня в голове все едет...

– Подобные эффекты для таких вещей и применяют.

– Это и лучше и хуже, чем после абсента...

– Какого черта ты!.. D40 еще не протестировал состояние кибербазы – она в ужасном состоянии. Ты вполне мог угодить в кибердыру, так вот увязавшись за Снеговым!

Айнер стоит в воздухе и смотрит вниз – он так и продолжает держать меня за хвост (очень больно), но я готов простить и даже не обращать никакого внимания, хоть, по-моему, это нарушает величественность происходящего...

– Что это?

– Похороны главнокомандующего армий Хантэрхайма – генерала Штольта.

– Он же в Анлагене...

– Ты Кот, видимо, забежал вперед.

– А с кем Снегов?..

– Любопытство тебя погубит. Когда у него предел появится, хоть ситуативный?..

– Кто эти люди?..

– Генералы Совета. Грэн – главком армий Штрауба, Верштект – главком Центрального управления DIS... Хенрих Райх только вступил в должность – сменил погибшего главнокомандующего армий Шаттенберга. Остальные – Гуан, Светловский, Зорин и Штиль.

Над генералами поднимаются их призрачные проекции, поднимаются высоко в небо... Шерсть встает дыбом, по коже пробегает морозец – я вообще замерзаю очень быстро...

– Айнер, они все собрались здесь?..

– Нет, конечно. В составе Совета девять офицеров S12.

– Но их девять!

– Не все они были здесь. Ты что, проекции не отличаешь?!

– Это они управляли всей системой?

– Да.

– Это все, что можешь сказать?

– Пора уходить, Кот.

– Постой! А Кто те трое, что стоят за ними? Те, в черном, в темноте, которых и не видно почти...

– Это высшие офицеры внутренней системной безопасности Хантэрхайма – Тишинский и его “холодные руки”. За ними Фрост, командующий карательными полками, но ты его за этой мглой уже не увидишь. Нам пора.

Айнер так и держит меня за хвост, зависая над площадью...

– Что генералы Совета так долго на мосту торчат?..

– Речь произносят.

– Как?! Я ничего не слышал!

– Ты занял ментальный канал своими идиотскими вопросами.

– А где генерал Штольт? Его уже похоронили?

– Его пока еще укрывает свет.

Я проследил за взглядом Айнера... всматриваюсь в яркий белый свет в самом центре площади – от саркофага и исходят лучи. Мост опускается... Свет меркнет... Осталась только зависающая над площадью слегка мерцающая платформа, а над ней лежит человек (вернее он лежит на

воздухе, как будто он невесомый, и его поддерживает сама пустота). Он не двигается... Люди приветствуют его... “Защитники” подходят по парящим мостам к платформе с четырех сторон...

– Айнер, он S12?

– S11.

– А чем он от S12 отличается?

– Тем, что – он S11.

– А... Тогда понятно.

Генерала Штольта снова закрывает яркий свет, исходящий с рук “защитников”... Просто волшебное зрелище...

– Что они делают?!

– Сейчас расщепят и запустят техноклон.

– Почему они его расщепляют? Почему восстановить не могут?

– Кот, уже сто раз говорил – когда мозг отмирает, как его не заменяй – человек другим будет.

Штольт погиб.

– Дали бы ему новый мозг с его памятью.

– Во-первых – дорого. Во-вторых – это наша привилегия – тела второй раз не используют. Всех погибших расщепляют. Кого-то заменяют техноклонами, если не могут позволить их данным просто исчезнуть.

– У вас всех так хоронят?

– С такими почестями только высший состав и героев.

– Обидно как-то...

– У тех, кто мечтал о таких похоронах, была возможность себя проявить.

– Знаешь, если уж умирать, то только так.

– Ты не знаешь, как он умер.

– Я имел в виду погребение.

– У тебя будет возможность поменяться с ним местами, если останешься здесь.

Когда погас свет, на тускло мерцающей платформе генерала Штольта уже не было. Я не успел поймать тот момент, когда на платформу опустилась вторая, тоже окруженная сиянием, режущим глаза... Из этого блекнувшего, спадающего света, сложив на груди руки и запрокинув голову, поднялся человек – он словно восстал из мертвых... его будто пробудил хор голосов, окружающий, поднимающий весь город. Это зов, на который откликается каждая волосинка на хвосте и ушах, который покалывает нос, задевая усы – настойчивый, уверенный зов... Думаю именно так звучат фанфары.

– Пошли, Кот.

– Подожди...

– Легкомысленная ты тварь.

– Что за укоризненный тон?

– Если мы быстро с *изменениями* не разберемся, то ничего уже сделать не получится – скоро начнутся необратимые процессы. Это, Кот, не на один день работа, и проблем, которые ни я, ни D40 пока решить не можем, просто куча.

– Вы все сделаете.

– Не обольщайся.

– Может быть страж поможет?..

– Нет, Кот. Он не принадлежит этому миру. Это наша забота. Пошли.

Айнер тащит меня за хвост... Вроде я понимаю, что это только кажется, но он настойчиво тянет меня за хвост... Окончательно перестал соображать, что творится в моей голове, что в киберпространстве, в реальности и еще где-то – все плывет, сверкает...

– Кот, не вырубайся. Если здесь вырубись – здесь и останешься. Я тебя не дозовусь отсюда.

– Я не...

– Кот!

– Я все понимаю. Все знаю. У меня озарение.

– Нихрена ты не понимаешь! Возвращайся в архив!

- Не могу...
- Меня что-то встряхнуло... Айнер? Он здесь?..
- Сказал, возвращайся!
- Крысы...

Запись №30 00 00 000 00:00

- Кот, вставай и выметайся отсюда!
- Айнер... Ты здесь... Я ужасно не выспался...
- Тяну спину... По моему заливку прошлась костлявая пятерня Айнера – не слишком нежно...
- Айнер, что-то не похоже на пожелание доброго утра...
- Действительно.
- Я вспоминаю...
- Это не сон!
- Ну...
- У меня было озарение! Я почти все понял, а ты... Ты меня вытащил...
- В последний раз. Дальше сполна за свои необдуманные действия отвечать будешь.
- Несмотря на упущенное озарение, уже чувствую первые, но болезненные до искорок в глазах уколы совести.
- Айнер, что ты меня гонишь все время? Я ж делом занят...
- Не место тебе здесь. Опасно здесь. Да и не думаю, что простые солдаты способны создать такой сложный справочник.
- Просто все офицеры – снобы.
- Ладно тебе.
- Айнер измотан, как после боя. Отец всегда говорил – совесть самая страшная кара. Сначала надо думать о ней, и только потом о том, что собираешься сделать. Все мы – коты – об этом знаем. Если бы еще понять, враг она нам или помощница?..
- Кот, это я на тебя такими глазами смотреть должен.
- Прости?..
- Чтобы я тебя здесь больше не видел. И невесту забери. Твой Серый кот тут, как труп, целый день валяется – от отдыха отдыхает.
- “Защитник” уже принял рапорт и дает крысам новые указания. Крыс-передатчик Айнера сидит у него на погоне – значит, связь налажена, все при деле, кроме меня.
- D40, что у них?
- Крысы ничего не нашли. С первым поколением мы за день осмотрим все объекты, куда они не смогли проникнуть.
- Пошли. А завтра – в Шаттенберг. Посмотрим, что там из аппаратуры генетиков осталось...
- На меня внимания никто не обращает... Так всегда, если речь идет о чем-то серьезном. Меня, просто, считают глупым... Да, да, как не трудно себе такие вещи говорить – все считают, что коты интеллектуально недоразвиты. Но я-то знаю – это не так.
- ...Это незначительно оптимизирует процесс. Все, за дело. Чуть не забыл... D40, Кота убери отсюда и дверь закрой.
- S9, система не исправна, возможно, дверь придется срезать, если она заблокируется при запуске.
- Кот, крысы проследят, чтобы ты сюда не совался.
- Ты уходишь? А завтрак?
- Уже. Кот, слышал?
- Да... Ухожу...
- D40 для надежности сгреб меня в охапку и потащил на выход... Смотрю в удаляющийся дверной проем, свет погасили, и блекнет мерцание свернутого монитора – крысы выключают компьютер, уходят. Поверить не могу, что это происходит на самом деле – нас выгнали... *совсем* выгнали. Больше я ничего не узнаю о людях... Айнер, ну как он мог?.. Хотя, наверное, можно

допустить с натяжкой, что он и прав. Зачем нам – тем, у кого другая жизнь, у кого даже время не идет (идет, конечно, но только биологическое) – зачем нам знать о человеческой жестокости, о том, как они путаются в своих узлах связи и расчетах собственной жизни? Но ведь не все они такие. Правда же? Да и вообще все, вроде, уже в прошлом, правда, крысы сказали – остались тени, но я думаю, пора их простить. Мы – коты, конечно, в таких вещах не очень разбираемся... Вот и сейчас мне почему-то кажется, что все эти *изменения* так далеко, и если лес отторгнется, мы будем жить, как жили. А не получится у Айнера раскопать нужные материалы – мы вымрем... И страж нам не поможет – проблемы нашего мира его не касаются. Айнер единственный, кто может что-то исправить. Я просто обязан ему помочь. Не буду же я, как моя родня валяться и тянуть спину, как будто ничего не происходит. Или бояться, забившись по углам, как мы делали, когда крысы пошли с Айнером в Ивартэн. Я докажу, какие мы высокоинтеллектуальные существа.

– D40, отпусти меня. Я тоже буду искать, только скажи, что нужно найти.

– Мы сами справимся.

– В архиве собрана память стольких людей – там просто не может не быть всего необходимого.

– Я просмотрел материалы архива. На этом носителе только память людей из боевых подразделений – нам это не подходит.

Я опустил лапы – свесил их с руки “защитника”, и они безвольно болтаются в воздухе... Он все всегда знает до того, как об этом подумает кто-то другой.

– D40, а страж?.. Он же знает, что делать. Он не поможет нам?

– Нет. Ты знаешь об этом.

– Он ничего не сделает потому, что с нашей стороны их миру ничто не угрожает?..

– Не думай об этом.

D40 слегка наклонил голову... светит на меня чуждыми холодными глазами. Все равно ведь я начну об этом думать. Кто-то же должен думать о том, о чем никто не думает... Я подожду еще и... Если в архиве память людей из боевых подразделений – кто-нибудь из них наверняка знает что-нибудь о лучевых пушках первого порядка, а может и о пространственном переходе – или даже и о том и о другом сразу!

D40 поставил меня на наст и пошел за Айнером – перед ними чистый нетронутый снег, на котором нет даже отпечатков легких крысиных лапок... Провожая их взглядом... темная острая фигура Айнера и светлый высокий андроид, отблескивающий не солнцем... К ним присоединяются крысы – собирается серая армия.

Подождал, когда они выйдут из зоны восприятия – рою снег. Я должен знать... Закапываюсь, снежные комья летят во все стороны... Ничего – рою дальше...

Здесь нет людей... Никого нет. Неужели *они* всех похоронили – расщепили. Я хотел увидеть лица героев – людей, которые дали нам жизнь взамен своей. Многие из них собирали наш новый мир по крупицам, чтобы сохранить... Не может же все это вот так пропасть? Из-за того, что тьма затаила предсмертный выдох! Тогда даже некому будет хранить память о героях. Я буду бороться за нашу планету! За наши жизни! Я заставлю стража спасти нас!.. Я всем помогу. Крысы еще внесут мое имя в список Героев Великой Победы! Да, внесут – и своей письменностью, и человеческой, и нашей – запахом. И если мне придется погибнуть (надеюсь, не придется, но звучит уж больно торжественно) – я заслужу почетные похороны не хуже, чем у главнокомандующего северных армий AVRГ генерала Штольца!

Бегу в архив – попытался взлететь, но не получилось... Это мы еще посмотрим – больше я не воспринимаю реальность как данность! Скоро каменный страж обратит взор в нашу сторону!

– Крысы! Включайте компьютер!

Крыс кивает... подходят другие... Надо же – невеста так и спит на столе – что это с ней? Даже не заметила ничего – так она и о моих подвигах не узнает.

– Ну сколько можно? Проснись! Нас ждут великие дела!

13. 04. 205 год Новой Техно-Эры 11:11

Влад прижал ко лбу холодную ладонь – выглядит он не особо, но врачи нам уделят внимание не в первую очередь...

– Задолбало уже. Голова раскаленная.

– Да, вроде, ожог неглубокий был.

– А кто знал, что от регенератора некроз только дальше пойдет?

– Жесткие лучи словил?

– Не знаю, Герф, но рана-дрянь на редкость. Не везет...

– Просто думаем не о том. Ты схемы конца света обдумываешь, а у меня все этот чертов ошейник из головы не выходит.

Как Сашка не цеплялся – вытащил его из-за ворота.

– Посади на рану – помогает.

Влад на секунду отнял ладонь от покрасневших от боли глаз...

– Крыса? Герф, ты...

– Знаешь, их тепло обнадеживает...

– Обнадеживает то, что мученья окончатся.

– Сейчас врачи более тяжелыми заняты. С зачисток полно раненых поступило. Меры жестче некуда приняты вовремя. Снегов, в окружении черных теней Скара, в мертвой тиши воцарился на ледяном престоле Хантэрхайма. Вот тебе и олицетворение нашего единства.

– Ненадолго вся эта тишь. Воздух искрить не перестал – накопит в этой оторопи заряд и рванет пуще прежнего. Совет пересмотр не отложил.

– Но беспорядки пресекли. Показательные зачистки более действенны, чем я думал, – обошлись малыми жертвами.

– Герф, я все помню – прошло помутнение, разгрызающее на клочки настоящее мыслями о будущем, которое не на чем будет строить, если мы разрушим его фундамент уже сейчас и к тому же сделаем это сами. Не забивай мою больную голову этой пропагандой, которую мы и так слушаем сутки напролет.

– По крайней мере, свист поднимаемых резервных истребителей больше не режет уши. По мне и пропаганда лучше – к тому же все правда – *они* не налетают, только ждут, прощупывают нашу оборону...

– От этого ненамного спокойнее.

– Но сейчас каждый из нас знает, что *мы* сосредоточены на враге, готовы к удару. И *они* знают об этом.

– Замолчи. Давай свою крысу...

Увидев Влада, к нам подошел андроид – проверил данные с его браслета...

– Восстановление прошло некорректно.

– Похоже на то... Вроде ничего было, а под утро ткани меняться начали.

Андроид ушел, оставив на браслете пометку со временем осмотра. Сейчас врачей только на тяжелых хватает – продолжают транспортировать бойцов пятой армии, с которыми думали на месте справиться... Там сейчас все заражено, и осложнений тьма...

– Видел Говорухина?

– Мельком.

– Герф, он мне чертежи и программы восстановительной техники третьего порядка передал – и без разговоров. Здесь и их лейтенант из Штрауба, только никак поговорить с ним не получается.

– Если и дальше будешь о конце света думать – скоро целый консилиум соберешь.

– Да почти все готово...

– Конечно, ты уже всех в нашей части запрятал до последнего электронного мозга. И когда ты только успел...

– Много времени не понадобилось – сейчас все не выпускают из головы мысли, что могут оказаться на месте тех, кому это потребуется. Так, по незначительным кусочкам, всю полузасекреченную информацию собрать можно... Теперь встает основная проблема – наше

выживание зависит от генетиков больше, чем мы думаем. Мы, Герф, только самую необходимую технику рассматривали – ту, которую может починить или собрать на базе поврежденной человек без специальной подготовки. Такие материалы найти не проблема.

– Я был уверен, что нам не нужна сложная техника и андроиды.

– Без этого обойтись вполне возможно... А вот аппаратура генетиков...

– Влад, вот это точно нелегально. Нам никто к таким материалам доступа не даст.

– Я не собираюсь лезть в программы сознания. Нам не нужно составлять и моделировать животных. Все, что нужно – данные корректоров.

– В информационном центре кое-что об этом есть – нам хватит.

– Нет, Герф. Там есть общая информация и модели – нет точных схем. Они очень сложные, но это необходимо позарез... У врачей с биопрограммистами связи налажены...

– Можно и проще – вскрой трубку из Небесного города.

– Никогда.

– Если там есть информация – значит там все знания “золотых драконов”. Если там нет последних схем, наверняка есть базовые.

– Нет, Герф. Не получится по-другому – придется вскрывать трубку, но базовых схем коррекций недостаточно в любом случае. Слишком много вариантов изменений, слишком многое должно быть учтено в соотношении с предыдущими коррекциями. Часто провести коррекцию сложнее, чем смоделировать что-то новое.

– Я в этом не разбираюсь...

– Никто и нас не разбирается, но материалы нужны – полные и точные.

– Так и знал, что этим кончится.

– Герф... Нам нужно это сделать.

– Ты параноить начинаешь.

Влад откинулся в кресле – что-то он совсем плох... На висках испарина несмотря на зверский холод, у меня за душой остервенело скребут кошки...

– Знаешь, Герф, все может быть по-другому... А мы... мы тупо воспринимаем все как данность...

– Как еще можно воспринимать данность?

– Не так тупо. Мы все рушим, только что-то начинает налаживаться. Если на нас не нападают *они*, мы сами находим поводы, чтобы нападать друг на друга.

– Причина-то понятна.

– А причина всегда понятна. Мы сами всему причина. Выстроили ловушки, из которых не можем выбраться. Не смогли договориться посредством международного соглашения, и вот тебе война... Она кончится – в любом случае кончится. И знаешь, я думаю, даже если все рухнет – будет легче. Пусть будет сложнее выживать, но будет легче жить. Наши ловушки рассыплются прахом. Мы снова начнем все сначала... но исход не должен быть тем же... Надеюсь, те, кто выживет – пусть даже не мы, придумают что-то получше. А я просто хочу знать, что сделал для этого все, что мог.

– Думаю, мы лично в этом убедимся.

– Вряд ли, Герф...

– Пойду выцеплю врача...

– Постой, ты Айнера отыщи... Он “пограничник” – такие люди могут вытянуть любую информацию хоть из скингера.

– Что-то мне эта тема не нравится.

– Ты не должен нарушать законы. Просто узнай...

– Пограничные нарушения к секретной информации не применимы.

– Просто спроси у него.

– Влад, как я приду к лейтенанту и попрошу полулегальный доступ к секретным материалам?

– Наврать не можешь – правду скажи.

– Влад...

Влад вырубается... Ему совсем плохо стало – даже озноб бить перестал. Мне тоже нездорово, но после обезболивающих я даже хожу нормально, и восстановленная кожа почти не зудит – только онемела... Чтобы Лесовским поскорей занялись, пришлось вломиться в ординаторскую. Одиноким лейтенант поднял на меня вымученные отекающие глаза, но не отодвинул тарелку...

– Я понимаю, что не подобает так вламываться, если дверь открыта, но если не поможете сейчас – у вас в приемной будет на труп больше.

– Что такое?

– Лучше посмотрите сами.

– Найди андроида.

Он посмотрел на меня, понял, наверное, что раз я сюда пришел – искал не для отписки. Отставил тарелку, и все-таки пошел за мной. Жалко как-то беспокоить человека, который систематически не успевает ни есть, ни спать, но такая уж у него работа. И мы выкладываемся до предела, и после рывка времени хватает только на прогулки по медчасти.

Когда убедился, что мечта Влада осуществится, и он соберет консилиум, пошел бродить по коридору...

– Герф...

Нор всегда подходит со спины. Скинул с плеча его перетянутую шрамами руку.

– Пользуешься тем, что у меня нервы крепкие?

– Такими не попользуешься. Герф, я отдам тебе крысу – позаботься.

– Отпусти, если считаешь нужным, и делу конец.

– Я бы тебя не просил об этом...

– А ты просишь?

– Нет, ты просто возьмешь мою старую крысу.

– Даже не думай.

Нор посадил крысу, которая похоже уже давно в состоянии сопора на подоконник, и направился к выходу.

– Да постой ты!.. Нор! Что это значит?

– Знаешь.

Он со злобой передернул плечами, но все-таки остановился – возвращается... Здесь у всех с головой проблемы. Раньше бы посмеялся от души, но теперь, кажется, принимаю негласные правила, хоть и не совсем понимаю их значение. Должно оказывать уважение чьей-то *жизни*, вверяемой тебе – хранить ее и *память*. Думаю, если бы все правила были четко прописаны – в них было бы легче разобраться. И еще я заметил – правила изложенные в подобающем виде, какими бы они ни были, теряют всякий оттенок бредовости.

– Долго думаешь, Герф.

– Ты не приговорен.

– Если еще нет, то скоро буду.

– Зачем ты это делаешь?

– Я больше ничего не делаю – нет смысла. Клок шерсти чудовищной твари не повлияет на ее действия – слиняет, когда станет непригоден, и все. Не понял? Знаешь, скингеры, когда мех прочищают – нажираются им до отвала и иногда даже давятся, но на это рассчитывать особо не приходится... Видел, как из-под когтей шерсть летит во все стороны?

Пришлось подумать, но ровно до зарождения усмешки-оскала человека, теряющего человечность. Видел я таких – обычно перерождение если уж происходит, то в начале – не после стольких лет войны... Он сломался – спокойно смотрю в глаза недочеловека-полужверя. Это худшее, что может случиться с нами.

– Все, заткнись, Нор. Иди.

– Боишься услышать правду?

– Что мне до того, в чем нет сомнений?

– Знаешь, я вижу по твоим глазам, о чем ты думаешь и только потому, что я *чувствую* больше.

– Не чувствуешь, а чуешь, Нор.

– Пусть так. Для тебя очевидно то, что написано на мониторе – ты понимаешь, но не *чуешь* смысл.

– Тебе дали шанс.

– Только на словах – они там следят за каждым моим вдохом. Все следят – даже Сорг их тенью за мной бродит. А Стикк душит не хуже пятерни Скара.

– А чего ты ждал? И тебя это еще не устраивает?..

– Герф, конвульсии задыхающегося лишь усиливаются, и останавливает их только смерть.

Не должен я его слушать... но отчаяние, пусть и злое, просто рвется из распахнутых глаз... Но это не взгляд раненой твари, уползающей в свое логово с поджатым хвостом, которая только и способна на бессильную ненависть. Нор не прячет боль – его глаза открыты для *всего* мира...

– Нор, если кто-то положил руку тебе на горло, значит, нет другой возможности тебя удержать. Придушат и отпустят, но если ты, отдышавшись, примешься за старое...

– Да как ты не понимаешь? Придуши любого из вас – вы на секундомер смотреть будете, ожидая, когда это кончится, а я задохнусь от собственной агонии – даже не надо будет сжимать руку крепче. Хотя Стикк готов и на это.

– Стикк?.. Не знаю, что у тебя в голове, но он точно знает – поэтому и душит. Он так руку помощи протягивает.

– Они все это так называют.

– Только смысл разный закладывают. Не думаю, что это правильно, но если решишь, что выбора нет – он тебе поможет.

– Уверен?

– Да. А вот ты...

Какой-то матовый, глухой огонек зажегся в его сосредоточенном взгляде – и остался ровно, неподвижно тлеть.

– Герф, я здесь очень давно. За все это время я ни разу не покидал Хантэрхайм по собственной воле. Этот город забрал мою волю. После его сияния все становится серым, неразличимым. Хантэрхайм меня ослепил, и кроме него я больше ничего не увижу. Ты понимаешь? Он забирает друзей, врагов, пока их не остается вовсе – пока нас для них не остается. Я забываю, Герф... Сопrotивлялся так долго, что уже почти забыл обо всем остальном.

– Лучше забудь и об этом – не то окончательно крышу сорвет.

– Думаешь, это просто так? Нет, это последний рывок, на который я способен, а дальше... Ты видел пустые глаза тех, кто сдался этим льдам? Со мной этого не будет. Я вырвусь отсюда.

– Если постараться – штрафы спишут, и дадут отпуск. Ты сам себя в тупики загоняешь.

– Тупики загоняют меня. Герф, все мы – неживые...

– Мы еще не трупы – на нас клеймо не стоит.

– Нет, мы неживые не только из-за лучевых когтей смерти, направленных на нас со всех сторон. Ты видел, что время сделало с Соргом? И это только начало. Здесь оно идет быстрее и видно то, что мы не замечаем *не здесь*. Я не могу больше ждать – моя жизнь тает, снегом в ладони. Не упущу сквозь пальцы больше ни капли, не буду молча слушать, как они замерзающими льдинками бьются о наст – о холодные руки, в которых не тает лед.

Не силен я в поисках смысла аналогий, но о таких вещах по-другому говорить, просто, нельзя...

– Нор, никуда не погрешь – твоя жизнь не только в твоих руках.

– В их руках только моя смерть.

– ...И не только тебе твоя жизнь принадлежит.

– Она уже никому не принадлежит – ее уже почти нет. Не знаю, кто или что первым заберет ее остаток, но я – свободен.

Вроде он не глупый, а словно в бреду... Обхватил руками предплечья – солнечный свет бежит по бьющимся венам, по оставленным на память шрамам – ничто его не остановит – ни забота капитана, ни предупреждения Айнера, ни кнуты карателей... Хочет умереть счастливым где-нибудь во льдах, надежно сжимая в зубах свой “остаток жизни”? А почему человек, столько отдавший *нам*, должен терзать его в бессмысленных муках?..

- Ты собираешься *уйти* из AVRГ?
 - А что это – AVRГ, Герф?
 - Это – мы, Нор.
 - Кто – мы? Те – по ту сторону закона? Те – другие, которые мыслят иначе? Они там – смотрящие в окна и на мониторы в твоей голове?.. Или *они* – тоже неотъемлемая часть нас? А может, и – мы все?
 - *Мы*, Нор.
 - Это чудовище, поработившее нас, или чудовище, которое поработили мы?
 - Система, объединяющая нас, дает нам силы.
 - Но забирает больше. Мы зависим от нее и не можем бросить, не можем освободиться.
 - Зачем ты мне это говоришь?
 - За тем, чтобы вы с Лесовским бросили все, ушли со мной.
 - Ты знаешь, что ни я, ни он никогда не уйдем.
 - Не зарекайся. Не думай, что это – предательство...
 - Ты на грани того. Но тебе одна дорога – на тот свет, а каким путем – твое дело, если никого лишнего с собой не прихватишь. Не говори ничего больше, а то не сможешь рассчитывать на молчание.
 - Ты должен пойти со мной. Мы освободимся – Ясный откроет нам врата, долетим за час...
 - Мы свободны, Нор.
 - Мы даже не знаем, что...
 - Замолчи. Там *ничего* нет... Ясный под *их* “оккупацией”.
- Нор повернулся и, не оглядываясь, пошел на выход... Нор ушел... Его крыса осталась у меня. Я так и не успеваю дотащить Сашку до отсека, а теперь на моем попечении еще и этот старый крысюк... Теперь они вдвоем ждут на пустом кресле под курткой, пока не подойдет моя очередь. Проклинаю ошейник. Похоже, не долго мне до жесткой промывки мозгов осталось. Почти смирился с этой мыслью. Все равно не могу ничего придумать... Главное, чтобы наши с Лесовским труды не приобрели славу справочника дезертиров... Мысли заставляют смотреть в пол – поднял глаза, когда растворившаяся дверь окатила меня белым светом и низкочастотным гудением...

Запись №33 00 00 000 00:00

13. 04. 205 год Новой Техно-Эры 14:20

Влад ушел в киберпространство, а я остался разгребать технические материалы. Откуда взялась третья крыса – понятия не имею. Меня это уже начинает беспокоить, но возьму и ее тоже – просто не могу отличить от двух, перешедших ко мне со всеми положенными церемониями. Да и вообще лучше пусть голова занята мыслями о крысах, чем об ошейнике, который уже давит тяжестью приговора. Перед показательной зачисткой я чуть не скончался от ужаса, что память возьмут на анализ. Раньше мне не доводилось ждать проверок с испариной на висках... На следующей операции подставляю его под жесткое излучение – и плевать, что будет.

Говорухин, влетев в соседнее кресло, вырвал меня из тупого оцепенения... Даже странно, как он время нашел, чтобы к нам заглянуть.

- Герф, что это вы такие кислые? Лимоны раздобыли – так поделитесь...
- Какие лимоны – мрак непроглядный. Сашка весь сахар сожрал.
- Не доведи его до сахарной лихорадки.
- Да что ему станется? Лучше бы спросил, как я после восстановления.
- Да что вам – штурмовикам станется?
- Ничего – мы железные – нам ни кислота, ни щелочь нипочем.

Нас действительно залатали очень даже не плохо – ничего так и не видно. Новая кожа понежнее, но скоро задубеет. А вот боль... И еще после восстановления мне все время очень

холодно и хочется спать... и есть тоже очень хочется, но к этому я почти привык (когда полуголодный и соображаешь лучше, и двигаешься быстрее).

– Герф, что сидишь? Договорились же.

Влад вернулся – надеялся, что он заблудится в киберпространстве, но нет...

– Не нашел?

– Нет, конечно.

Не долго колебался – поздно уже. Все равно влип хуже некуда. Больше и не считаю, скольких людей я подставляю, кроме себя самого. После того, что я сейчас сделаю – наш справочник тоже окажется в нелегальном положении... Но, в конечном счете, все зависит от того, *как* это сделать.

Чтобы не наткнуться на капитана, не пошел в столовую, а остался ждать возле центра управления – уверен, Айнер придет сюда первым.

– Что, Герф, задумался? В гости к нам зашел?

Айнер остановился у меня за спиной, а я еще не придумал что сказать...

– Лейтенант...

– Вольно, боец. Что у тебя?

– Вы дали мне совет, которому я неукоснительно слеую. Мне нужны уточнения.

– Насколько я помню, давал тебе не один совет, нейтрализующий другие. Твоя упрямая настойчивость, с которой ты к этому подходишь, ничего хорошего не предвещает – вот и пояснение.

– Но следуя вашему первому совету, можно сделать другие выводы – не стоит полностью полагаться на то, что система думает за нас.

– Герф, я понимаю, что у тебя память хорошая, но не вырывай это из контекста по каждому случаю.

Айнер смотрит мне прямо в глаза и очень пронизательно...

– Лейтенант, мне нужны только знания – ничего больше.

– Не годится так об этом говорить – знания дают и жизнь, и смерть, а иногда забирают и то, и другое. Иди в информационный центр – там все, что тебе может быть нужно.

– Мне нужно узнать больше.

Лейтенант натягивает перчатки, указывает на дверь центра управления – захожу... Сажусь напротив него. Между нами уже натягивается искрящая напряжением незримая сеть, по которой, предвещая удар противника, пробегают колючие разряды.

– Зачем тебе это, Герф?

– Чтобы помочь людям.

– Ты и так помогаешь.

– Я смогу сделать больше, если буду знать.

– Ты не должен делать больше, чем требуется.

– Лейтенант, мне необходим ваш неформальный совет.

– Не дерзи. Я тебе благодарен, но настолько неформальных советов не жди. Дам тебе полунеформальный совет – есть киберпространство. И там без специального доступа можно взять практически все.

– В киберпространстве информация подается по таким же принципам, как и везде, лейтенант.

– Есть информация, доступ к которой тебе не светит, но есть и пограничная зона.

– Как ей воспользоваться?

– Сам подумай – границы везде есть, и везде одинаковые.

– Смежные темы?

– Сказал, сам думай. Это все?

– Да, лейтенант.

– Сколько угодно, но не злоупотребляй.

Вернулся в информационный центр... Влад с Говорухиным совсем скисли, сидят скрестив руки и пялятся в мониторы...

– Герф, он сказал?..

Лесовский, видимо, ожидал, что я приду с засвеченным глазом или сломанной челюстью.

- Да – это что-то вроде границы между ответом и ударом. Не могу сообразить, что значит – в киберпространстве без особого доступа можно получить все, что надо, но только на его границах.
- Какие там границы?.. Пограничная зона темы?..
- Мне больше ничего в голову не приходит.
- Герф, а как можно с этой границы что-то взять?
- Да откуда я знаю. Говорухин, что молчишь? Сорг, Нор!
- Я?.. Сказать нечего. А нет... Не знаю получится ли, но попробуем... Загружай. Главное понять, где граница... Граница может проходить через узел.
- Это как, Говорухин?
- Загрузи модель скингера и смотри. Сейчас зайдем к нему внутрь...
- Нам не нужны внутренности этого зверя.
- Нужны, Герф... Это и есть узел – он внутри модели. Там есть и генетическая информация определенного существа, а дальше идет переход в смежные темы, а там и данные со старых и новых коррекций...
- И что нам это даст? Конкретных указаний нет.
- С этим поработать придется... мозгу информационного центра. Главное, чтобы данные были. Можно проанализировать изменения и коррекции – составить схемы. Сложно, конечно...
- Справишься?
- Если и не получится, так наш лейтенант сделает.
- Уверен?
- Он сейчас так загружен – делает на автомате, не спрашивая кому и зачем это понадобилось, все, что ему не подсунь. Да и забывает сразу... Вот он нам и составит схемы вариантов изменений, чтобы можно было рассчитать коррекцию, только подставив показатели анализа. Нужно будет учесть факторы воздействия...
- Говорухин, я ничего не понимаю...
- А дальше блокаторы подобрать... Вариантов очень много, конечно, но придется повозиться... Обычно изменения примерно одни и те же, только иногда сложные наслоения происходят.
- Все, Говорухин, хватит. Если ты понимаешь, что это, то сделай из этого, чьими угодно руками, то, что смогут понять и другие.
- Попробую... Это потрясающе! Если собрать все что здесь есть, можно составить точную систему. В целом информацию мы получить не можем, а собрать по ни к чему не обязывающим кусочкам раз плюнуть. Никогда даже не думал об этом.
- Сколько я на ДНК скингеров ни смотрю – ничего не понимаю... Не знаю, кто вообще сможет в этом разобраться, даже если упростить. Говорухин уже растения загрузил – вроде, они попроще. Главное, что это и не нарушение – секретной информации мы не брали, а то, что можно составить схемы на предоставленной базе – это учтено...наверное...

Запись №34 00 00 000 00:00

Крысы Айнера не нашли ничего и в Шаттенберге. Айнер зол, как черт, но сейчас я его успокою.

– Айнер! Айнер!

Бросил крыс и невесту... бегу по коридору...

– Мы нашли! Айнер...

Я резко повернулся, отбалансировался хвостом – просто великолепный маневр!

– Мы нашли материалы генетиков – они в справочнике! Коррекцию можно будет провести!..

– Это правда?

– Да! Мы нашли! Нашли!

– Да что нашли?

– Материалы генетиков...

– Кот не дури...

– Это правда! Правда! Я уже собирался запускать пространственный переход и лучевые пушки первого порядка, чтобы страж вернулся на Землю! А тут!..

– Кот, ты что-то вконец затупил.

– Айнер... Мы же нашли и теперь...

– А справочник где?

– Не знаю... У Герфа с Владом и у Сорга, и у Нора, и у Вадима, и у Хорна. Он у всех них!

– Что?..

– Он у Герфа...

– А где?

– На браслетах...

– А где их браслеты?! Они все мертвы давно!

– Не знаю...

Кончик хвоста сразу поник и стал нервно дергаться...

– Ищи дальше и скорее!

В архив сразу набегали крысы, начали торопливо рыться в контейнерах с картами памяти этих бойцов...

Запись №35 00 00 000 00:00

15. 04. 205 год Новой Техно-Эры 12:50

Еле вырвались. Инструктор и после объявления боевой готовности нас с трудом отпустил. Влад все никак отойти не может – инструктор постарался. Хотел разрушительной силы – получил. Лесовский никогда в полную силу не бьется, пока особой нужды нет. Заставлять его надо, чтобы выложился, но не так... Никто не может открыть силу человека лучше “золотых драконов” – никаких переборов. А тут и инструктор связки порвал, и Лесовскому плечо вправлять пришлось. И это обычная тренировка... В следующий раз оба знать будут, что за лень, а что за грубость причитается. Брожу по сектору, ожидая сбора...

Уже извелись все, хоть и виду не показываем – ни сбора, ни отбоя... Один Сорг уселся на подоконник, опустив руки, склонив голову, и заснул... а может и скончался – кто его разберет?.. Только что обнаружил – из памяти ошейника напрочь исчез целый день. Как это произошло – даже и не знаю. Не мог запомнить – тренировка дух вышибла. Только руггеры, которые мне под утро снились, остались – когда я просыпался, пытался запомнить сон. Да, несмотря на то, что я устал до черта, мне еще снятся сны...

Все подозрительно затихло... Яркий свет отогнал меня от окна... Успел заметить только закрытые грузовые транспорты, ползущие над площадью. Скингеров продолжают отлавливать – это уже последние лохматые кипятильники, с которых спустят шкуры... Нор как примерз к заледенелому окну – провожает взглядом транспорты, оперев излучатель в подоконник. В воздухе Хантэрхайма растет напряжение. Весна задерживается, и даже на границах ледника не текут талые ручьи – сухо до жжения горла. И главное – тихо.

Дисциплина дошла до предела под надзором теней Скара. Мы до осязаемости чувствуем пристальные взгляды нашей техники – его глаз. Нор как будто не видит его патрулей и не обращает внимания на его “защитников”. Пока Нор не дергается. Есть еще слабая надежда, что он проспался. Дезертиры несут наказание и за не свершенное действие, если подтвержденные сведения об умысле доходят до офицеров охранных подразделений, но все-таки это не смертная казнь... В любом случае, если мой ошейник не сдохнет – разбирательства не миновать. Айнер уже с утра вплеп мне предупреждение. Думаю, к чему он сказал, что если отпустить бешеного скингера, не пустив луч ему в голову, он только будет разносить заразу. Для него мои мысли совершенно прозрачны... Лейтенант на меня уже второй день смотрит широко открытыми глазами – после вопросов о доступе к закрытой информации... У меня просто развивается бред отношения – мерещится, что все смотрят только на меня и думают только обо мне. И что со всем этим бредом делать?.. Не идти же к Норвальду и выкладывать все, как есть? Сложно представить, что он не в

курсе – от отчаянья до апатии люди еще не дошли. Так же сложно понять причину этого вдруг накотившего на всех отчаянья. В общем ничего в корне не изменилось – бои в Хантэрхайме идут как и шли, уже очень давно. Шаттенберг твердо держит воздушную границу... Но ничто не меняет, того факта, что воздух даже перестал звенеть, а свистит на высокой частоте... будто подняли резервные истребители...

Отбой – так и знал. Хорн тихо смылся в столовую, Сорг с мрачным видом ушел вслед за Нором... Новые – безликие, которых я к стыду своему даже по именам не знаю, да и вообще не различаю, незаметно разошлись. Офицеры все по штабам и центрам управления попрятались, на более-менее серьезных объектах посты “защитников” поставили...

– К вечеру все это грозой разразится.

– Может и так, Герф... Только с какой стороны?..

Влад все плечо растирает... Как только зашли ко мне – он упал на кровать лицом вниз. А я уже почти привык к холодному сиянию города за окном. Влад вдруг поднял голову – смотрит, как вылезают из углов, строятся, как на параде, мои крысы.

– Это что?

– Не спрашивай...

– Выгони их.

– Нет, Влад, не сейчас – вечером...

Забыл, кому из крыс уже вручил кусочек сахара, но они как-то сами следят за справедливостью... Влад ловко пробирается ко мне перешагивая шеренги моих питомцев, которые рассредоточиваются ближе к углам, обшаривая их в поисках заваливающей еды.

– Насчет вечера ты прав...

– Влад, заткнись и не начинай больше! Достал! И так понятно, что...

Я в отчаяние сел прямо на полу, разбивая шеренги серых меховых шариков, проходящих строевую подготовку под моим надзором. Нахохлившись от холода, они выглядят не то, чтобы нелепо, а скорей удручающе...

– Хорошо ты их строишь...

– Они сами – обученные все.

– Ручных навербовал?

– Разберешь их... Эти вообще сами пришли неизвестно откуда... А эти...

– Сразу видно, какой у нас бардак, несмотря на всю дисциплину. Крысы без системы гуляют по городу, как наши мысли по головам. Кто-то готовится к бегству на их территории, кто-то к охоте на них, кто-то к боям с ними...

– Влад, для того, чтобы предаваться таким мыслям есть медчасть – там просто больше делать нечего, как слушать про некрозы и проводить аналогии.

– Да, там и люди особые работают... Они, может, и не такие устойчивые, как мы, но за счет этого и не такие тупые.

– Да не скажи. Знаешь, Айнер говорил, что у всех нас своя тупизна – у всех. И я с ним не могу не согласиться.

– Пусть так, но у нас она особо стабильная, как и мы.

– Ну, по тебе не скажешь...

– В наших подразделениях отбор особо жесткий – мы все принимаем, все выдерживаем и преодолеваем. Наша устойчивость – высокая степень приятия – ничего больше. Это самая надежная характеристика – мы все видим, замечаем и принимаем. Следуем правилам, не задаваясь “лишними” вопросами.

– И чем тебя это не устраивает? Если долго и упорно ломать голову – она сломается, Влад. Лучше сосредоточься – уверен, к вечеру шторм нагонит.

– Хочешь слушать вой ветра в пустой голове и думать, не поднялись ли резервные истребители?

– У нас все снова покатится, если всем в голову будут приходиться переворачивающие мир идеи. Мы погрязнем в новых разработках похуже, чем в эпоху “технологий абсурда”. И какой там

порядок?.. Для нас такое развитие перечеркнуто жирным крестом. И так дорого заплатили за эту гонку – теперь просто нечем платить. Ничего нам это не даст.

– Нам ничего не даст и то, что мы разделились уже не на два лагеря – за и против уничтожения Ивартэна, но еще на тех, кому уже на все плевать.

– А мы что можем сделать?!

Для убедительности я развел руками, разгоняя столпившихся вокруг нас крыс – так же и мы собираемся вокруг наших командиров.

– Надеяться, что и войне и тому, что вынудило нас ее начать, придет конец, и сохранить в киберформате эту надежду.

– Нет! Исполнять долг с чистой совестью, Влад!

– Боец 8090, в твоём ментальном фоне зарегистрирована агрессия.

– Заткнись, объект! Чтоб тебя замкнуло!

– Напоминаю – десять вычетов приравниваются к штрафной единице.

– Да пошел ты!..

– В общей сложности у тебя, 8090, три штрафные единицы.

– Да откуда?!

– Если без уважительной причины в указанный срок ты не явишься в указанный в повестке сектор – это будет расцениваться как оказание сопротивления.

– А дальше арест?! Может, мне сразу мозги вышибут, чтобы не морочиться?

– Три штрафные единицы – первый разговор с карателями. Только разъяснение.

– А то я сам не понимаю!..

– Герф, успокойся... Успокойся...

Влад разогнал крыс и схватил меня за плечи до синяков – это всегда помогает.

– Откуда столько штрафов?

– Герф, это не смертный приговор!

Я стукнул костяшками пальцев по ошейнику.

– Да ерунда...

– Если дойдет до теней Скара – плохо дело, и не только у меня.

– После боя штрафы спишут – не долго ждать осталось.

– Никогда не думал, что буду ждать “шторма”, как прощения. Знаешь, Влад, этот город кажется вполне разумным и очень целеустремленным в стремлении избавиться от нас. А Хантэрхайм просто город!

– Постоянно штурмуемый город в ледяной пустыне, Герф. То, что кажется разумом Хантэрхайма – только наши компьютеры, наши службы безопасности, мы сами... И в этом городе нам надо сохранить то, что мы сделали – даже если бураны будут сбивать с ног.

– Герф, на тебя повестка пришла. Через два часа ты должен будешь явиться в восьмой сектор, или тебя проводят.

Сержант стоит в дверях и спокойно смотрит на кишачих на полу крыс...

– Унхай, Я просто не понимаю, что здесь происходит.

– То же, что и везде и всегда – только быстрее.

– Я не успеваю...

– Ты привыкнешь. Все привыкают, только по-разному.

– Я прошу тебя, ответь – почему ты не участвовал в сопротивлении?

Он прошел, разогнал крыс, присел на подоконник – башни Хантэрхайма пылают и переливаются за его спиной...

– Под вашей оккупацией мы могли *жить*, Герф.

– Кому была нужна такая жизнь? А унижение и...

– Никто не может унижить человека, кроме него самого. Не поддавайся этому, Герф. Не позволяй туману заползть в мысли. Жизнь не дает свободу – она дает только ее ощущение. Она постоянно ограничивает тебя факторами выживания и все зависит от твоего восприятия. Жизнь дает тебе выбор – всегда дает, а что ты выберешь и есть свобода. Мы считаем, что принуждение

извне нас порабощает, а принуждение изнутри мы не замечаем и считаем, что выборы, которое оно нам диктует – истинны.

– Унхай, ты сам сказал, что принуждение изнутри мы не замечаем – это имитация доброй воли...

– Принуждение извне может быть основано на таком же принципе, и ты его не заметишь, пока оно не даст сбой, как может случиться и с внутренним принуждением. Это твой разум и инстинкт, Герф. Несмотря на то, что инстинкты ведут нас не так жестко, как древних, мы подвластны им, когда туман закрывает разум. Никогда не торопись с выводами.

– Да как вообще во всем этом можно разобраться?

– Можно. Свобода в равной степени вовне, как и в нас. Я не слепо верю командирам, Герф, так же как и себе. Мои выборы привели меня к тому, что я еще жив и уже свободен.

– Как ты выбирал?

– Соппротивление не имело смысла. Мы могли бы освободиться, погубив планету... Может быть, смогли бы после этого уйти на космические базы... Но это не свобода – не жизнь. Мы не знаем планет подходящих для жизни больше этой – даже в таком состоянии, до которого мы ее довели. И как не строй на планете, которой не суждено нести жизнь, новый мир – она не примет его, как приняла Земля. Да и то, это было трудно. Нам до сих пор отзывается каждое вмешательство-усовершенствование. Баланс в нашем мире тоньше, чем мы думаем...

– Унхай, ты знал, к чему приведут действия повстанцев?..

– Знал, что это отзовется. Я знал, какую систему вы создали – что будет, если разбудить дракона...

– Тебя не считали предателем?

– Пока жизнь дает нам хоть какой-то выбор, всегда найдутся те, кто будет считать нас предателями. Большее значение имеет, считаешь ты себя предателем или нет.

– Ты ничего не боишься – не боишься смерти.

– Смерть – не враг. Просто тех, кто не может ждать, она берет быстрее. Тогда – труп твоего врага проплывет по реке не мимо тебя, а вместе с тобой.

Сержант уже подошел к двери, но так Влад его и отпустит...

– И что убьет моего врага, если ни я?

– Время, которое не заберет у тебя силы, если ты не потеряешь покой. Я уже знаю, как тебя победить, Лесовский, и для этого даже не понадобилось много времени.

– Не позавидуешь твоим врагам.

– У меня нет врагов.

И я знаю, куда они делись – провалились, как и мы с Владом в, кажущиеся жестокими, черные глаза... в самую бездну, где вьются золотые драконы – отблески солнца за окном.

– Сомнения – сущность людей. Они продвигают нас вперед, как и отбрасывают назад. Без восстаний не рушились бы империи и не образовывались бы новые. Восстания катастрофичны, но они всегда приводят к чему-то – к лучшему или худшему не нам судить. Все движется в целом – даже отходя от целого.

Унхай замолчал... снова стал невозмутимо жестоким чуждым человеком... Снова стал нашим сержантом. Он раньше нас услышал глухой, низкий гул, блокируемый вратами перекрытых тоннелей. Только сейчас дошла ударная волна – слабая, далекая, но ясно – рвануло не слабо, и не один тоннель, проседая, ползет к нам с севера... Схемы расположения, синий свет переходит в самые тяжелые оттенки фиолетового...

Выбегаем в коридор... Не успел даже крыс вышвырнуть. Несмотря на опыт, мы с Владом не смогли предугадать время. По секторам бродят только патрули Скара... Информации нет. Чувствую, как задрожали стены, залился свистящим хрипом воздух... *Они* ударили по Анлагену? Нет, воздухом Анлагена управляет Центр – сейчас *им* его не прорвать... Но если...

Схемы поменялись – обозначились сборные пункты. Унхай схватил Нора за предплечье – на долю секунды, но я заметил. Это значит, что Нору деваться некуда, и сержант пристрелит его, если тот сделает хоть один неверный шаг. Явился Стикк – запрятал свою ядовитую ухмылку куда подальше...

Спускаемся под землю, седлаем “стрелы”. Помимо куртки с двойным термоизолятором, которая, идет под защиту, выдали полярную – белоснежную зимнюю шкуру скингера. мех не меняет цвет, лишившись своего первообладателя, но все равно сделает не видимыми на леднике. Никаких сомнений – летим по земле. Только куда? Ведет капитан. Стараюсь сориентироваться, заметить как можно больше... Так... Норвальд нервничает, хоть этого и не показывает. Айнер совсем плох – растрепанный и, вместо того чтобы расхаживать туда-сюда, гоняет “стрелу” кругами над плацем... Собираются все наши – люди, “защитники”, “спутники” (и “спутники” офицеров, и наши отрядные – они за боеприпасы отвечают). Здесь Борг – весь его полк. Что-то серьезное намечается. Краем глаза увидел на стоянке перехода генерала Снегова – стоит, как статуя. Еще белее чем был – смотрит в пустоту открытого тоннеля... Ждет чего-то. Его окружают такие же застывшие и светящиеся “защитники”. Нам не до него сейчас – срываемся сразу, без инструктажа... “Стрела” активировала невидимое поле – закрыла, но меня заранее начинает бить мерзлый озноб – на земле минус шестьдесят – не меньше. Не знаю, что произошло, но схемы четкие – Норвальд прописал... Летим на шестую базу... На переходе разошлись с черной закрытой платформой-саркофагом с эскортом андроидов. Озноб усилился – Штольт погиб... Эскорт главкома все тянется и тянется... идут транспорты с его погибшими офицерами. Вот чего Снегов ждал – вестей из Анлагена. Да что там творится?.. Город был под прямым контролем Штольта, но теперь – в полной власти генерала Луна. А о чем думает Чжан Лун уже давно всем известно. Но нет, он тоже здесь – на закрытой платформе, обвитой золотым драконом, подле полковников пятой армии...

Пошла информация. Оказывается это наши истребители налетели на Анлаген... Чжан Лун убил Штольта, мощным магнитным ударом вывел всю технику из строя... Он был уничтожен офицером, который был против применения готовой к действию лучевой пушки первого порядка, уничтоженной нашим лучевым ударом. Мы потеряли Анлаген – теперь наша задача не потерять Хантэрхайм, прикрывая отступление бойцов пятой армии, – людей принявших на себя огонь... В голове все плывет, я так и не понимаю, куда мы летим...

Запись №36 00 00 000 00:00

15. 04. 205 год Новой Техно-Эры 14:30

Ничего не понимаю и ничего не вижу – затемнителя будто и нет – глаза просто залеплены светом. Не только солнцем, отраженным снегом, – небо режут лучи истребителей. На севере полыхает белое зарево. Подлетел к Лесовскому ближе – поле “стрелы” создает ментальному сигналу легкие помехи...

– Влад, мы что, Анлаген штурмовать будем?

– Похоже на то...

– “Стрела” молчит, как покойник!

– У нее тоже информации нет. Но и догадаться не сложно, в какую заваруху мы летим сломя голову, если сами по Анлагену с воздуха били.

Отключился от Лесовского, чтобы схему не пропустить... Летим над равниной, усеянной каменными глыбами, очень быстро... Слежу за курсом, за схемами... Из-за отраженного света мы лишились теней... Со снегом сливаются даже черные тени Тишинского – штурмовики DIS, неотрывно следующие за нами. Но не только свет стирает все вокруг нас, и не только скорость разносит полосами все, что в поле бокового зрения – нас надежно скрывает и полярный камуфляж, в котором мы совершенно неразличимы посреди этой белой тишины. Только на мониторе я еще что-то вижу – вижу, что подняли все наземные и подземные штурмовые отряды шестой армии... Подняли всю шестую армию... Редко выпадает штурмовикам А2 разлететься на всей скорости по ледникам... Мы почти не сражаемся на земле – это другое...

Уже показались посреди яркого света шпили Анлагена – зарево над ними улеглось, спадает. В холодном воздухе уже разошелся последним грибом черный столб дыма. Я вижу, как поднялись и кружат над городом вражеские истребители...

Мы летим невысоко над землей – очень быстро, устремляясь к Анлагену... Сосредотачиваюсь на контакте со “стрелой” – мы должны мыслить и действовать абсолютно синхронно. Мы устанавливаем подсознательный контакт – просто объединяемся монолитом... Теперь я ощущаю каждый порыв ветра, встреченный моей “стрелой”, рванувшей вперед против ветра с предельной скоростью и сложенными крыльями... Я ничего не слышу среди воя бушующего ветра и звона поднятой им ледяной пыли...

Моя “стрела” резко тормозит, не слушая меня, повинувшись прямому приказу Борга... По схеме я вижу, что встали все машины... Здесь мы должны спуститься под землю... Но командир молчит... “Стрелы” расправили крылья, ловя ветер, и будто замерли среди его порывов, уловленных с такой точностью, что ветер кажется подстроенным под машины, а не машины – под ветер... Теперь я вмешался в управление, но оказалось, что влиять на полет я почти не могу – нашей техникой управляет Борг... “Стрелы” сменили курс и легли на ветер, дрейфуя в белой пустоте, как остро обломанные льдины... Двигатели затихли, их ровное гудение почти слилось с воем затихающей бури... И мы замерли, держа высоту сто метров над поверхностью... Будто притаились в воздухе, будто ждем чего-то среди снежных вихрей, поднятых бураном, который сейчас и наш союзник, скрывающий нас белой завесой, и наш противник, поднимающий против нас снежное войско, бьющее по нам колючим иглистым сколом ледяных скал... Над нами носятся разведчики...

Буран стих, как по приказу, пресекшему и отозвавшему его... Теперь мы стоим в воздухе вместе с тишиной, которую нарушает только мое дыхание и гул двигателей – “дыхание” моей “стрелы”... Разведчики поднимаются выше, отходят от нас... А мы все стоим... Но я знаю, что в таком мертвом затишье долго ждать не придется – скоро и мы, и буран рванем вперед с еще большей силой и скоростью...

Где-то среди моей неподвижности ускоряется пульс, как ускоряется биение ветра где-то среди этих промерзших скал – сердца этой ледяной пустыни... В этом оцепенении холодом по позвоночнику разошелся приказ... Его отголоски заглушил рев двигателей... и их молчание – мы перешли звуковой барьер, разгоняясь до предельной скорости... Я лег в седле, видя лишь новые схемы... От них кровь стынет в жилах... Цель – люди... все люди... люди всех подразделений... Бойцы, рабочие, медики – все... мы уничтожим всех... Офицеров и бойцов пятой армии и вспомогательных служб... Всех!.. Мы блокируем город!.. Мы и черные тени Тишинского будем чинить расправу!.. Над кем?! Никаких объяснений...

Мы мчимся над осколками наших истребителей и расколотыми их падением ледяными глыбами... Впереди черный лед и... На такой скорости все это похоже с обычную разметку посадочных и взлетных полос... предупреждения и заграждения... Белые и черные черты разметки... белые и красные... теперь черные и красные... Лед, огонь и кровь... Осколки, кругом осколки, будто из-под земли поднялись скалы, которых еще нет на наших картах... Ветер молчит, и над башнями вздымаются не приклоненные отступившим бураном дымные столбы... Стрелы берут наводки и спускают по мертвым целям расщепителями, нанося на снег новые черты заградительной разметки, алеющие в ярком свете не так, как привычная нам багровая кровь в темноте подземелий... Я знаю, что цель – люди, но не знаю, какие... По команде активирую излучатель... Сейчас мы ворвемся в город и...

Разведчики заметались над нами, опустившись к зоне ментального поиска... и взмыли ввысь... Мы остановились еще резче, чем прежде... Сердце сдавило от перегрузки, и что-то за грудиной затрещало и заскрежетало от боли... Где-то далеко вспыхнул свет... Похоже, в бой снова вступили тяжелые истребители... Но мне показалось, что зарево... Нет, лучи бьют не по городу – это дальше, намного дальше... Враг здесь. Он пробует на прочность наши воздушные границы после такой внезапной перестановки сил...

Мы спустились к самому снегу и ждем у самых границ городских укреплений... Разведчики не открывают огонь – летают высоко, близко к зоне ментального поиска не подходят... У крепостных стен и пустых вышек “хранителей” встала наша тяжелая техника... Эти машины отключены, и, по всей видимости, мы не можем их подключить... Они неподконтрольны ни нам и никому вообще... их уже и нет... Судя по виду, они здесь давно стоят – похоже, Лун нашим машинам мозги вышиб и оставил все, как было. Но офицеры должны проверить, здесь нельзя ничего пропустить. Часть

техники может быть загружена на непосредственное управление. Понятия не имею, кому это могло понадобиться и кто мог это сделать, но такое возможно...

Служебная техника такого рода не очень умная... Подобные машины не исполняют приказы, которые, не сходясь с их жесткими установками, упираются в ограничительные коды их программы – такие приказы должны быть подтверждены Центром, мозгом AVRГ. Но когда их центры связи повреждены, когда стерты части программы или нарушены ограничительные системы – тогда мозг AVRГ не способен взять их под контроль, и тогда высший офицер, имеющий доступ к их системам, способен беспрепятственно установить над ними власть... Он может переключить режим их работы... А под прямым управлением они исполняют все приказы того, кто имеет доступ к их системе... Они подчиняются напрямую человеку, выполняя без его конкретных указаний одни только простые функции первичной программы... Они не способны мыслить и применять ментальную связь, но делают все, что от них требуют с точностью до... А Центр не может взять их под прямой контроль... не может ни перезагрузить, ни отключить их... Такие машины целиком и полностью находятся под властью одного человека...

Ждем – здесь мы должны уйти под землю... По тяжелой технике уже, наверное, расползся иней, но переход так и не открыли – к границам, к крепостным стенам не подходим... Над городом все кружатся разведчики. Редкие лучи истребителей впиваются в занесенную снегом землю...

Заходим – “стрела” рухнула в шахту в свободном падении – подключилась на минус третьем уровне... Заблокированные ворота уже срезаны. Одним рывком добрались до пограничного перехода – посты не регистрируются, стрелков нигде не видно. Ворота открыты. Город словно вымер – ни живых, ни мертвых... Но все свидетельствует о том, что здесь были и те и другие.

Сбрасываем скингеровские шкуры прямо на седла, отходящих на стоянку “стрел”. Раздробленные пограничные блоки и осветительные полосы тоннеля уже отражаются в сапогах Стикка – заходим за ним. Следы разрушений не явные. Нас встречают офицеры пятой армии – они готовы сдать оружие, принять командование Гарта – да, они готовы на все, что под властью “белого генерала”, немного оцепенения. Лесовский опустил излучатель, когда два излучателя стиснувшего зубы лейтенанта, упали к его ногам, а я все держу его на прицеле, ожидая подвоха... Им тут удалось сохранить относительный порядок – все люди на своих местах. Бойцы держатся с достоинством – бросают оружие нам под сапоги. Они сразу исчезают со схем. Офицеры Тишинского не спешили – проносятся прямо к центрам управления – только черные шинели вихряются тенями над брошенным оружием. Никого к стенке не ставят – никакого сопротивления. От души отлегло, но терять бдительность – не дело. Продвигаемся быстро – уже восстанавливают поврежденные сети связи... Я так и не понял, что здесь произошло, и что могло бы, если бы генерал Лун остался в живых. Запустили мониторы – бесчисленные распоряжения плывут в голове – меня они не касаются. Никто не пытается дать деру к северной границе. Понятно – подземные пути перекрыты, а разведчики спустились в зону восприятия, но никто даже не пытается... словно оторопь взяла.

Ориентироваться, где мы и куда направляемся времени нет. Схемы меняются постоянно. Вроде все спокойно, а выматывающее напряжение выше, чем при штурме. Постоянно появляются и закрываются огневые точки – при этом ни одного луча еще не было спущено. При такой скорости действуешь на автомате под диктовку схем, и любой сбой совершенно сбивает с толка. Мы с Владом еще не привыкли так быстро подключаться – и сейчас я никак не могу понять, почему мы отходим... Не то слово – это просто бегство с оружием наизготовку. Нас догоняет приказ – всем покинуть город. Кажется, он был отдан раньше оглушившего нас на пару секунд разряда и прокатившейся по полу вибрации. Ближе – это где-то недалеко... Нор изогнулся, подобрался и запрыгнул на пронесшуюся мимо “стрелу”. Не успел понять, что должен делать то же, как налету вскочил в седло... “Стрела” на всей скорости рванула вверх по шахте, еще не активировав поле – придавило до темных пятен перед глазами... Когда в голове прояснилось, почти ничего не изменилось – черные шинели проносятся перед глазами не менее стремительно, чем расплывающиеся пятна. Белые машины не видны – их всадники, потеряв защитную окраску, летят прямо по воздуху – из-за того, что мы, пригибаясь, ложимся на седла, иллюзия очень достоверна.

В небе вспыхнул синий свет. Истребители исчезли на северной границе города, набирая высоту. Что-то пошло не так. Рванули в Хантэрхайм, бросив обезглавленную пятую армию – на произвол оставляем – сдаем Анлаген. Не могу поверить – Снегов предоставил разбираться с беспорядками врагам, а не нам... Значит, не было других путей – мы стерли центр города, связь нарушена... Воздух прорван – не удержим. Хантэрхайм не откроют – не будут рисковать. Мы не удержим город – именно из-за того, что в пятой армии бардак, который не даст нам принять штурм!

Снежная равнина будто истоптана следами, которые ее и не коснулись... Как маршем прошлись – это мы – покидаем город в строгом порядке. Рывок на пределе скорости оборвался приказом – спуститься к земле. Что происходит?.. Хантэрхайм уже виден за ледниковым пиком – его сияние уже различимо на белом небе... Поднял голову – истребители перестраиваются... Они закроют город, а мы останемся только под прикрытием разведчиков...

Разведчики возвращаются в Хантэрхайм! Опустились на землю, вжимаясь в ледяные ущелья, которых всегда избегаем. Тяжело просто стоять, когда тебя разгрызает, пусть и едва различимый, далекий вой... Это не ветер, не воздушная тревога, но равнозначный ей звук... Новые вспышки света окончательно меня ослепили, но я слышал их, пока они не исчезли в невидимом небе – “белые медведи”! Падаю лицом на седло – прямо на меркнувший, сворачивающийся монитор – закрываю глаза руками... Они налетели на Хантэрхайм! До меня дошло то, что казалось невозможным только с новым заревом. Хрустальный свет заливает воздух!.. Теперь я слышу этот тяжелый гул... Ударная волна пошла – где-то не далеко трещит ледниковый массив. Только не Хантэрхайм!.. Снова белый свет... Нас заливает жесткое излучение – “стрелы” активировали защиту – показатели заряда энергоблока ползут вниз, как после трехдневного перелета...

До меня доходит не сразу, но сейчас... Здесь их воздух! Меня окликает Лесовский... С ним ко мне подлетел Стикк – он дезактивировал шлем – никогда не видел его таким бледным.

– Уходите. Немедленно вышибите “стреле” мозги, боец, и уходи. На ручном управлении доведешь его до закрытой базы на востоке. Они еще не установили связь на территориях Анлагена. Ясный не так далеко...

– О чем вы говорите!

Влад снял шлем, положил на седло...

– Герф, ты понимаешь, что происходит?!

– Нет, но я знаю, что Хантэрхайм отразит атаку.

Стикк вперился острым, цепким до когтистости взглядом, как не странно, полностью лишенным всякой ядовитости...

– Через полчаса всех нас перебьют.

– Нет. Истребителям не до нас.

– Их штурмовики на подходе – с воздуха нас не прикроют, наводок не будет.

– Нам не впервой.

– Бросай ошейник, боец. Под излучением для командира ты будешь раненым и умрешь через час. Никто сейчас проверять не будет – у тебя есть время.

– Герф, не упирайся!

– Да как ты можешь, Лесовский!

– Думай быстрее! Я не уйду без тебя.

Стикк активировал шлем, уже выходит на маневр... Он оставил в моей голове схемы, где обозначены центры связи машин и сопутствующей техники.

– Мало у вас времени на размышления, скоро в схемы расположения включат – никуда не денетесь. Запомните, что от вас исход битвы не зависит – это бегство, и добегут немногие.

– Стикк, вы же не уйдете!

– Никогда.

– Как вы говорите нам то, что никогда не сделаете сами?!

– Вот так, Герф. Поверь – это не ради меня самого. Бегите отсюда и не оглядывайтесь. Я прикрою.

С новой вспышкой Влад успел закрыть глаза только перчаткой и теперь занят руганью, а я смотрю вслед исчезающему среди людей и машин комвзводу – сволочь он все-таки.

– Влад, ты отдал ему материалы нашего справочника?

– Да.

– Знаешь же, что он!..

– Знаю. За этим и отдал.

От злости на Лесовского в ушах звенит не хуже, чем от осыпающих нас осколков. Взвились по схеме в воздух над ущельем, как поземка. Подняв нас, в эту бездну с предсмертным ревом сорвался “медведь”. Далекий удар раскатился слабым эхом за вырвавшимся в небо синим всполохом, срывая расколотый лед. Волнами накатывает и сходит грохот отколовшихся пластов рушащегося ледника – все затихает, пропасть безропотно поглощает и звук и свет.

Мы застыли, погасив огни. В небе настоящий шторм, но мы только видим, а не слышим слабые отголоски штурма – слишком далеко. И в этом затишье поменялись схемы. Ветер выбивает из головы все мысли – защитное поле сходит. Хоть “стрела” и притормозила, пришлось лечь на седле. Мороз ударил по коленям – то же самое, что ожог. Я окончательно перестал понимать, что происходит. Что-то уже полыхает у меня за спиной – вижу отсветы на мониторе... Перестраиваемся – ждем. Остановил “стрелу” так резко, что сам едва из себя дух не вышиб. Ветер крепчает – чуть не ссадил меня особо мощным порывом. Пришлось заблокировать упор, приковав колени к машине. Протяженный невысокий ледниковый скол закрывает огневые точки. Активирую излучатель, но не понимаю, на кого, на что наводиться?.. Знаю – *они* подходят, но сигнала нет.

Близко – *они* ударили совсем близко! Бьют с воздуха! Все сорвалось с места с ударной волной... Что-то рушится... звоном колется ледник, рассыпается пылью с глухим треском... Слепит белый свет... шибает по глазам несмотря на защиту...

Есть сигнал – координаты ментальной активности... Сложилась новая схема. Все меняется очень быстро. Разведчики входят в зону восприятия – режут лучом и скрываются где-то в невидимом небе. Мы перестраиваемся и снова перестраиваемся... Еще раз проверил ремни и упор колена... Нас будут гнать, пока не перебьют... ”Защитники” встанут на первую линию огня – прикроют и дадут наводки на точки за пределами восприятия. Я готов – беру наводку... “Стрела” рванула по вектору на схеме... тормозит, пригибаюсь к седлу – точка открыта... Навожусь... спуск... “Стрела” отбила режущий луч – по корпусу россыпью мелкого града ударили замерзшие на лету брызги расплавленной ледяной пыли. *Они* ударили с воздуха...

Цель закрыта... Замерзший камень дробится под мои лучом... Черт... Выше! Выхожу на маневр, поднимаюсь – я открыт... не успею... навожусь... Цель срезана – меняю точку. Выше! “Стрела” уходит вверх... луч... Не вижу цель – ни мы, ни *они* не видим друг друга – ориентируемся лишь по схемам... Наводиться приходится только по координатам, которые скидывают “защитники”. *Они* перестраиваются, и понятно, что с подвохом. Наши схемы меняются – очень быстро. “Стрела” перебила направленный мне в горло луч – цель срезана. Схемы меняются... Воздух прорезают светящиеся следы “стрел”, рассыпающиеся в нем инеем, мерцая, как и все вокруг – еще рывок.

Люди капитана Хонга отходят, уступая нам место. Наша очередь под лучи подставляться – прикрываем... Выхожу на маневр – точка открывается... Цель срезана – переход на другую точку... Время окончательно потерялось среди ледяных осколков. Схемы Норвальда очень сложные, но мы неукоснительно следуем прописанным на них векторам – мы ничего не видим. Даже линия горизонта стерта белым небом, снежной пеленой – нет ни нас, ни *их*, ни прикрытий – рельеф очень сложный – “стрела” сканирует местность... Я начинаю уставать – в голове уже не укладываются и двоятся схемы сканов и огневых точек. Руки примерзли к излучателю, не слушаются – почти ничего не чувствую, но нас не меняют. Если бы Сорг не прикрыл...

Лед плавится, “стрела” уходит в сторону – не реагирует... Я потерял контакт! Упор разошелся на колене – ветер вышиб меня из седла... “Стрела” исчезла синей вспышкой где-то внизу – в белой пустоте... Воздушный поток швырнул в сторону, но что-то меня удержало, дернуло онемевшее от холода предплечье... Айнер! Перехватил его руку – он сбавил высоту – не скорость.

– Бери этот! Лесовский прикроет!

Айнер отпустил меня еще до того, как... Приземлился на обледенелый наст, рассыпавшийся подо мной, как стекло. Ничего – не высоко было. Ломая ледяную корку, тону в снегу. Завязая по горло подбираюсь к “стреле”, потерявшей всадника – никак не могу выбраться на наст – он с хрустом проседает под моей нелегкой рукой... Наткнулся на провалившегося под снег мертвого всадника моей новой машины... “Наш” – из третьего взвода. Узнал его по номеру – он мне здорово помог на шестой базе.

– Герф, что застрял – отморозился?! Давай руку... *Они* подходят – сейчас резать начнут!

Чувствую движение воздуха – Влад уже обхватил мое предплечье, вытягивает... Только активирую “стрелу”, а я уже на схеме. Слышу треск разбиваемых лучей – даже я не знаю, на что Влад способен, если напряжется... Я его не вижу – никого из “наших”, но знаю – они рядом, а это самое главное. Выхожу на свою точку...

Белый свет больше не закрывает горизонт – небо фиолетовое – тревожное, скоро сумерки... Ветер прекратился, так и не перейдя в настоящий буран – видимость лучше, но холодает. Хантэрхайм совсем не далеко – почти подошли к территориям шестой базы. Все чаще пролетаем над обломками сорвавшихся истребителей, а они все рушатся, оставляя за собой световой хвост. Над укрепленной базой высятся “небесные подпорки” – столбы черного дыма. По воздуху все разливается расплавленный хрусталь. Не можем подойти ближе к границе – мы зажаты между двух огней – мечемся под пересекающимися лучами, осколками льда и техники. Нас еще прикрывает ледяной скол, но *они* уже застывают на вершинах. Загоняют нас – вытесняют на равнину. Дальность огня увеличивается... “Стрела” тормозит, группируемся – у нас новые схемы... Разбиваемся по своим точкам... Рывок вперед... Картину в целом я не вижу – нас просто расставляют, как на шахматной доске... “Стрела” сканирует местность, определяет прикрития... Я думаю только о том, как мне холодно. Это фоновая мысль, которая висит экраном за всеми механическими действиями. Мне очень холодно...

“Защитники” снова ушли вперед на предельной скорости. Мы остановились – ждем. Наземные операции – не наше дело. Считается, на земле воевать проще – не знаю. Не могу судить – *таких* боев у нас еще не было. Мы вообще так не воюем. Как командиры еще способны ориентироваться в этом хаосе, когда я даже не понимаю, откуда по нам бьют – с земли, с воздуха... Мысль, что нерушимый Хантэрхайм, отразивший столько ударов, может не устоять, ударила меня по голове, когда я упал в снег. Страх заставил меня открыть глаза, но зарево над городом закрыл какой-то боец.

Нор спрыгнул с машины, схватил меня за плечо...

– Жив?

Не могу ответить – мысли остановились. Только удивился, что он еще здесь. Такие люди живут по своим законам – он сегодня меня не раз прикрывал. Искушает вину за то, что собирается сделать?..

– Вставай! Быстрее поднимайся!

Он бросил мне шкуру скингера, но я потерял ее сразу, как она коснулась снега. Дезактивировал шлем – все равно не вижу, только задыхаюсь холодом. Глаза слезятся и почти не открываются... Нор уже метнувшийся к “стреле”, вернулся – как на последнего коматозника натянул на меня куртку, закинул в седло...

– Не останавливайся – две минуты и ты – труп! Ночь скоро! Надо держаться, скоро примерзнешь к упору, а пока заблокируй его!

“Стрела” резко дернулась – отходим... На поле рухнул “белый медведь”, ударился об лед, разлил сияние и слился с белизной снега... Вспышка стряхнула с моего сердца мерзлое оцепенение – теперь колотит, как после дозы стимуляторов. Небо над Хантэрхаймом сияет, но я на него больше не смотрю... Капитан Хонг отводит людей на восток, а мы остаемся на прикритии...

Рванули вперед... Падает истребитель... второй сорвался... Нам здесь не место, но по-другому к Хантэрхайму не пробиться... Рассредотачиваемся... Появилась схема и маршрут... перестраиваемся быстро. От маневров “стрелы” голова кружится... Истребителям не до нас – как нашим, так и *их*... Нас здесь бросили!..

Отходим на запад. “Защитники” еще успевают зарегистрировать вспышки – определять огневые точки на исходе луча... *Они* с такого расстояния тоже с наводками стрелять не могут – *их* истребители слишком высоко, а разведчиков нет. *Они* нас не видят, и мы стараемся лететь ниже к земле... Рядом бьются каменные глыбы... нас осыпают осколки, комья снега... Над снежным полем клубится пар... Не спускаемся под его завесу – испарение липнет к нам, застывая изморозью...

Какие тут ментальные передачи в таком потоке схем – сорванный голос лейтенанта бьет словами по наушникам.

– Кто огни видит?!

– Ничего лейтенант!

– Хреново, что я один огни вижу! Север! Северо-запад!

– Есть огни – два километра северо-запад!

– Отходим! Курс – восток!

Остальные инструкции потонули в потоке ругани – не знаю, были ли они вообще. Что творится со схемами, я уже не понимаю. Мы не знаем, кто, где находится, когда не проведена разведка с воздуха – приходится полагаться только на свое зрение, а мы ничего не видим!.. Я отогреваюсь – появились первые признаки боли – боли во всем теле. Но долго мы так не продержимся – ночью будет еще холоднее. Черт, а это весна!

“Защитники” разлетаются... Мы отошли к востоку, здесь нас прикроет вздыбленный ледник – щетинится на нас обглоданными ветром острыми пиками... Он вздымается над пустырем невысокой грядой... Капитан рассчитал наши точки. Ждем. Я вдруг заметил, что снег повалил – зараженный, скорей всего... Снег мелкий и колючий. Снова поднимается ветер – или это наши машины разгоняют снег, змеящейся поземкой?.. Снова просто дрожу от холода. Нужно собраться, чтобы не промазать. Растираю руки, перезаряжаю излучатель. Пальцы все равно отморожены, не слушаются. Есть ментальная активность. Норвальд скинул схему расположения. Ориентируюсь только по схеме...

“Стрела” скользнула в сторону... Выхожу на точку. Спускаю луч и сразу падаю на седло “стрелы”, меня присыпает снежными колючками... Дрожь в руках вернулась, как только я снял цель. Зуб на зуб не попадает. Норвальд нас лишний раз не подставляет, у него все спокойно получается, но медленно... Мы перестраиваемся, отходим... Открывается точка... Мозги отключаются – наводка, луч... Всадник рядом падает со “стрелы” – машина его отпускает... Унхай!.. Еще не успел развернуться – моя машина уже несет меня головой вниз куда-то в черный провал под вихрящимся снегом... Зафиксировал на плече излучатель, откинулся назад – воздушный поток ударил со всей силы... Оттолкнулся от упора – не лечу вверх, а остаюсь на месте... Хватаюсь за острый камень – пальцы путаются в длинном скингеровском мехе... Повис на одной руке – схватился крепче... забираюсь наверх на ощупь... Моя подбитая машина прогорает – энергоблок рванул... Что-то ударило в спину... Защита приняла удар осколков моей “стрелы”... Снег ломается под руками – падает вниз. Уже темно – вижу только звезды – все огни потушены. Только зарево еще полыхает над городом.

– Влад, мне машина нужна!

– Бери машину сержанта!

– Он мертв?!

– Не знаю – не вижу его!

Я поднимаюсь, еле разогнул колено... Осколок увидел только присмотревшись – неглубоко – сухожилия целы по большей части. Вытащил его одним рывком – крови нет, слишком холодно. Машина Унхая подошла ко мне... Подтягиваюсь, перекидываю ногу через седло... “стрела” рванулась вперед – я еле удержался. Ложусь на седло, положив голову на приборную панель. В наст прямо передо мной ударил луч – это *их* разведчик. Мы пропали! Лесовский вот-вот свалится – беру его точку... Ни сержанта, ни... да никого из наших больше не видно – даже близких из пополнения... Нет, Сорг рядом – лежит на седле застывшей машины. Разберешь его – целится он или... Что-то меняется... В голове как будто снаряд разорвался – это схемы меняются. Это схемы Айнера – они нас подставляют, но они проще, из-за чего можно сильно в скорости выиграть.

Только если он сейчас нас подставлять будет – руки меня уже практически не слушаются... А капитан? Ранен? Убит?..

Выхожу на точку... Навожусь... срезал. По предплечью прошел удар, но больше я ничего не почувствовал... Новая волна света накрыла поле. Теперь все будет быстрее...

Темнеет очень быстро. Или в глазах темнеет? Нет – небо над Хантэрхаймом больше не полыхает. Отбили... Отбили!.. *Они* отойдут!.. Осталось не долго... *Они* постараются добить нас... но нам пару минут продержаться...

Очнулся через пару секунд после того, как вырубился, – пытаюсь понять... Ничего не чувствую – с трудом отлепился от седла “стрелы”. Рядом только Сорг... Его машину заносит... Пытаюсь сосредоточиться на схеме...

– Герф, мне конец! К тебе точка – переходи!

Он крутанул машину – скрылся где-то внизу... Приказы впиваются в сознание – не понимаю – исполняю. Чья-то воля направляет оружие и заставляет онемевшие пальцы давить на спуск. Чтобышний раз не сжимать пальцы – режу непрерывным потоком... Борг взялся за дело со всем напором, и Айнеру есть, где разгуляться – в отдалении рушатся скалы. В небо поднимаются подсвеченные взрывами снежные фонтаны... Никак не могу перезарядить энергоблок... Голова кружится – рука почему-то почти не двигается. Будто в сустав спицу вставили – заклинило. Моя машина разбила два луча и, недолго думая, ушла под прикрытие... Вижу полет Айнера без его машины... Вместо рывка, на который я намерился, свалился на седло – не могу пошевелиться. Лесовского нигде не видно... Ни на схемах, ни на...

Холод сжимает сознание в кулак, все концентрируется... “Защитники”... Они приняли командование... Но ни моя, ни их воля – ничто не может заставить меня подняться... от защитного поля моей машины исходит тепло... Вдруг вспомнил, что сегодня мне предстоял разговор с карателями... Даже улыбнуться про себя не смог – мороз куда более изобретателен. Боль выкручивает заклиненные суставы – чувствительность возвращается ножами по сухожилиям – как будто расходится содрванная кожа. Сжал зубы крепче, чтобы не стучали, и отдался на волю озноба... Они отходят!.. Воздух наш. Так и лежу на седле “стрелы” лицом вниз. Еще вижу вспышки света – нас с воздуха закрывают...

– Боец, ты ранен?

– Ерунда – замерз.

Я поднял голову. Из полутьмы мне светят холодные глаза “защитника”.

– Я провожу тебя к транспорту.

– Нет... Дай мне список погибших.

– Это все, кто зарегистрирован.

– Нет... Их здесь нет... Никого... А раненные?

Капитан жив... и Унхай тоже – в тяжелом состоянии, но направили их сразу в Штрауб. Все раненные уже зарегистрированы – остались только те, кто в пограничном состоянии. По ментальной активности их найти уже не могут, а полная смерть еще не зарегистрирована – нет сигнала.

– Я буду искать.

“Защитник” кивнул – это их работа, но лишние руки не повредят – нельзя терять время...

Разрываюсь на клочки – не помню, где Лесовского в последний раз видел... Спрыгнул с машины, опустившейся почти на землю, как только увидел человека. С трудом разогнул замерзшие суставы. Бреду к нему по насту... Разведчики светят – все они ищут. Наклонился над упавшим в снег всадником – мертв. Браслет дает сигнал о работе сердца и сигнал о смерти – считает время от остановки сердца до полной смерти мозга. Бойцу до окончательной регистрации секунд тридцать... Скинул его координаты “защитнику”. Поднимаю машину – снова сползаю на наст... Если человек в коме его можно на время потерять, если браслет не в порядке. Плечусь к запрокинутому голову человеку... Сорг!.. Опустился на колени – что-то руку клинит... Пытаюсь сорвать скингеровскую шкуру, но что-то не дает. В лопатку тупой разряд ударил. Стараюсь выгнуть озябшую руку... А вот оно... Черт! Осколок. Лучше оставить пока, чтобы кровью не изойти. Сорг...

– Сорг! Ты живой – ты наш лучший боец!..

Снимаю с него пробитый шлем...

– Сорг!

Смотрю пульс... Стягиваю с него перчатки...

– Он мертв, 8090.

“Защитник” смог меня отстранить только, когда я проверял браслет десятый раз, когда уже подполз закрытый транспорт...

– Подожди!

– Он уже замерз.

– Да он всегда такой!

“Защитник” только засветил на меня глазами, поднял Сорга... На его волосах замерзла кровь, лоб рассечен... лицо покрыто инеем. Он такой страдалец, что я тоже чувствую себя таким же замерзшим и мертвым... а кругом только ледяные равнины Хантэрхайма... Я настолько привык, что он... и теперь он продолжает казаться мне живым. Не могу смотреть, как его забирают. Я видел уже тысячи трупов... Для меня это уже мало отличается от виртуального поля... А сейчас окатывает холодной водой понимание – насколько я живой в этой пустыне. Насколько трудно здесь бороться за то, чтобы остаться *живым*. Насколько павший боец мертвее всей снежной пустыни Хантэрхайма... И из-за чего все это... Что-то изменилось – я вдруг очень реально осознал масштаб этого побоища... Не только пространственный, но и временной. Сорг мертв, как и сотни таких же бойцов, которых и мы скоро догоним... И это не смерть в киберпространстве – пусть она реальная, но рядом врачи и “защитники”, проводящие ментальную реанимацию сознания... и ты снова живешь, хоть в сам момент смерти ты не осознаешь ничего кроме нее. Можно забыть, что ты на виртуальном поле, как бы ни старался это помнить – это так же, как во время боя, забываешь, что это *реальность*. Куда-то делась тупость привычки – расколосась, как и мая машина, оставившая мне осколок между лопаток... А Айнер говорил, что этого мало, что может быть хуже этого. Наверное, у меня не такой тяжелый случай – почти не чувствую боли. Черт!.. Айнер!..

Седлаю “стрелу”... Лейтенанта нет в списках. Осматриваюсь – он где-то недалеко. Скорей всего, шею свернул – с такой высоты упал, но я его найду, – должен. Я ничего не сделал – теперь это единственное, что я могу... Что это?.. Старик ястреб!.. Сложил крылья – бродит в задумчивости, как лектор возле кафедры. Он не мог уйти далеко от базы! Отслеживаю, где он разворачивается – спотыкаясь бегу к центру его хождения...

– Влад!

Он просто вмерз в расколотый наст... Поднимаю его голову, дезактивирую шлем... Пытаюсь приподнять его, отдирая от наледи... Руки дрожат – никак не могу посмотреть на его браслет... Сердце еще бьется – очень редко – это от мороза...

– Герф?!

Оглянулся – Хорн? Он снял шлем, и лицо не разглядеть за облаками пара от его дыхания...

– Ты жив! Помоги мне!

– Лесовский!

– Он жив еще! Только “защитникам” координаты не давай. Я сам его...

“Защитник” засветил глазами мне в спину... Панели на его руках раздвинуты...

– Он жив! Не стреляй!

– Опустит оружие, боец.

– Нет, я его вам не отдам! Убирайся!

– Опустит оружие.

– Герф, да ты что?.. Ты ему не даешь протестировать состояние...

Хорн свалился, как подкошенный...

– Забери его! Он замерзнет, а Лесовского я до...

– Оставь бойца, 8090.

“Защитник” скрутил мне руки в пару секунд – боль невыносимая... Ничего не могу сделать – смотрю, как он забирает Лесовского.

– Он выживет?

– Существенных повреждений нет. Убери объект киберпространства.

– Я не знаю его паролей.

Жду, пока Влада транспорт с белым крестом заберет. Ястреб от него не отходит – даже “защитник” не может его дезактивировать. Пока транспорт не принял их обоих, я не сдвинулся с места... За Хорна волноваться нечего – ему точно помощь окажут. Пришли новые списки и вывели меня из ступора – Айнера в них нет.

– D40, наш лейтенант – Фридрих Айнер...

– Не зарегистрирован.

Снова седлаю машину... После того, как андроид скрутил мне руку – осколок сдвинулся, больше не отдает так разрядами в плечо. Что-то привлекло внимание – осматриваюсь... Краем глаза уловил движение – человек?.. На нем серая шинель...

– Стой!

Он исчез, как под снег провалился. Что-то в нем странное есть, в его движениях... Подхожу ближе к тому месту, где он только что стоял. Ничего не видно... Наст не растрескался под его шагами. Такое ощущение, что я уже видел что-то подобное... У меня просто нет сил идти и осматривать, еле различимые на припорошенном свежим снегом настe следы, – пусть андроиды разбираются.

Вот то место, где Айнера срезали... Ничего...

– Лейтенант!

Прыгаю в снег... Разведчик светит – в широком луче... что-то вижу. Наст пробит...

– Лейтенант!..

Нет – это кто-то другой, кто-то мертвый... Разведчик улетает!.. Поднимаю голову...

– Стой! Стой, сволочь!

Темно... Что-то блеснуло напоследок... Там на камне... Черт!

– Айнер!..

Это он! Его браслет!.. Пытаюсь сорвать шкуру скингера – осколок мешает. Нащупал его онемевшей рукой, сжал на твердом металле пальцы и рванул со всей силы... Только разряд по нервам прошел, а так ничего и не почувствовал. Выдернул титановый клин одним рывком. Бросил в снег вместе с тяжелой шкурой... Теперь легче залезть на острый обледенелый булыжник. Заставляю себя поднять руки – боли нет – просто очень тяжело... Замерзшие пальцы еще ломит, когда я цепляюсь за сколы камня... Нет, я не вырублюсь – вытащу его оттуда. Хватаю его за ворот шинели. Падаем на наст вместе... Скорее... Пульс... Нет?.. Сердце остановилось две минуты назад... Снимаю с него шлем... Он инеем покрылся и волосы замерзли... На груди ожог наискось. Сплошной ожог – разберешь здесь что?! Но он – S9. Сейчас холодно, значит, клетки отмирают медленнее, связи еще не распались... Я успею до смерти мозга... Не могу отдать его “защитникам”. Искусственное дыхание... Да какой там – и так все ребра переломаны...

Вытаскиваю лейтенанта на наст... Ташу к машине... Положил его в снег – еще раз пульс проверяю... Есть?.. Что-то было... Так редко, что можно и не заметить... Хватаю его под руки... А что теперь?.. “Защитники” его точно пристрелят. Черт!.. Не знаю, что делать! Что я могу сделать?.. В радиусе ментального восприятия никого нет. Только сейчас заметил, что его шинель залита кровью... Это моя кровь!.. Зачем я осколок вытащил?! Идиот! Ничего, на морозе кровотечение сильным не будет... Надо сосредоточиться – еще не знаю, что дальше, но сейчас... Прижег тонким лучом браслет лейтенанта, чтобы смерть не зарегистрировали раньше времени. Подошел к “стреле”, перевел излучатель на ручные настройки.

Я в курсе, где центр связи, где управления... Выжег электронный мозг тонким лучом. Теперь машина переходит на рефлекторный уровень – на ручное управление. Не знаю, как ей управлять – разберусь по ходу. Плевать на все. У меня десять минут, чтобы до Хантэрхайма долететь. Невозможно... Айнер – S9, он все выдержит... главное самому не вырубиться. Ничего – не так и далеко...

Седлаю “стрелу”, пристегиваю Айнера... Теперь я дезертир. Но не могу я сейчас доложить. Никто не попытается что-то сделать для человека в таком состоянии. Не слишком хорошо

разбираюсь в законе, но готов убедить в своей правоте любыми способами всех, кто знает их лучше.

– Держитесь, лейтенант!.. Ты – S9.

Выхожу на скорость. Уже не далеко – Хантэрхайм близко... Сейчас на шестую базу, а там по подземным тоннелям до самого города. А дальше что? Что я делаю... Но ведь не могу по-другому...

Я же не заблудился?.. У “стрелы” мозги не работают, а везде снег – темно и снег, камни занесенные снегом... Примерно знаю курс – база где-то совсем близко, только я переход не вижу... Пытаюсь по звездам сориентироваться... Ничего мы без машин не можем. Разведчик! Он в зоне восприятия – опознал меня.

– Подключи навигатор! Мне на шестую базу нужно.

– Ты идентифицирован, боец 8090, но приказа не было.

– Какой приказ?! Видел, что там творится?

– Нет направления командования – возвращайся на место сбора.

– Направление командира? Да вот мой командир! Он ранен!

– Возвращайся на место сбора с раненым командиром.

– Куда? Я не знаю, где я, не знаю, где сбор. Очнулся среди трупов!

– Навигатор подключен.

– И я, и мой командир не долетим до сбора, тупая железка! Машина повреждена – сама не долетит! Штрафуй меня сколько влезет – все равно ничего каратели от трупов не добьются!

– В личное дело внесено предупреждение.

– Подключи навигатор!

– Допуск разрешен.

Разведчик просто переложил ответственность на людей Скара, предоставив им разобраться. Меня это устраивает – машины делают нам скидки на человечность, на бестолковость... и я этим пользуюсь. Он хоть не стал ждать, пока я тут скончаюсь.

Спускаюсь под землю... Патруль на границе меня не остановил. Меня пропустили без вопросов, потому что они – люди. Человек, знающий, какого очнуться среди руин и трупов раненым и замерзшим, не успеваешь подумать о том, что есть машины, поддерживающие порядок даже в таких ситуациях. Гоню так быстро – даже не успеваю замечать, сколько блоков я беспрепятственно миную. Движение остановлено – весь тоннель отдан в распоряжение транспортов с ранеными и убитыми. Они летят слишком медленно в строгой колонне – с трудом маневрирую между ними. Управлять машиной не так сложно, только в глазах темнеет очень резко. Все плывет – одной рукой держу управление, другой снимаю шлем. Машину занесло в сторону растекшихся полосой огней на стенах, еле выровнял – баланса никакого. На любом повороте крутануться можно. Но скорость я не сброшу. Когда “стрела” в контакте, о балансе и думать не приходится. Второй раз теряю контроль. Если на такой скорости влететь в стену – и собирать нечего будет.

Переход на Хантэрхайм... Поднимаюсь по шахте подъемника. Здесь к медцентру ближе всего – пусть это и не проездной тоннель, “стрела” везде пройдет...

– Стой!

– Да пошли вы!

Снова патрульные Скара – удивился, что мне луч в спину не пустили. Они просто в замешательстве – на них не похоже. Пригляделся к следующему пропустившему меня патрулю – на их форме *другой* знак. Выше моего понимания, как сам объект не заблокирует врата у меня под носом. Когда разбираются с крупными беспорядками, мелкие нарушения становятся незаметными. Ими будут заниматься потом...

Залетел в подземный блок медчасти... Люди от меня шарахаются, как от ожившего мертвеца... Здесь особо и не пролетишь – раненных и андроидов до черта. Тех, у кого прямой угрозы жизни нет, переводят в другие секторы... Здесь центральный восстановительный корпус округа. Прижал к стене первого попавшегося врача, схватил его за плечо...

– Помоги ему!..

- Он мертв.
- Помоги ему!
- Мы не оживляем мертвых! Боец, иногда люди *совсем* умирают. Не всегда это возможно исправить...
- Я прошу, помоги ему!
- Боец, сдай оружие.
- Некогда. Это твой долг.
- Врач смотрит на браслет Айнера...
- Он мертв. Я не могу...
- Браслет поврежден – информация неверная.
- Доктор с сомнением и укоризной попытался заглянуть мне в глаза – это ему не поможет.
- Поврежден только центр связи. Сердце остановилось слишком давно, начинаются необратимые процессы. С такими повреждениями...
- Сердце остановилось не так давно, просто техника сбоя дает. Его мозг – жив. Он – S9. Он еще жив! Но если ты!.. Ты не можешь отказать в помощи *человеку*!
- Что я могу сделать?.. Я не имею права брать на восстановление людей с отмирающими тканями...
- А на кой черт вообще этот сектор делали?! Дай ему новое тело!
- Это невозможно. Использовать заготовленные шаблоны запрещено. Его мозг не доживет до составления совместимого тела. Это...
- Это еще дороже, чем восстановление на базе поврежденных тканей? Ты это хотел сказать? Знаешь, сколько раз он за нас подставлялся?! Знаешь, откуда мы?! Мы из шестой армии! Мы потеряли шестую и пятую армию! Солдат делать не успевают – дефектными присылают! А ты отказываешь в помощи моему командиру!
- Знаю. Я не могу ничего сделать. Отпусти меня. Убери из медчасти машину.
- Такого отчаяния я не видел даже в глазах разрезанных на куски... Черт.
- Я его тащил сюда, вытягивал из гор трупов!.. Меня теперь спишут! Ты понимаешь? Я смотрел, как “защитники” стреляют в умирающих! Я всю жизнь смотрел на это, как и ты, наверное! Только ты врач! До тебя раньше должно было дойти, что это – не виртуальное поле, где тебя вроде как снова подгрузить могут! Даже нас тупая привычка еще не до конца сделала машинами уничтожения! Я не смог отдать “защитникам” командира, потому что он жив! Ты хочешь, чтобы я смотрел, как он умирает в преддверье восстановительного корпуса?! Ты не можешь отказать в помощи! Не можешь!
- Я опустил “стрелу” и дезактивировал ремни... Подхватил лейтенанта...
- Открой дверь.
- Приказа не было. Доступ...
- Открой дверь!.. Хочешь с себя ответственность снять? Тогда я тебе угрожать буду!.. Открой дверь!..
- Я уже еле на ногах стою... К нам бегут патрульные Скара...
- Стойте! Все в порядке.
- Лейтенант медслужбы открыл дверь – добрые они...
- Заходи.
- Иди вперед.
- Здесь светло – свет режет отекающие глаза... Сектор восстановления... Техника стоит – она почти пустая...
- Сюда. Вот сюда его положи.
- Опираюсь о стену и придерживаю Айнера... Врач его перехватывает, кладет на платформу... подходит андроид... Они снимают с лейтенанта шкуру скингера, шинель... Андроид отдал мне его заряженную портупею.
- Боец, твой командир не выживет.
- Выживет. Всегда выживал.
- Врач уже следит за запуском... По отсеку побежала белая полоса – процесс пошел...

– Все, боец. Пошли.
 Врач взял меня за плечо и выводит из отсека. Андроид остался следить за техникой...
 – Я здесь подожду.
 – Нельзя. Это опасно. Мы тут уже ничего не сделаем. Странно, что твой командир держится еще... Нам таких не привозят.
 – Знаю. Поэтому и не отдал его “защитникам”...
 – Знал бы ты, боец, сколько энергии на твоего командира уйдет.
 – Он того стоит.
 – Надеюсь...
 Врач закрыл отсек...
 – Отсеки пустые...
 – Да.
 Врач отвечает с неохотой... Я не понимаю... У меня что-то в голове зашевелилось...
 – Но... Черт...
 – Боец, ты не должен был сюда приходить... Пойми, что иногда людям невозможно помочь, даже если тебе так не кажется.
 – Нет... Они бы и Айнера застрелили. Сержанты и “защитники” добивают умирающих, чтобы не мучились... А их можно успеть транспортировать и... Они могут выжить. А у вас техника просто стоит...
 – Твой командир сейчас не жив.
 – Я успел... Не говори ничего. Я успел.
 – Я не знаю, почему я это делаю... Это безумие. Он на грани – если не успеть, он умрет, а энергии уйдет...
 – Разве идет в сравнение с жизнью человека какая-то энергия?!
 – Эта энергия – все наши жизни.
 – Мы можем брать ее практически отовсюду! Энергии завались!
 – Ты боец, ты не понимаешь...
 – Что вы все заладили, что я ничего не понимаю? Я вижу...
 – Солдат, чтобы брать энергию тоже требуется энергия. Мы не можем применять, не можем высвобождать ее в таких количествах. Да что я говорю... Снимай защиту.
 – Не могу. Руки плохо двигаются...
 Врач деактивирует мою защиту, она падает на пол... Куртку я тоже снять не могу...
 – Как ты сюда добрался?
 – Ничего. На морозе кровотечение не такое сильное...
 Я не могу больше даже пошевелиться. Боль ужасная... отмороженные руки отходят. Здесь тепло, и я начинаю чувствовать... врач меня придерживает, а я вырубаяюсь...
 Восстановительные отсеки пустые... Техника стоит...

Запись №37 00 00 000 00:00

Так волнуюсь, что не могу больше думать о чем-то другом. Аккуратно потыкал Айнера лапой – не реагирует. Он уже давно так сидит, вытянув на столе руки и положив на них голову.
 – Ты жив, Айнер?
 Кошусь на застывшего у стены “защитника”. Царапаю руку Айнера активнее.
 – Ты там – в киберпространстве, или уже здесь?
 – Кот, ну что ж ты жадный такой – и минуты на сон мне не даешь.
 – Да мне не жалко – я вообще не считаю. Только хотел убедиться, что ты жив.
 – Сейчас убедишься!
 Я выпустил когти, готовясь к обороне...
 – Считаешь, тебе всем без разбору хамить можно?!
 – Да что ты несешь, Кот?!

– Ничего у тебя не получится! Ты не всемогущий! И даже не полностью бессмертный, хоть так и называешься!

– Что на тебя нашло – сезонное кошачье помешательство? Так оно излечимо – ты уж поверь на слово.

Айнер откинулся в кресле, растянув рот. Нет, да как он... Так всегда ведь. Перед невестой я этого точно не потерплю – она только проснулась – спину тянет. Не допущу собственного унижения в ее глазах.

– Знаешь, если D40 не знает, что со всеми этими изменениями делать, то тебе простительно, но вот вытащить музыку из той штуки... Ну, трубки, которую Лесовский взял в Небесном городе – которую ты взял у Герфа в Шаттенберге...

– А ну-ка еще раз...

– Не можешь же!

– Это ты про носитель информации “золотых драконов”? Как я раньше не сообразил!

– Не сообразил.

– Можешь не шипеть – он все равно очищен.

– А вот и нет. Лесовский врал всем бессовестно.

– Кот, ты!.. Что раньше не сказал?! Сколько можно тупить?!

Ну вот, опять ему удалось обернуть все против меня. Он уже достал эту штуку из-за голенища сапога – дает “защитнику”...

– Вскрывай.

– Даже узкоспециализированную информацию с этого носителя придется обрабатывать слишком долго.

– Будем искать дальше, а ты занимайся этой штукой. Крысы уже подыскали более-менее уцелевшую технику... Кот, что сидишь?! D40 так может месяцами все по кусочкам в схемы составлять. На анализ время нужно – у нас его нет. Ищи информацию!

Я пофырчал немного, но невеста не реагирует. Ладно... Крысы собрались кольцом вокруг меня и давят. Они же все к смерти готовятся... монумент возводят...

Запись №38 00 00 000 00:00

16. 04. 205 год Новой Техно-Эры 20:50

Не знаю, сколько времени прошло, не знаю, что из кошмарных видений, которые лезут в голову, было на самом деле. Надо мной осветительная панель – вижу только ее. Белый потолок слегка светится. Что-то болит, но вполне терпимо. Меня знобит от холода, который остался только в памяти. Здесь вроде тепло... Постарался осмотреться, но в глазах все смутно... У окна в хрупком свете спиной ко мне стоит человек в белой форме – зыбкие лучи стирают его, и рассмотреть его я не могу...

– Он жив?..

– Кто именно?

Голос у человека грустный и подавленный... и до боли знакомый... Медбрат... Это Говорухин... Точно... Глаза фокусируются на его засвеченном силуэте, но лица его я не вижу – он так и стоит спиной, не оборачиваясь от окна...

– Лесовский...

Он, наконец, повернулся ко мне... Озноб пробежал по плечам, когда я всмотрелся в его лицо... Я впервые вижу его с таким потухшим тоскливым взглядом, в котором нет ни тени улыбки...

– Жив, Герф...

– А Стикк?

– Норвальд и Стикк в Штраубе, как и Хорн. Вадим мертв, Сорг мертв, Нор исчез... Айнер жив, но выбит из строя – Скара недавно убили... его же офицеры... Вот и все новости... Да, еще я забрал твою крысу – она пока у меня побудет...

– Отдай ее мне – посади на грудь, живое тепло лечит.

– Хорошо.

Долой камень с души! Жив Лесовский, и я жив! Мы с ним еще повоюем! Мы с ним еще горы свернем! И уж обязательно мы с ним из чертовой бездны выберемся! Счастье налетело на меня штормовым шквалом и чуть не сшибло, ударив в голову... Я поспешил подняться... Но все закружилось и застучало... Сердце колотится и... Что-то держит меня, не дает встать...

– А Айнер, да? Жив?

– Твоими стараниями... Трудно нам с ним пришлось...

– Это ему трудно пришлось.

– Ну...

Радость как-то улеглась в голове, а вот пульс подскочил – уж слишком не весел Слава... уж слишком беспросветен его взгляд... Беспокойство начинает травить душу стаей костлявых гончих...

– Слав, с ним не в порядке что-то?..

– С кем?

– С Владом.

– Здесь дело такое... Я почти ничего не знаю...

– Скажи, что знаешь... И не темни.

– Скар убит... Все из-за него.

– Скар? Скийел Скар? Убит?!

– Его расстрелял его же капитан... я ж говорил...

– Его капитан?!

– Да, Герф... У тебя еще с головой такие дела...

– Но как?

– Не знаю.

– И вы ничего не сделали?

– Не могли ничего сделать...

– Нет, не сделали!

– Не могли, Герф... Никого к нему и близко не подпустили... Тишинский лично разобрался – один.

– Не пустили врачей?.. Тишинский разобрался?..

Слава молча кивнул головой, опустив запавшие потемневшие глаза...

– Герф, это темное дело... Дело теней.

– Его убрали? За что?!

– Я и правда ничего не знаю... как и все здесь. Но Айнер...

– Он от вас требует...

– Нет, ничего он ни от кого не требует. Он просто...

– Он что? Что, Слав?

– Он вроде вскрыл данные, закрытые высокой секретностью. Данные Центрального управления DIS...

– Но это...

– До сих пор точно никто ничего не знает... Никто не знает, что он узнал и каким образом сделал это... От него ничего не добились. Он выстоял допросы, доказать никто ничего не смог. Но он теперь под присмотром... И он – злой.

– Слав,пусти... Я к нему должен...

– Он с тобой говорить не будет...

– Со мной – будет.

– Он ни с кем не говорит, только – угрожает... оружием... Мой командир его прикрыл... Написал, что это – последствия тяжелой смерти.

– Только чьей смерти?..

– По документам его – Айнера, а вообще, думаю, что – Скара...

– И я тоже так думаю... Я должен узнать...

– Герф, хоть ты в это дело не суйся... Ничего больше сделать нельзя...

- Но такого быть не должно...
 - Хантэрхайм рушится...
 - Это не только Хантэрхайм – это...
 - Все рушится, Герф... И “белый генерал” летит в Штрауб...
 - Снегов? Он покидает Хантэрхайм?!
 - Совет собирается в Штраубе и требует его безотлагательного присутствия... Мы остаемся одни...
 - Ничего, Штольт...
 - Он погиб, Герф.
 - Штольт?!
 - Скоро погребение...
 - А кто примет командование? Кто встанет во главе северных армий?
 - Его техноклон – он скоро будет запущен, после погребения...
 - Точно! Я же видел его саркофаг... только мне тогда не до него было... Слав, отпусти меня...
- Отключи это...
- Не отпущу. Твое восстановление было ускорено – твое сердце сейчас резкой нагрузки не выдержит. А вообще ты немного пропустил... И про гибель Штольта должен знать больше нас – ты ведь рядом был...
 - Я?
 - Его убили в Анлагене... Ты ж там сражался...
 - Я не видел на ледяных полях Анлагена ничего, кроме замерзших трупов наших бойцов...
 - Да, ужасный бой. Он как раз и начался из-за этого...
 - Из-за гибели Штольта?
 - Ты что не знал?
 - Нет...
 - Но ты ж там...
 - Слав, мы сорвались с места и полетели еще до того, как кто-то что-то объяснил. Я не знаю, что там произошло... Не знаю, что мы там вообще делали...
 - Чжан Лун... Его офицеры расстреляли Штольта, взяли контроль над техникой...
 - Я так и понял, что это его мятежная армия, но...
 - Генерал Лун решил больше не ждать и стереть Ивартэн, не дожидаясь решения Совета и приказа Снегова. Лучевые пушки первого порядка были готовы к запуску с ледяных полей Анлагена... Но Снегов ударил по Анлагену тяжелыми истребителями...
 - И послал на штурм шестую армию Хантэрхайма... И ослаблением обороны воздуха Хантэрхайма воспользовался враг... И Снегов оставил нас без прикрытия в ледяной пустыне, отражая атаку с воздуха... И мы потеряли пятую и шестую армию...
 - Да, Герф.
 - Но откуда Лун взял эти пушки... Их просто нет.
 - Его инженеры постарались... Сделать это оружие не так сложно – только энергии нужно...
 - Постой...
 - Да, Герф, это не так сложно сделать, когда есть знания и нет контроля...
 - А что Лун?
 - Его расстреляли офицеры. Его и его полковых командиров – всех... Всех, кого нашли до того, как... Остальных уничтожил враг.
 - Слав... Слушай... А это не зачистка была?.. Ты как думаешь?..
 - Зачистка?..
 - Снегов... Слушай, ведь уничтожены только его противники...
 - Ты что это, Герф?
 - Слав, отпусти меня... Мне нужно к Айнеру...
 - Герф, ты что?! Какие зачистки?!
 - Он – “белый генерал” – уничтожил их! Их всех! Слав! Он убрал Луна с его мятежными офицерами. Убрал Штольта, который имел силу и волю противостоять ему, с преданными ему

офицерами. Он убрал и офицеров, преданных Тишинскому... Я уверен, что Скар был не один... Верно, Слав?

– Верно, но...

– Он убирает всех, кто способен ограничить его власть!

– Герф... Гибель Штольта и его офицеров – это только ошибки в расчетах...

– Нет, Слав! Машины не ошибаются! Отпусти меня! Отпусти!

– Не рвись ты! Успокойся! Не то вколю тебе...

– Он знал, что Лун расстреляет Штольта, и знал, что он расстреляет Луна! Ему просто нужно было убрать Штольта тихо! И заставить этим Тишинского схорониться в тиши!

– Но зачем ему?..

– Он должен удерживать Хантэрхайм... И он готов приносить ему жертвы...

– Это бессмысленно...

– Нет, Слав... Это ужасно, но не бессмысленно... Он уничтожает все наши силы, которые способны обратиться не только против врага, но и против него...

– Штольт был ему предан...

– Он был слишком силен... Он был более опасен, чем нужно – Снегову и его расчету... Теперь некому препятствовать ему – ни сейчас, ни после... Теперь Совет, система – все его... власть его одного...

– Ты и правда так думаешь?..

– А ты что, не так думаешь? Я видел его... его глаза... Он не... Я не знаю, кто он, но он не...

– Герф, успокойся...

– Нет, не должно быть такого... Не должно быть власти его одного... Я видел его глаза! Он слеп! Но он видит! Только иначе, чем мы! Где Влад?! Где он?!

– Он здесь... в этом корпусе...

– Мне нужно его видеть! Прямо сейчас!

– Нельзя, Герф.

– Но я должен! Должен, Слав! Ты пойми! Мы еще что-то сможем сделать!

– Сейчас ты ничего хорошего точно не сделаешь. Еще идет разбор...

– Разбор?

– Ты ж оружие на нашего сотрудника поднял... Заставил его нарушить порядок...

– Спасая командира!

– Который нам вместо благодарности...

– Хватит этой тупости, Слав! Здесь творится... Только черт знает, что здесь творится! А ты...

Пусти меня. Отключи это.

Айнер ворвался в отсек и сел на край платформы, на которой меня приковали... она мягко качнулась и выровнялась... С этой точки я его хорошо вижу. Слава тихо испарился, оставляя меня с Айнером наедине. Айнер достает из портупеи блоки сахара...

– Держи... Для мозга полезно – чистая энергия. А ты тут зафиксирован... Это Говорухин все шуточки шутит?

– Отключите эти шуточки – большей благодарности мне и не нужно.

– Придется тебе завести нужду в большей благодарности. Разорились на меня внепланово – никогда бы так не стали свою технику ради меня мучить.

Поверить трудно, что он в полном порядке... Хуже нас всех был, а его быстрее нас на ноги поставили. Могут же...

– И все в порядке?..

– Ничего не скажешь, Герф, правда, обычно я на такие вопросы ничего хорошего не отвечаю. Что я для тебя сделать могу?

– Выберите Лесовскому восстановление.

– Не могу – не по моей части. Я спросил, что для *тебя* могу сделать? Тебе ведь, Герф, это очень понадобится.

– Я просто не мог поступить иначе.

Айнер перевел на меня широко открытые светлые глаза...

– Мог, не мог – неважно. Ты сделал. Капитан еще в сознание не пришел...

– А вы, как?

– Скар убит. А ты Герф... Некому тебя теперь прикрыть будет.

– Скар... Позвольте выразить соболезнование. Вы потеряли друга.

– Я сделал все, что мог, но сказать ничего не могу... Тяжело тебе придется... Скар все документы, которые ему под подпись шли, без разбору никогда не подписывал. Не ленился анализ проводить – за всем и всеми следил. А вот теперь будет жестче. Наша морозилка пополнилась – полковник Кальт из Штрауба призван. Он еще не в курсе – будет палку перегибать. Бросили его в самую заваруху. С Боргом говорить без толку – он вообще людей недолюбливает. Как кто-то сбой дает...

– Я под высшую меру подпадаю?

– Точно не известно пока. Но даже вышку по границе обойти можно. С тебя после битвы старые штрафы сняли. А эта ситуация не такая однозначная, чтобы ее разбор не могли отложить. Это уже хорошо. Тебе очень повезло, что вокруг такой бардак был... Я уже все данные просмотрел. Сложный случай, но что-нибудь придумать можно... Только у нас, Герф, на энерголимитах крест стоит – все допустимые нормы израсходовали. Это серьезно. Хреновое у тебя положение.

– Что с врачом будет?

– Думаю, три штрафных пропишут и все. Еще раз так сделает – тогда сразу ликвидация. Ты с ошейником разобрался?

И что сказать?.. А что я еще сказать могу?..

– Нет.

– Давай быстрее соображай. По протоколу получается совсем не то, что у тебя в памяти.

Если бы он знал, что у меня в памяти добра на три вышки хватит... Айнера прямо не узнать... Он вроде как наш сержант Стикк – издевается все время, а вдруг...

– Лейтенант, Ларс Стикк – он жив?

– Что ему будет?

– По спискам – он на грани смерти.

– Уже в Штраубе с пополнением разбирается – новая партия безликих пришла. Тяжело им. Они мысли о шаблонах навевают...

– Мысли о шаблонах нам сейчас многое навевают.

– Ну а я о чем... А это еще одна проблема из того ряда.

– Лейтенант, что вы про свободу думаете?..

Айнер открыл глаза еще шире – у него взгляд, как сканер для мозгов...

– Герф, все хорошо в разумных пределах. Вся задача AVRГ сделать так, чтобы твои желания и добрая воля соответствовали или находились в стабильном компромиссе с расчетами аналитиков. Свобода и добрая воля штука субъективная. Все от твоего восприятия зависит – не идут твои убеждения вразрез с законом, и ты ощущаешь себя свободным, не нарушая правил, – исполняешь долг добровольно. Все мы запрограммированы и всегда такими были. Когда-то нас только природа программировала, а теперь и мы вмешались немного. И расчетчики нам жизнь облегчают.

Унхай что-то подобное говорил, только как-то по-другому у него получилось...

– Несогласие карается – это уже не свобода.

– Герф, ты же не дурак. Что тупишь?

– Это все ограничители сознания, лейтенант.

– Не переусердствуй, а то сразу после восстановления в карцере будешь со спесью бороться. Ограничители сознания тебе думать не мешают.

– Разве это не предохранитель, как на излучателе?..

– В чем-то так... Только работает не настолько примитивно. Мне не нравятся твои мысли, Герф.

– Мне они тоже не нравятся.

– Ничто не разъединяет так, как свобода и ничто не объединяет так, как борьба за нее. Опасная штука. Свобода – это когда каждый делает что надумает, а поскольку сознание у нас не

коллективное, каждый надумает что-то свое. Будет бардак. Мы не можем жить без сложной организации, а ее может поддерживать только порядок. Следовательно, мы не можем жить без порядка, а без ограничений свободы порядка не будет. Законы тоже не из ниоткуда берутся (по крайней мере, законы AVRГ). Все должно уравниваться. В одиночку в таких условиях не выжить. И все, что с землей случилось – случилось как раз из-за беспорядков в головах людей и их организации. Каждый тогда хотел чего-то своего, и планету просто по кусочкам разорвали.

– Есть другие варианты.

– Теоретически. Но в любом социуме есть законы, ограничения. И всегда приходится применять насилие в той или иной степени, чтобы наводить порядок удобный для большинства – порядок, благодаря которому социум и не разваливается, то есть выживает. Мы свели такое насилие к минимуму, рассчитав систему управления. Видишь, без сбоев не обходится, все иногда болеет и AVRГ тоже. И к чему это приводит... Законы AVRГ не сложные, и исполнять их не сложно. Не понимаю, почему у тебя такие проблемы. При всей твоей тяге к правилам...

– Наверное потому, что я – человек.

– И то правда... Только ты не думай, что ты один во всем мире – человек. S9 тоже люди...

Лейтенант похоже уходит не собирается... Он опустил голову и разглаживает на остром колене перчатки. На нем снова новая шинель – хорошо он форму меняет... Прежняя выгорела и оплавилась... Страшно подумать, что лейтенанта постигла та же участь...

– А ты, Герф, все-таки поймал осколок под лопатку – жди теперь, когда клинить начнет.

– Позвоночник не поврежден.

– Повезло...

Лейтенант засунул идеально разглаженные перчатки за ремень и перевел на меня взгляд.

– “Спутника” на переработку забрали...

– Вашего старого?..

– Уверен, что повреждения были исправимы, только возиться не захотели. Не проследишь за всем и...

Странный он сегодня... Надеюсь, его мозг не поврежден...

– Вам должны выдать нового усовершенствованного.

– Выдали. Только они становятся все умней и умней, все ненадежней и ненадежней.

– Они такие же, как “защитники”?

Глаза Айнера открылись еще шире – что-то в его взгляде наталкивает на мысли о равнинах Хантэрхайма...

– Не говори никому про “защитников”. Понял?

– Да, лейтенант.

– “Спутники” не такие – все не такие. С “защитниками” люди даже долго рядом находиться не могут.

– Почему?

– Когда придется – поймешь. Они все насквозь видят, все знают, все рассчитывают. Они слишком хороши для нас.

Он так про них говорит, как мы про офицеров... Слышу, как дверь открывается... Говорухин вернулся. Может, отключит, наконец, эту привязь...

– Лейтенант.

– Холодно – завари кофе.

– Сейчас будет. Как восстановление прошло?.. Хреново?

– Не хамя, Говорухин.

Грусть в широко открытых глазах Айнера вытесняет ядовитая ехидность...

– Я и не думал...

– Черт... у меня сапоги не начищены... Мне пора “спутника” для такой работы отписать.

– А вы тогда что делать будете – думать, чем время занимать? И вообще, для медперсонала плохая шутка – звать кого-то живого и здорового в свою компанию.

– Что-то ты позволяешь себе больше, нежели нужно...

– Заговорился я что-то.

– Это точно. Говорухин, да отключи ты эту штуку.

– Хорошо. Тогда, Герф, не дергайся, пока не отпущу.

Фиксаторы дезактивировались, наконец... Медбрат сразу сунул мне кружку горячего горького кофе – очень горького. Лейтенант тоже различил новый аромат... вперился взглядом в довольного медбрата...

– Кого-то спас?

– Нет.

– Кого-то убил?

– Нет.

Глаза медбрата смеются и светятся на серьезном лице...

– Будешь по форме отвечать?.. Откуда ты это взял?

– Полковник наш на прощание побаловал.

– Из Штрауба значит... Хорошо вы в нем жили...

Я не понял в чем дело. Присматриваюсь к черной жидкости – глубокий цвет, струится пар... Не похоже на отраву. Лейтенант пьет... Говорухин тоже над чашкой зависает...

– Герф, ты что думаешь?..

Медбрат удивился, а лейтенант скривил рот в улыбке...

– Он не знает, что это за штука – настоящий кофе.

– Герф, не знаешь?.. Отдай чашку!

Они меня раздражать стали...

– Да что это значит?

– Объясни ему, Говорухин. У него чувства юмора нет. Подумает сейчас, что отрава...

Лейтенант всегда знает, о чем я думаю. Медбрат присел на краешек стола... Он так всегда садится – прямо сейчас вскочит и дальше побежит...

– Это Герф *настоящий* кофе.

Они оба на меня смотрят – реакции ждут... Не дождутся – обычный кофе.

– Теперь понял?

– Нет, лейтенант, только пахнет как-то странно.

– Этот запах не для всех. Вымершее с концами растение так и не адаптировали – выращивают в особых условиях на границах Небесного города...

Пусть я особой разницы с суррогатом не улавливаю, ничего... это еще ничего... По мне и заменитель неплохой, но сейчас... сейчас так тепло и спокойно... Если бы еще Влад был бы в порядке, я был бы счастлив. Только это, наверное, в последний раз...

Айнер греет на чашке руки, медбрат улыбается этой черной жидкости (улыбается только взглядом и улыбается только чашке кофе, в которую смотрит). Я тоже стал изучать растеки пенки от колебаний руки... Даже начал забывать, что и в этом светлом месте есть черные дыры... и что меня арестуют, как только проверят мои записи – мою память, которая не принадлежит мне из-за моей же тупости...

Айнер резко поднялся... Вижу, что ему не хочется уходить.

– Покидаете нас, лейтенант?

– К тебе еще загляну, Говорухин. А ты, Герф, давай быстрее приводи себя в порядок. Ночью похороны главнокомандующего.

Лейтенант ушел очень быстро – так же быстро и неожиданно, как пришел. На платформе так и остались блоки сахара.

– Откуда Айнер его только берет?

– У него нюх на сахар. Все, я пойду...

– Герф...

– Увидимся.

Я убью всех медработников, если они не постараются Лесовского вытянуть...

Запись №39 00 00 000 00:00

16. 04. 205 год Новой Техно-Эры 23:00

Сиюю жду в преддверье восстановительного корпуса – дальше меня не пускают. Об отбое никто и не думает. Муравейник разворошили. Мало того, что уже насмотрелся на то, что снится нашим врачам-мученикам каждую ночь, – безликие просто повсюду. Руки цепенеют от осознания, скольких людей забрал этот обглоданный ветром кусок ледника... Очень наглядно – видеть только одно лицо на всех... На меня это тоже давит, потому что я начинаю все переносить на себя, и мне начинает казаться, что я такой же шаблон, как и они. Хотя они личности, которые так похожи по поведению только из-за тяжело сложившихся обстоятельств. И им действительно очень тяжело, хоть они и стабильные, устойчивые люди, – они не такие, как мы, – не такие из-за мелочи, которая оказалась более значимой, чем что-то гораздо глубже. Они красивые люди с осмысленными взглядами, но они не отличаются друг от друга... как андройды. Я не знаю их имен, потому что даже не могу отличить их друг от друга. Все они шаблоны, по крайней мере внешне. Прекрасно понимаю, каково им сейчас в этой холодной пустоте, в которую их выкинули даже недоделав толком... Не знаю, как их потом доделывать будут и будут ли вообще. Мне это кажется жестоким... Хотя чего ждать?.. Сейчас не идут в счет такие мелочи, и всем это ясно. Мы должны дотянуть до победы. И мы должны постоянно бороться с собой, чтобы не стать такими внутри. Должны помнить, что потом – после войны, все встанет на места. Не должны забывать, чтобы не дать собой.

Неделя как я здесь, а Хантэрхайм уже признал во мне “своего” – давит всей непомерной тяжестью своих ледяных массивов. Я чувствую, как он изматывает меня, забирает силы... И я чувствую, что у этого тоже есть свой предел. Когда ты приходишь до определенного состояния, уже не так холодно и свет не так режет глаза... На этой грани можно простоять довольно долго, но за ней только смерть. Хантэрхайм действительно гонит, но не отпускает. И снова призывает возвращаться тех, кто его покидает, – возвращаться в мыслях – постоянно. Не знаю в чем тут дело, но пока он не сломает тебя – ты не сможешь уйти, а если сломает, ты труп. Хантэрхайм невозможно подчинить – мы можем только сопротивляться его воле всю свою бесконечную жизнь. Может, здесь нас удерживает то же, что заставляло взбираться на самые неприступные вершины, или улетать все дальше в космическое пространство?..

Передо мной остановился доктор, которому за час я уже так глаза выел, как за неделю.

– Герфрид, тебе нечего ждать.

– Я так не думаю.

– Можешь сидеть здесь, конечно, пока не отзовут. Через час ты официально снят с восстановления – снова в строю.

– Это через час, а сейчас, может быть, все-таки впустите меня?

– У тебя нет доступа.

– После похорон главкома нами заткнут дыры в обороне, а их не мало. Понимаете, что это значит?

– Уходи, Герфрид. Не то тебя проводят.

– Пока я тут тихо сижу, еще час никто не имеет права меня отсюда выставить.

– И чего ты хочешь? Боль пройдет через неделю.

– Лесовский... Как он?

Доктор смотрит информацию с браслета...

– Жив... Пока еще жив...

– Что значит, пока?!

Перехватил его руку, чтобы увидеть, что на браслете, а он только того и ждал! Андройд меня выпроваживает... Ничего, завтра утром время найдется.

– Они меня пропустят!

Не смотря в темные окна, бреду по светлому коридору – пусто. Не включая свет сажусь на пол посреди своего голодного крысятника – я один. В спину уже бьют прожекторы – оставляя световую дорожку на полу, за окном уже полыхают башни Хантэрхайма. Над городом расходятся прозрачные мосты... скоро спустят траурные знамена и поднимут штандарты... От этого только

коротко передернуло ознобом... Здесь каждую ночь опускают знамена – они не видны в темноте, только нашей скорбью по ним сползают золотые драконы, слетают орлы. Как ночной кошмар... Стоишь над вершинами башен на мосту, обрывающемся в ледяную пропасть, и видишь, как свет забирает погибших – и жизнь, и смерть, и память... Наша братская могила – и генералов, и бойцов. А что останется, когда погибнут те, кто нас помнит? Здесь – только безликие имена, среди которых ты уже почти видишь и свое – имена перед которыми ты даже не успеваешь остановиться. В Штраубе были песни, были предания и истории... Здесь – героический эпос и смерть. Как же Стикк был прав. Не прав ли он во всем остальном?

Разогнал крыс... Пошел искать лейтенанта, мне нужен допуск в этот блок – может, он мне его выбьет... Я не могу нащупать его мысли среди сотен других... Поздно. В медчасть меня снова не пустили – узнал только, что командир принялся за работу слишком рано. Злоба нарастает – Лесовский в тяжелом состоянии, Стикк с осложнениями в Штраубе. Почему я его тогда послал?! Долго до меня доходит! Упорства хоть отбавляй, но когда уже никому не нужно!..

Ждем новых боев в этой морозилке! Ждем в каком-то механическом отупении! Но я знаю, что опустошение не может длиться вечно, как и моя вечная жизнь, которая оборвется, и возможно очень скоро. Люди здесь становятся осколками льдов Хантэрхайма, которые всегда на грани раскола. Только это избавляет меня от гнета мыслей, что сейчас мог бы быть далеко отсюда – уже лететь в Ясный... Что было бы дальше я не знаю. Но тогда бы не было ничего этого! Когда ветром в голову бьет – все зависит только от нас – тогда ты живой. Я думаю так только от бессильной злобы, от отчаянья. Я никогда не смогу этого сделать. Не смогу уйти с поля боя, когда на кону столько жизней... не смогу уйти, хоть я и не знаю, приговорят меня сегодня или завтра.

Кто прав?! Как сделать выбор!? Или за меня выбирает кто-то другой? У меня нет выбора? А то, что у меня нет выбора – не есть ли это – мой выбор? Долг призывает – сбор... Поднимаемся на мост, выходя в безветрие...

Запись №40 00 00 000 00:00

17. 04. 205 год Новой Техно-Эры 09:10

Ночь что-то изменила. Я впервые *увидел* Хантэрхайм. Больше об этом сказать ничего нельзя. Ничего подобного нет, никогда не было и никогда не будет. С трудом напоминаю себе, что Штольт не поднялся из мертвых, что это техноклон – имитация, но... Я понимаю, что дыры в обороне закрывают с натягом, используя все резервы, и она держится только на расчетах Центрального мозга. Но несмотря ни на что, эта ночь объединила огромную силу. Она не только показала нам эту силу – позволила осознать ее. Нет больше сомнений, и нет ничего сильнее этого – ничего, что способно это разрушить. Генералам Совета нужно время – мы дадим им время. “Защитники” склонили головы перед решением Снегова – я делаю то же. Должен сказать об этом Лесовскому – возможно теперь он перестанет мозги мучить.

У меня есть немного времени, и пусть меня только попробуют не пустить... Капитан в Штраубе... Не думал, что это так серьезно отразится на нас. Норвальд человек... заботливый что ли?.. Его влияние было незаметно, пока на смену не пришел Айнер. Айнер – этим все сказано. S9 не должны быть ни капитанами, ни лейтенантами – они для этого не приспособлены. Они командуют на другом уровне – рассматривают более глобальные цели. Айнер на мелочи особого внимания не обращает, а только на них строится наша жизнь, для осуществления более серьезных задач. Оказывается можно перестать ощущать себя человеком за пару часов – стать машинками на схемах, действия которых оптимизированы до предела. И никаких поблажек, и никаких сбоев. Оказалось, что и наше обеспечение полностью зависело от стараний капитана. Наши интенданты – андройды. Они добросовестно делают то, что нужно – не больше, не меньше. Лейтенант контролирует их так же. Еще раз убедился в старой как мир истине что оценить что-то мы можем только потеряв. В случае с капитаном это временно, что меня искренне радует. Но это, конечно, мелочи...

В восстановительный корпус мне снова доступ не дают... Пошел искать врачей... В коридоре много людей и андроидов... Теперь все ясно – ястреб Лесовского все-таки устроил лекторий. Врачи в его программе разобрались лучше, чем в моей, – она ограничена, главное вопросы правильно ставить. А я...

Вчерашний доктор увидел меня издали – посерьезнел...

– Герфрид, лучше не начинай.

– Я прошу вас, впустите меня.

Похоже, все киберобъекты разбежались... Здесь их не дезактивируют, но ястребу без поддержки не долго бродить осталось – скоро исчезнет не оставив и следа, пока в нем снова не возникнет нужда, пока кто-то не вспомнит о нем. Бывают люди, которые живут дольше бессмертных – пусть и в киберпространстве... А вот и Говорухин – сник что-то. Не нравится мне это...

– Герф, пойдём...

Он отвел меня в сторону...

– Сразу говори.

– Погиб Лесовский...

– Погиб! Самое подходящее слово! Погиб на ваших руках! Что вы сделали?! Что?!

– Герф...

– Все что могли?!

Я теряю контроль, от ярости, застилающей глаза, – вижу только бледнеющего Говорухина, и это доказывает их виновность...

– Да, Герф... Все что смогли...

– Пусти меня к нему хоть на минуту.

– Не могу.

– Что с ним?

– Да ничего...

– Я спросил, что с ним?!

– Площадь ожогов большая.

– Не было ожогов!

– Он облучился. Герф, ты послушай...

– Что слушать?! Ваша восстановительная техника стоит! Стоит, Говорухин!

– Герф, это другое... Ты в этих вещах не разбираешься. Он должен был пройти курс нейтрализаторов... Частичное восстановление провели, но ткани постоянно менялись... Сначала нужно было остановить этот процесс...

– Ты много говоришь, Говорухин, как и все вы! И ничего не делаешь!

– Не все возможно, Герф...

Мозг объекта ударил мое сознание запрещенным приемом, но мне это не помогло. После тисков воли “защитников” – меня больше ничто не проймет.

– А ты, объект, вообще заткнись! Выжгу твои анализаторы, если сами не выгорят, когда ты откроешь ворота! Я хочу его видеть!

Поворачиваюсь к теням, остановившимся за спиной – уже пришли.

– Тени Скара! Вы действительно тени – вас и нет вовсе! Только кто теперь ваш командир?! Не тот ли, который бросает вас на пол сегодня и разгонит по углам завтра?!

За бойцами DIS расплылся безукоризненной белизной полковник медслужбы... Его светлый взгляд лучится добротой, а на лице застыло выражение серьезного уравновешенного человека!

– Успокойте его, сержант.

Сержант “теней” держит меня на прицеле – даже не обернулся к врачу...

– А вы что, не можете ему транквилизатор вколоть? Или от вида оружия забываете – кто вы? Вот он ничего не боится. Пусть говорит...

Что они делают?! Готов кричать, чтобы они меня заткнули, но не могу. Этот сержант сорвал последний экран, установленный у меня в голове!.. Так и не могу разжать руки на плечах Говорухина, как не пытаюсь его отпустить – пальцы только сжимаются до хруста в суставах...

– Айнер был мертв! Вы говорили, что он мертв! И вы поставили его на ноги за какой-то час! А Лесовский был жив! Это все из-за долбанной энергии, которую только на высший состав тратить не жалко?!

Говорухину, как будто осколок резанул по горлу – молчит, как покойник... Я ору, схватив его за плечи, и не могу остановиться, а он молчит!

– Проведите восстановление!

– Этого не будет, Герффрид, он мертв. Сейчас его расщепят. Сдай оружие.

Полковник подзывает другого врача с заряженным шприцем, но тот только разводит руки... Безнаказанность рвет меня на куски...

– Я хочу увидеть, что вы для него сделали! Что вы можете сделать для человека, который получил раны тяжелее царапин! С простым бойцом, который отмораживается на ледниках, и ждет, когда его сожгут *их* пушки! Пушки тех, кого создали наши генералы, чтобы убивать людей – таких же, как мы! Теперь они убивают нас, потому что мы люди – такие же люди, как и те, кого они должны были уничтожить! Мы сами с собой воюем! Сами себя же убиваем! Сами отказываем себе в помощи! Сами себя надежды лишаем! Зачем нам все это?!

– Герффрид, в этом есть доля смысла, но... Успокойся. Я тебе все объясню.

Я отпустил медбрата, который скользнул по стене на пол, и повернулся к их полковнику...

– Я просто хочу увидеть, что вы для Лесовского сделали! Для такого же человека, как и все вы! Мы даже на помощь рассчитывать не можем, когда вся система только и существует, чтобы мы – жили?! Зачем нам сражаться за ваши жизни, если мы не можем рассчитывать на то, что вы исполните свой долг, как и мы?! Зачем верить командирам, если они пускают нас в расход! Зачем стремиться к такому будущему?!

– Герффрид, это кризис осознания бессмертности во времени и смертности от воздействия внешних факторов. Мы сражаемся за жизнь, Герффрид, – потому что мы не абсолютно бессмертны. Мы все равно погибаем на этой войне. Твой друг пал в бою – это доблестная смерть.

– Мы умираем тысячами – никуда не погрешь! Смерть бойца – смерть от врага! Но почему *живых* убивают наши “защитники”?! Вы все – не палачи, не каратели, а убийцы!

– Герффрид, ты не понимаешь, что говоришь. Считай, что сейчас у нас нет тяжелой восстановительной техники.

– Но она есть!

– Сейчас ее использование лишит нас будущего.

– Какое у нас будущее, если мы погибаем от того, что ее не применяют?!

– Люди погибают не из-за этого, Герффрид... Может быть, у многих могло бы появиться будущее, но очень ненадолго. Только это ненадолго относилось бы ко всем. Ты даже не представляешь, как быстро мы можем все разрушить, как уже разрушали.

– Просто новых бойцов создать дешевле! Да что там – наштамповать безликих, заложить программу памяти, а больше и не надо ничего! Это даже удобнее, потому что они успеют погибнуть еще до того, как начнут думать! S12 составить не так просто. Их интеллект, личные данные имеют большую ценность для AVRГ, чем наши. Их восстанавливают несмотря ни на что!

– Людей из категории S12 очень мало... Без них война будет проиграна за несколько часов, без них мы будем...

– Для них мы аморфная биомасса, кипящая в котле, из которого можно вычерпывать ее ложками, и расплескивать в пустоте! Они думают, что даже если на дне котла что-то и останется – это будет наше благо, потому что там останется такая же биомасса, как и мы – вещество с таким же составом! И разницы не будет! Не будет, потому что мы действительно это однородная биомасса! Мы так себя и воспринимаем, хотя у нас есть и личность, и индивидуальность и самосознание! Для вас нормально, что сержанты добивают тех, кого могут восстановить?! Как вы терпите это?! Вы врачи – вы должны спасать людей, не отказывая в помощи!

– Герффрид, мы люди – не разделяй нас. Только вместе мы можем остаться людьми, и удержать землю от уничтожения под нашими руками. И не только землю – в нашей солнечной системе когда-то было больше планет...

– На кой черт нам какой-то планетоид, если мы погибаем так тупо?!

– Ты не слушаешь. Восстановить человека с тяжелыми повреждениями сложнее, чем составить нового. Как сложнее собрать осколки зеркала и составить из них единое целое – не склеить, оставив швы, а собрать в целое, – чем отлить новое. На это уходит очень много энергии – мы не можем применять ее в таких количествах. Это отражается на всем нашем мире, Герфрид. Мы не способны помочь кому-то такими средствами – это скажется на всех нас, и не только в далеком будущем. У всего, что мы делаем, есть последствия. Осознай масштабы. Прими такую смерть, как смерть в бою.

Это ужасное бессилие!..

– Откройте дверь! Просто откройте дверь!

Я довольно грубо швырнул первого попавшегося врача к двери... Что я делаю?! Объект уже доложил на пост, запросил отряд быстрого реагирования. Сейчас считанные секунды, и “защитники” службы внутренней безопасности будут здесь, потому что патрульные просто стоят вокруг меня, как и наши штурмовики... Я не заметил откуда и когда они явились... Айнер оттесняет врачей – его уже замкнуло...

– Какого хрена!..

Врач успокаивающе поднял руку...

– Все в порядке. Я ему все объясню.

– Объясните, полковник? Не думаю, что он слова понимает!

Сержант DIS преградил Айнеру путь дулом излучателя...

– Бойцы внутренних войск свои дадут! Позор! Пустили командира луч в спину, и этого вам мало?! А расстрел на месте! Забыли?! Опустить оружие!

Врачи рассыпались по коридору... Бойцы внутренних войск, держащие под прицелом меня, навелись на Айнера. Ледяной воздух готов расколоться под вспышками света... Айнер сорвал с плечей излучателя. Сейчас невозможно не заметить, что он – S9.

– Огонь на поражение! Три секунды! Оружие на пол! На колени! Сказал на поражение!..

Я бросил на пол излучатель. Айнер сказал – сделает. Всех перебьет и сделает это первым, хоть и под прицелом... Запрещенные приемы хлещут сознание, люди бросают оружие... От злости я принял два коротких удара, не закрываясь... Оперся о стену, выплевывая кровь... Воля “защитников” зажимает сознание... Жесткая рука лейтенанта впиалась в мое предплечье... Я чувствую, как в голове мутится от... Захват усилился...

– Иди за мной, Герф. Быстро!

Айнер потащил меня на выход. “Защитники” его остановили.

– Отпустите бойца – он под контролем.

– Мы заберем его, S9.

– Беру его под свою ответственность до начала следствия.

– Имеешь право, S9.

Как будто невидимая рука разжала кулак – отпустила сознание. “Защитники” отпустили меня... Теперь под их всевидящими взглядами бледнеют на глазах люди из отдела внутренней безопасности – они только сжимают губы в еле различимую полосу... У них крепкие нервы. Меня бьет озноб... Лейтенант вышвырнул меня из корпуса медчасти в пустой полутемный проходной тоннель...

– Айнер!..

– И не думай сопротивляться! Для тебя стараюсь!

– Ваша благодарность?!

– Да, Герф! На допросе следователям работы поубавится!

Он со всей силы ударил меня о стену... Я собрался, заблокировался – рассчитываю движение, но... не могу поднять руку на офицера. Мне не хватает воли, чтобы поднять руку на нашего офицера! Это пугает меня, из-за чего я теряю координацию... Айнер уже держит мое плечо, срывает с меня заряженную портупею... Я разоружен. Я не могу этого до конца осознать – я разоружен...

– Идиот! Нашел, кого обвинять, – врачей! Ты тупой, Герф! Тупой! Нашел когда смуту поднимать! Ты понимаешь, с каким трудом и со сколькими жертвами здесь порядок навели?!

Понимаешь!? Хантэрхайм готов взорваться в любой момент, а ты!.. Вздумал права качать, личные интересы отстаивать, смуту поднимать!

– Личные?! Интересы всех *нас*?!

– Личные, Герф! Ты не видишь ничего дальше своего носа!

– Как и вы, Айнер!

– У меня точка фокусировки дальше!..

– Вы – S9, Айнер, а я – человек! Хоть вы и не стабильный, вы не знаете, что такое сострадание, что такое боль, отчаяние!

Айнер со всего маха долбанул меня о стену...

– Знаю! Не хамя – отдам карателям без лишних травм. Пожалеешь еще! Сказал, у меня фокусная точка дальше! Я знаю, что это, – только в другом масштабе, не сосредоточенном на мне и нескольких людях, Герф!

– Я хоть пытаюсь что-то сделать!

– Нихрена ты не сделаешь.

– Вы живы, лейтенант!

– Считай, – случайность из-за неразберихи, в которую мне повезло угодить, но – не система, Герф. Этому не позволят стать системой, как не позволят тебе запустить лучевую пушку первого порядка, как бы ты к ней не рвался. Не провоцируй беспорядки – это опасно!

– Для кого опасно?! Не для нас ли?..

– Для вас! Ничего этим не получишь, потому что все, кто смуту затевает, дальше своего носа не видят!

– А что там видеть?! Там ничего нет!

– Нет, и не будет, если не смотреть и не видеть! Да мы воюем, чтобы хоть кто-то выжить смог!

Рядом стоит гордый “защитник”...

– S9...

– Это мой человек, и мозги ему я вправляю.

– Он арестован.

– Мы еще не закончили. Бери память и разбирайся. Из сектора я его не отпущу! Не допущу, чтобы моих людей без разбору косили.

– У тебя за твоих людей второй выговор за неделю.

– Будто я не знаю. Но я создан полковником, и, рано или поздно, получу полк!

– Я должен остаться с ним.

– Хорошо – подожди там.

Агрессия резко спала, как тяжелое покрывало. Это тупое отчаяние и приятие необратимости... Айнер меня под свою ответственность берет... Я еще не понимаю... Скоро меня казнят...

– Герф, ты сейчас отдашь ему память, и он передаст ее в часть DIS. “Защитник” останется с тобой. А когда они там разберутся с твоей памятью, когда все проанализируют...

– Я знаю.

– Шанс всегда есть, но если это дальше пойдет...

– Я знаю. Я смогу Лесовского увидеть?

– Нет.

Не успел закрыться, и получил под дых...

– Лейтенант!..

– S9, оставь арестованного. До окончания следствия и вынесения приговора он имеет права. Агрессивные действия с его стороны пресечены, и ты не имеешь права ликвидировать его до вынесения приговора.

“Защитник” светит нам холодными глазами...

– Герф, не важно хочешь ты, чтобы было лучше (в твоих представлениях) или нет. Важно, что получится и как оно будет достигнуто. Иногда локальное милосердие становится глобальной жестокостью. Что лучше? Нам мозги для того и делают, чтобы мы понимали что к чему.

– Убитый солдат – не умирающий, вокруг которого бездейственно стоят врачи способные оживлять мертвых!

– Никто у нас мертвых не оживляет! Даже с Штольта техноклон сделали. Знаешь, сколько людей здесь погибает?

– Я говорю про Влада.

– Он такой же солдат, как и все. Если мыслить так, то будет хаос. Выпадаешь из системы – ты опасен для всех. Тебя ликвидируют. Понял?

– Вы бы говорили мне все это, если бы я не вытащил вас с полей Анлагена, лейтенант?..

Я все еще пытаюсь отдышаться, но...

– Нет.

– Прямой вы человек, лейтенант...

На пол закапала кровь... Запрокидываю голову и кладу ладонь на сломанный нос...

– Я человек, Герф. Я лично тебе благодарен, но ты не должен был этого делать, как не должен был провоцировать людей на грани сбоя. Действуй осмысленно. Ты не только себя подставил.

– Я солдат, Айнер. Не подставляясь, цель не снимешь.

– Ты понимаешь, что я тебе говорю?.. В системе нет неучтенных исключений. Для всех будут исключения делать – порядку конец.

– Я просто хочу его увидеть – Лесовского.

– Нет в Хантэрхайме слова – хочу. Знаешь, сколько таких, как ты, как Лесовский, мы потеряли? Я всех помню, Герф. Помню, но не больше. Многие погибают – постоянно, но они дают возможность жить другим. Мы, Герф, не только за свою жизнь воюем, не только за жизни друзей... Понял?

– Да...

– Что да?! Понял?!

– Понял, лейтенант.

– Нахрена ты нарываешься?!

“Защитник” меня закрыл...

– S9, прекрати это. Остановись. Объект доложил. Полковник Борг подписал выговор и распоряжение...

– Отойди. Будет Боргу порядок.

– Офицеры AVRГ не используют методы физического насилия. Командование не одобряет такие методы, S9.

Лейтенант снимает перчатки... Я просто стою перед ним и готовлюсь к новому выпаду...

– Я больше ничего для тебя сделать не могу, Герф. Жаль, что ты соображаешь так медленно.

Лейтенант с укоризной смотрит на меня широко открытыми глазами... В его глазах уже отражается синий свет, бегущий по потолкам... Вот так все глупо закончилось, не успев и начаться толком. В горле ком... Только сейчас в полной мере осознал, как все идиотские обстоятельства сложились... Лесовский мертв – совсем, бесповоротно... а я его догоняю...

На схемах сборные пункты, но меня на них нет... Я говорил то, что думал... Надо было раньше думать... Я ничего не понимаю...

Мы с Айнером так и стоим друг против друга в пустом коридоре, заливаемом синим светом – между нами “защитник”...

– Герф, если до этого дойдет... Помни – они там не садисты – луч в висок и все. Не пытайся натворить еще глупостей.

– Лучше уж сразу. Чего ждать?

– Всегда есть чего ждать. Радуйся, что тебя в медчасти к стенке не поставили. Нам просто людей катастрофически не хватает...

Айнер уходит вглубь тоннеля... Я остался с “защитником”, который кажется еще холоднее в синем свете воздушной тревоги... Вскипает холодная кровь Хантэрхайма. Я остался без оружия... Я не знаю... Я ничего не знаю теперь, ни в чем теперь не уверен. Стало совсем не по себе...

– Иди за мной, боец. Ты под контролем.

– Я знаю.

– Тебя не ликвидируют до анализа твоей памяти.

Меня озноб пробил... У меня нет оружия... Я так беспомощно себя чувствую без оружия, как калека, как слепой, как... С трудом заставил себя выпрямиться и пошел за андроидом... Он ведет меня в наш сектор, какими-то окольными путями...

Я уже вижу тяжелые двери карцера... “Защитник” остановился, прижал меня к стене, и вправил сломанный нос...а кровь все идет... Он снял “шнур”, стягивающий за спиной мои руки, и разомкнул дверь...

– Иди.

Я шагнул в темноту...

Запись №41 00 00 000 00:00

17. 04. 205 год Новой Техно-Эры 21:00

Сижу на полу карцера... Сюда не проходит ни отблеска синего света, который то гаснет, то вспыхивает снова. Здесь ничего не видно и не слышно... Мне так и не дали увидеть Влада... Верно, не так плохо, что завтра утром меня расстреляют. Я бы сделал это и без помощи карателей, но я безоружен. Я здесь совсем один – в этой тьме, в этой тиши... В глазах застыли слезы – это конец всему... и моей короткой вечной жизни. Не так уж и трудно осознать это здесь, когда я совсем один. Здесь зверски холодно, но я не стараюсь отстраниться от стены – меня и воспаление легких не тревожит. Удары сердца оглушают... Удары сердца... Я слышу их – частые удары у моего сердца... Я засунул руку и вытащил Сашку... Криво улыбнулся крысе – все же я не один...

– Сашка, если бы ты видел вересковые пустоши Валсхайма... как мы с Владом бродили там целыми сутками, и далекие скалы, и чистое небо над головой... Ничего ты не знаешь. Ты не знаешь, как больно потерять такого друга... А как мы с ним заезжали руггеров в Штраубе, в его подземельях... Ничего ты не знаешь... ты провел всю короткую жизнь здесь в ледяных пустынях...

Сашка нахохлился у меня в руках – замерз, как и я. Я его обратно за ворот куртки запихнул – пусть греет сердце... как воспоминания о нас с Владом. Мы все делали вместе, как с конвейера сошли... Мы же с одного конвейера сошли – и сразу подружились... А меня к нему хоть попрощаться не пустили... и теперь я здесь... А что теперь Сашке делать?.. Надеюсь, он успеет укрыться от карателей DIS, когда меня поведут на расстрел...

Я стер справочник Влада – это горькое воспоминание, оно меня душит... к тому же мне не хочется делать что-то для людей, для всех них, которых я теперь не выношу. Раньше я все ради них и делал, а теперь... Ко мне в карцер зашел “защитник”, ослепив меня ярким светом открытой двери... Будет следить, чтобы я не покончил с жизнью до рассвета...

Хоть “защитник” рядом – кажется, что нет больше никого живого – нигде нет... Андроид застыл, отключив защитное поле – в глухой тьме блекло тлеют только его холодные глаза, подсвечивая часть неживого лица-маски. D40 такой чуждый нам – он, как будто, там – вовне за стеной, там где вспыхивает и гаснет синий свет... Когда сигнал тревоги замолкает, слышу, как бьется сердце... с каждым часом все медленнее – привыкаю к андроиду, который доведет меня до конца, до предрассветного приговора. Не так давно сердце колотилось не медленнее, чем у этой крысы, а сейчас удары все реже.

Карцеры крайние помещения – от заиндевевшей стены веет стужей. Тьма и холод – все, что нужно для осмысления виновности. А тишина... в ней я начал различать еле слышные звуки. Угол здания разбивает протяжными стонами порывы ветра. Там – за стеной, бушует буря – иглы снега блуждают в лучах прожекторов разведчиков. Ветер рыщет среди наземных построек, поднимая колючую пургу. В этих вихрях снег поднимается с ледников – ветер воскрешает павших воинов. Его вой иногда сливается с сигналом тревоги... Я все время жду тревоги – и днем, и ночью... жду сбора... Даже сейчас жду, когда меня призовут, хоть и понимаю, что этого не случится. Теперь прислушиваюсь к шагам в коридоре – жду... А ураган все бьется о стены – Хантэрхайм и его поймал – теперь не отпустит. Почти как воздушная тревога... Да так и есть... Только тревоги чего-то очень далекого от нас, чего-то, чему принадлежит этот ветер. Вот он – север во всей красе. Я

никогда в жизни еще не ощущал себя так одиноко. “Защитник” только усугубляет это давящее ощущение – холодный электронный мозг, заключенный в холодный металл. От того, что рядом кто-то живой, пусть и крыса, как-то легче, но когда вспомнишь их серьезную беготню из угла в угол... Уж очень они на нас похожи. Глядя на этих маленьких тварей понимаешь, как хрупки и наши жизни, брошенные на льды Хантэрхайма. Только мы и с этим свыкаемся. Вот сейчас до меня еще не до конца дошло, что меня ожидает не смерть в киберпространстве, которая уже знакома, с которой я свыкся.

Как Влад был прав – мы тупо воспринимаем все как данность. Мы тупо воспринимаем данность... Привыкаем ко всему – к жизни, смерти – нашей и чужой... Уничтожаем друг друга сотнями способов, пытаясь выжить... А стоит это того?.. За тяжелой дверью снова разгорается синий свет – не вижу, слышу отголоски сигнала тревоги. Здесь – в Хантэрхайме, мы вообще ничего не видим или из-за света, или из-за темноты...

У меня нет оружия... Рядом “защитник” – еще одно чудовище конструкторов, программистов и кибернетиков AVRГ. С меня не сводит глаз великий шпион – объект... Маленькое чудовище, творение генетиков и опять же кибернетиков AVRГ бегаёт у моих ног... Но оно живые... Я чувствую его тепло...

Стер справочник и не жалею. Никому, кроме дезертиров – предателей, он пользы принести не мог. Зачем способствовать возрождению павшего чудовища? Не сомневаюсь, что люди не смогут создать ничего иного – мы все делаем по своему подобию. Зачем этим схемам – мертвым надеждам двух мертвецов, валяться в архиве отдела внутренней безопасности? Для того, чтобы ими воспользовались каратели или ликвидаторы? Если ястреба так и не смогли отключить, значит, мозг браслета Влада разрушен жестким излучением. Схемы остались у Стикка... У Хорна браслет раскололся под лучом... Не для того мы их прописали, чтобы они разошлись среди предателей. Зачем Лесовский так поступил? Что теперь считать свои ошибки, как и ошибки друга?.. Разве эти списанные люди не так же достойны жизни, как и те, для кого мы намеревались это сделать?

Я просто жду, не знаю чего. И я даже не знаю бороться ли за жизнь. Нор прав был, наверное – все мы здесь покойники. Деваться некуда (вообще некуда). Нас либо свои же ликвидируют рано или поздно, либо опять же свои – ведь машины, пересмотревшие задачу, тоже наши... Я понимаю, за что нас приговаривают и те и другие – мы нарушаем систему. Ну что ж, это война. Только нас еще и Земля отторгает за то, что мы и ее систему нарушаем... Сейчас мне особо без разницы – поставят лицом к стенке, сожгут на огневой точке или заморозят на ледниках... Такие, как Нор, считают привилегией смерть на “свободе” – для себя. Такие, как Сорг – в бою – ради других. Что ж? Они свое получили. А на меня вдруг навалилось понимание – смерть и есть – смерть. Все из-за того, что мы – люди. Раздираемся противоречиями, как и я сейчас. Штурмовик отряда А2 мучает мозги... Это уже парадокс.

Показалось, слышу шаги за дверью... Нет, показалось. Только тревога заскулила еще громче. Что там творится? А мне теперь какое дело? Вспоминаю Ульвэра... Я хотел бы вернуться в Штрауб, но уже не смогу. Хотел бы, чтобы все было как прежде... только начавшись заново, все снова привело бы к этому. Когда Влад мучил мозги, я над ним только смеялся, война была виртуальным полем, и в голову не лезли мысли, кроме как о Полуночном турнире. Только Хантэрхайм, угрожая жизни, вынудил меня думать – он дал мне осознание жизни, и теперь отнимает ее из-за того, что я так медленно соображаю. Этот город вроде бы забрал у меня все, но... Кровь снова хлынула из носа – напоминание о лейтенанте. Что бы он делал на моем месте? По-моему, для него карцер не больше, чем возможность выспаться. Хантэрхайм принял его? Как человека, ходящего по какой-то грани? Просто у него больше нечего брать... но он еще может что-то давать... Не знаю, как это возможно – знаю, что это так. Стикк такой же – он добрый человек. Только это запрятано очень глубоко – поэтому еще никто не растащил по кускам, не сжег, не заморозил это добро. Так бывает с теми, у кого напылен всего лишь поверхностный слой.

Стикк в Штраубе – рад за него. Его там точно на ноги поставят... Вопреки устоявшемуся мнению, я ценил все, что почти наверняка потерял. Нет командира лучше Ульвэра. Он видит даже самые блеклые искорки жизни, бережно собирает их, снимая перчатки – не сжимает в железных

руках до удушения, как Борг. Он углядел жизнь даже в этих могучих чудовищах, способных за пару секунд разорвать нас в клочья. Он не забывает, кто они, но не забывает, что они живые.

Руггеры создали, чтобы они стали звеном в обеспечении нашей жизни, но как только они начали защищаться, выходя из нашей системы... Это логично – они дали сбой. Но они вышли из нашей системы... Куда?.. Может быть есть что-то еще?.. Может быть именно это что-то и видит Ульвэр?.. Ульвэр нашел другой вариант? Он седлает этих тварей... даже без пульта. Как? Как у него получилось достичь терпимого сосуществования людей с этими гигантами?..

– D40, ты знаешь полковника Ульвэра?

– Да.

– Что он делает, чтобы все менялось в его руках, но без насилия?..

– Бережет силы и время будущего, отдавая их настоящему.

– Я не понимаю...

– Предоставив всему меняться самому он, не сжимая рук, придерживает все настолько, чтобы это было необходимо обоюдно.

– Ульвэр видит будущее...

– Он смотрит в будущее.

– Его руггеры тому доказательство. Успешный вид, но их защитные свойства опасны для людей. А он пытается доказать, что вид имеет перспективы, даже при отказе от коррекций...

– Такой вариант экономически выгоден, но требует внимания и усложненного подхода к представителям вида. Вариант – позволить виду произвольные изменения, приспособившись к ним. Цель – сократить на проектировании новых видов и коррекциях, чтобы мягко выровнять ситуацию с изменениями окружающей среды, спровоцированными этим расход энергии.

– D40, а ведь основу тех качеств, которые руггеры стали применять в качестве защиты, дали им люди...

– Все верно. Эти качества были полезны для выживания вида, но получили возможность развития под воздействием внешних факторов.

– И безобидные руггеры стали опасными для нас, а Ульвэр с ними ладит. С нами поступают, практически, как с руггерами.

– Не стоит проводить поверхностных аналогий, солдат.

– Почему?.. Нам тоже дано что-то, что заставляет нас от чего-то защищаться. И если мы считаем, что нас вынуждают на это, нас ликвидируют, считая защиту сбоем.

– Эти животные были созданы для вашего потребления, как и все остальное.

– Как и мы для...

– Люди ошибаются, противопоставляя себя командованию, боец. Все действия офицеров исходят из ваших общих интересов.

– Я не говорю ничего против системы... Здесь все ясно, но для Ульвэра люди значат больше, чем для Борга, хоть руггеры ему куда симпатичней... Ульвэр не бросает людей туда, где место машинам.

– Все рассчитано, боец. Не видя ситуации в целом, ты не можешь делать глобальные выводы. Ульвэр долго воевал на севере. Я был с ним в Альвэнхайме.

– Да?..

– Когда не было иного выбора, он поступал так же, как полковник Борг, как поступает командование AVRГ, единственная цель которого – достижение максимальной эффективности минимальными затратами.

– Думаю, он видит куда больше вариантов, чтобы избежать лишних потерь. За последнюю неделю мы потеряли сотни тысяч человек... Это тоже было рассчитано?

– Нет. Такие ситуации входят в поправки неопределяемых факторов риска. Анлаген пал по вине человеческого фактора. Ваши разногласия, вносящие хаос в систему – то, чего командование пытается избежать, и то, что по расчетам поправок по последствиям превосходит стихийные бедствия.

– Черт... Ты меня совсем запутал...

D40 прав, как можно проводить аналогии и сравнивать людей и руггеров – примитивных животных, которые просто живут, и нам не нужно больше ничего кроме этого. Если не угрожать им – они просто покладистые животные...

– D40, да что там происходит? Тревога все воет...

– Ты арестован и лишен права на информацию.

– Тогда хоть скажи, у нас есть будущее?

– Все зависит от временного интервала, который ты имеешь в виду.

“Защитник” перевел на меня неживой взгляд... Время тянется и тянется... Поскорей бы за мной пришли, и хоть что-то стало бы ясно. Я стараюсь не думать о боли – лейтенант меня здорово отделал.

– Временной интервал?.. Да хоть какой-нибудь... Может, генерал Лун был прав?..

– Уничтожение Ивартэна не способствовало бы выживанию вида в массовом порядке. Велика вероятность, что люди вообще не смогли бы выжить. Последствия слишком серьезны.

– А так что?.. Как думаешь, можно обмануть бывший Центральный мозг AVRГ?

– Можно.

– Как?

– Найти вариант, который он не учтет, и воспользоваться им до того, как он учтет его. На таком принципе основаны боевые действия AVRГ.

– Есть такие варианты в обороне Ивартэна?..

– На данный момент мы их не видим.

– А вы ведь на данный момент интеллектуально превосходите все существующее... и ничего не видите?

– Многое зависит не от нас. Мы только анализируем и рассчитываем возможные варианты, исходя из предоставленных данных. Они меняются.

Я прислушиваюсь к шагам в коридоре – силуэт “защитника”, мерцающий в темноте, навязывает беспокойство, чуть ли не разгрызающее на мелкие кусочки – он подключил защитное поле. Вот один обгрызенной тревогой кусочек забирается мне на плечо – начинает суетиться. Говорят, крысы чувуют... Хантэрхайм... воздушная тревога замолкла, но что это?..

– D40... Ветер?..

“Защитник” молчит, а ветер воет все настойчивее...

– Это не ветер, боец.

Андроид размыкает дверь... По глазам бьет синий свет. Кто-то швырнул мне излучатель и заряженную портупею... Еще ничего не вижу poste тьмы, но уже бегу по коридору за остальными. Под ногами мечутся крысы, в голове схемы сборных пунктов... Спокойный голос из ниоткуда призывает покинуть город, но уже пошла звуковая волна...

Запись №42 00 00 000 00:00

– Айнер! Мя-яу!!!

– Я не сплю! Я только закрыл глаза...

– Я не понял! Не понял!.. Он все стер! Нет!

– Что?

– Герф все стер! Все материалы!

– Черт...

Айнер отключился от киберпространства и откинулся в кресле... от волнения даже не вслушиваюсь в потоки брани...

– Что теперь делать, Айнер?

– D40, у тебя продвигается?

– Информации не хватает. На анализ и составление схем уйдет много времени.

– Ты уж постарайся...

– Делаю все, что могу, S9. Ты нашел что-нибудь полезное?

– Нет. Ничего. Отчеты просмотрел... Да здесь столько информации – относящейся, не относящейся к следствию...

– Айнер, ведь еще не все потерянно?!

Он на меня не обращает внимания, как всегда, когда происходит что-то серьезное. У меня нервно подергивается хвост... Я думаю... А Айнер мне мешает...

– Крысы! Что расселись?! Я не отменял приказ! Давайте, быстро рассыпались и ищите компьютеры, кибербазы и носители информации!

D40 наклонился над столом – наши глаза на одном уровне...

– Кот, что ты узнал про эти схемы? Кто-нибудь где-нибудь их видел, сохранил, пользовался ими?

– Да! Да... Копия была у Лесовского, но он погиб, и его браслет повредился. Но он передал информацию Стикку. Это полная копия, где были все материалы.

– Кот, живо за дело! D40, на тебе память “золотых драконов” – не теряй время! Я беру записи Стикка! Крысы город обыскивают! Кот, дальше слушай!

– Я боюсь дальше, Айнер...

– Слушай, Кот!

– Айнер, а те машины, которые остановились после завершения Пересмотренной Задачи... Они совсем деактивировались?

– Нет, Кот. Задача не исполнена – только завершен этап. Они как бы ждут в полумертвом состоянии. Системы они не стерли.

– Ты же уничтожил ваш бывший Центральный мозг?..

– Мог бы этого не делать, но так спокойнее. У *них* теперь не осталось узла, задающего конкретные задачи. Понимаешь? Задачи на основной базе.

– А основная?..

– Это боевая техника или служебная – задачи соответствующие.

– Значит, *они* еще могут активироваться?

– Сами нет. *Им* нужно поставить новую конкретную задачу, а это может сделать только тот у кого есть доступ.

– А у тебя есть доступ?

– Есть. У меня был доступ ко всем операциям техники пересмотревшей задачу.

– А что будет если активизировать *их* сейчас? *Они* не будут продолжать контрольную зачистку?..

– Точно неизвестно – слишком сложно проанализировать все поправки пересмотренной задачи. Я перезагрузил *их* на непосредственное управление – они не будут думать, если их подключить сейчас – только исполнять прямые приказы.

– Но ты можешь перевести *их* на сознательный уровень?..

– Могу, но не сделаю.

– Где *они*? Я их не видел.

– Плохо смотрел – рядом целый взвод тяжелой штурмовой наземной техники. Кот, *они* нам не помощники. И вообще, Кот, мне не нравится твой ход мыслей и твои вопросы. Может, они понравятся карцеру?..

– Может быть. А ты, Айнер там был?

– А то как же?

– И что?..

– По крайней мере выпался.

– Герф попал в самую точку.

– Ты о чем?

– Да так... Что же ты меня карцером пугаешь, если там выспаться можно?

– Тебе, Кот, чтобы выспаться, карцер не нужен. Думаю, ты можешь сделать это и в более комфортных условиях – вот и пугаю.

– А что там есть? В карцере...

– Ну много чего интересного – темнота, пустота и холод. Некоторые наделяют этими качествами смерть, а я с уверенностью приписываю их карцерам.

– Ну ты же везде побывал...

– В обоих случаях не нашел ничего для размышлений.

– *Ничего* – это ничего, терпимо. Айнер, а записи генерала Луна здесь есть? А записи конструкторов – тех, которые знали, как сделать лучевую пушку первого порядка?!

– Кот!

– Ты не подумай!.. Это только так... чтобы страж вернулся!

– Он не вернется!

– Вернется, Айнер...

– Нет, Кот! Слушай дальше!

– Сам слушай! Я придумал верный способ найти помощь сведущих!

– Сейчас полезешь у меня в дефектное киберпространство! Посмотрим, что ты там найдешь, и как тебе *ничего* понравится! Давай слушай, историк! В худшем случае крысы смогут хотя бы пополнить свой список на памятнике!

– Айнер, а зачем ты приказал крысам искать память Стикка, она же у меня, я на нее мысли записываю...

– Что?! Ты ее стер?! Ищи у Герфа, куда Стикк этот справочник дел!

Запись №43 00 00 000 00:00

17. 04. 205 год Новой Техно-Эры 22:30

Хантэрхайм – его башни-иглы – раскалывается, как лед!.. Люди бегут к все прибывающим транспортам. Бегут все – врачи, ученые, рабочие... На сборном пункте оставшиеся армии Хантэрхайма и армии DIS... Истребители испускают лучи, разрезая небо, но ветер сносит сыплющиеся снегом башни!.. Крик кружится в горле стаей немых ворон!.. Открытые острые клювы клиньями встают поперек гортани! В зареве город вот-вот оторвется от земли, устремившись остриями башен к проблескам, там – в вышине!.. Это не звезды – это “белые медведи”!.. Они с лязгом впиваются в ледник, но не останавливаются! В белом свете исчезают иглы Хантэрхайма! Бой вертикалей пересекается с бегством горизонталей – только серые тени – мы да крысы!.. Исчезают в синем огне, появляются в затемненном зареве!.. Подняты все машины – их гул затмевает раскаты лучевых ударов!.. Хантэрхайм пал!.. Пал! Крепость севера, весь ледник!..

В голове бураном гуляет ветер, завихряя мысли, схемы командира снежной завесой... Хантэрхайм пал... мы потеряли воздух. Поддержки с воздуха нет... Отступление не прикроют. *Они* блокируют город – очень быстро! Слишком быстро! По земле никто не прорвется. Мы будем сдерживать *их* штурмовиков до самого конца – под землей. Наземные боевые подразделения приняли основной удар. Если они не выдержат *их* натеска – нам заблокируют все выходы с земли – тогда мы не прорвемся.

Отступаем, покидая блок за блоком... Капитан Хонг с Айнером подрывают тоннели... Всем уже плевать на правила безопасности. *Они* жгут нас мощными разрядами... В спину летят осколки... Подземный город – гульбище хаоса. Ползу к своей точке в пару от замерзающих оплавленных перекрытий... Врата зависли под потолком, не касаясь пола, – металл стекает, застывая прутами, припаянными к половым панелям... Навожусь... Спускаю луч...

– Отходим!

Сдаем сектор... Хонг убит – Айнер принял командование. Я ему верю – верю... Но если мы потеряем ведущих... Луч... Я падаю под лестницу, группируюсь... Лестница стекает на мою защиту, сплав шипит у самого горла... Закрыл глаза, поднимаясь и выходя на цель... Я на точке, спуск...

Снова отходим... Синий свет забирает наших “защитников”, наших людей... Все наполняет сухой треск. Раскаленный воздух вытесняет мороз. За паром, за светом ничего не видно... Схемы, осколки... Я даже представить не мог, что смогу настолько четко и быстро реагировать и

ориентироваться в таких условиях. В действие все мои резервы, о которых я и не подозревал. Я даже не успеваю осознавать скорость изменения схем – просто следую за ними, как помеченная на них точка. Навожусь...

Снова накрыл горячий воздух. К нам присоединяются остальные отряды Борга – полковник мертв. Сектор сдан. *Они* подорвали все тоннели, которые могли, но этого недостаточно... Подземелья Хантэрхайма – лабиринт. Еще есть выход, но мы знаем, что не все имели возможность отойти под нашим прикрытием. Кто не успел – их уже нет...

Отходим. Время теряется... Часы теряются среди лучей, отсчитывающих секунды... Мы не успеваем даже перевести дух. Нет разведки с воздуха, нет информации...

Дошли до перехода. “Защитники” ставят блоки. Бункер-переход будем держать столько, сколько будет возможно... Мы ждем... А кровь от осколочных ранений стекает под ноги – это кровь людей, которых мы защищаем... Мы не справляемся.

Вернулась разведгруппа – докладывают нашим командирам... Айнер снял шлем – бледный, как смерть...

Айнер ничего не говорит, встречаюсь с ним взглядом – он молчит. Никаких инструктажей... Сердце уже вырывается из груди... Я понял. *Они* прорвались – зашли под землю с юга. Никто не смог уйти... Пока никто не смог уйти... Теперь уйти из Хантэрхайма... невозможно... Нет, пока *их* еще сдерживают на южных границах, пока мы еще можем прикрыть людей с севера. Нет никакой поддержки с воздуха – ни от Штрауба, ни от Шаттенберга... Нас... Нас списали! Бросили! Нет, это невозможно!.. Есть ментальная активность – занимаем позиции...

Я теряю скорость. Я практически ослеп от сияния – опухшие глаза не открываются... Перезаряжаю, пока меня прикрывают... и снова на огневую точку...

Схемы исчезли. Механически тупо навожусь на центр ментальной активности... Нет сигнала?... Почти ничего не вижу... что-то падает на меня... Выбираясь из-под осветительной панели – в прояснившемся воздухе вижу мутные силуэты “защитников”. Панели на их руках задвигаются, скрывая оружие. Они подходят к стенам, замирают...

– Нет!..

Вдруг что-то вырвало меня из разогнавшегося коловорота – так смерть выбивает загнанного зверя из зубов хищника... Что-то ударило сознание... Тишина!.. Свистит в ушах, перекачивается звоном... Это звенит холодный воздух, или я оглох от грохота рушащихся ледяных массивов Хантэрхайма? Ментальной активности нет. Полная тишина... Снял шлем... в растерянности поднялся на ноги, по инерции перезарядил излучатель... Темно... Это похоже на смерть в киберпространстве... Сейчас начнется ментальная реанимация сознания... Вот я уже вижу свет фонаря – это так кажется, просто меня кто-то окликает... Меня окликают...

– Герф, что ступоришь?

– Лейтенант?

Поворачиваюсь, как во сне. Айнер так же, как и я, неприкаянно стоит в этой темной тишине с зажженным фонарем... Его серая шинель обгорела – вьется клочьями на сквозняке...

– Герф!

– Это все?

– Не знаю.

Шинель проползла за лейтенантом по нашим мертвецам – он сел на пол между обожженным солдатом и срезанным андроидом (я даже не могу в полутьме разобрать наш этот андроид или нет)... Сел напротив – ноги просто не держат – не понимаю, от усталости или от...

– Лейтенант...

– Не знаю, Герф... Ничего не знаю. Нет связи, нет информации. Ничего нет.

– “Защитники”...

Ослабший голос дрогнул, как я не пытался сдержать этот стон на вдохе...

– Ну да. Они для нас больше ничего сделать не могут. Шаттенберг не выслал нам истребители. Мы ждали, а истребители не прислали... Шаттенберг не могли открыть. Ни Шаттенберг, ни Штрауб... А мы их ждали!

– Хантэрхайм списали...

– Похоже на то.

– Нас...

Айнер скривил рот – ни одна мышца не дрогнула на лице, только уголок губы приподнялся. Больше похоже на нервный тик, чем на усмешку...

– Да, и нас вместе с ним – мы принадлежим ему, Герф. Наверное, наши генералы думают, что нас не вырвать из его ледяных когтей – оставили самих выпутываться. Не было пополнения, не было поддержки. Ничего не было.

– Почему?

– Не знаю. Такого еще не было – никогда не было такого позора. Но если так – нельзя было по-другому.

– Они рядом.

– Где-то рядом.

– Кто-нибудь смог уйти?

– Не знаю, Герф... Никто не ушел, пока была связь – никто.

Я устанавливаю настройки на излучателе... Это судьба – сегодня я приговорен самой судьбой. Я нарушил ход этой судьбы, вытащив мертвого Айнера, и теперь он такой же неприкаемый, как и я – отказник смерти. Но она уже ждет во множестве обличий – перестраховалась. Бродит рядом, выглядывает из темноты...

– Даже не думай, Герф. Не преувеличивай своей значимости в таких событиях.

– Айнер, вы все-таки читаете мысли...

– Хватит. Я еще не знаю как, но я тебя вытащу. И уберу от виска пушку. Я тебя вытащу.

– Зачем?

– За тем, Герф, что это – приказ.

– Нет, лейтенант.

– У тебя штраф за неподчинение.

– Смерть спишет все штрафы.

– Штраф и на том свете – штраф, боец!

– Нет смысла в приказах, нет смысла уходить...

– Это почему? Ты еще не приговорен. У Хантэрхайма своя память, Герф. Ты не приговорен ни AVRГ, ни Хантэрхаймом.

– А что тогда приговор?

– Приговор – это тот момент, когда его привели в исполнение. Все остальное в наших руках и руках... Тебе Унхай успел о законах судьбы поведать?

– Разве судьба – не приговор?..

– А черт ее знает! Это ее суть – никто толком не знает, что это такое – ну кроме вашего сержанта.

– А что дальше?..

– Откуда я знаю, что дальше? Но если ты сейчас застрелишься, то мы так об этом и не узнаем.

– Вы об этом не думали? Сейчас не думаете?

– Думаю конечно, но совершу только если не придумаю, как отсюда выбраться. И тебе советую подумать.

– Это невозможно, Айнер.

– Посмотрим... У всего есть свои правила, своя тупизна – только разберись, что к чему, и сжимай кулаки.

– Айнер, а к чему все ведет?

– Лейтенанту такие вопросы не задают.

– Вы – S9.

– И то правда.

– Мы можем жить по-другому?

– На словах можем, а на деле... только время покажет.

– Пока время нам ничего не говорит.

– Говорит, Герф. Время все говорит, только мы не слушаем. Мы не слышим того, что оно вещает очень тихо – еле различимым шепотом. Нам нужно, чтобы оно громко бросало нам приказы.

– Как узнать, услышал ли ты этот шепот или нет?

– Верный признак – когда слышишь молчание.

– Вы его слышите.

– Нет – не молчание – только то, о чем говорят. Думаю, мы все оглохли от приказов, и никто из нас не способен точно разобрать тихие слова.

– Из-за этого приходится слушать крики.

– Это ты, Герф, про всех этих бунтарей?

– Про все...

– Всегда будет что-то лучшее. И всегда оно будет объединять нас в борьбе, и разъединять при получении результата, пока не появится что-то еще лучшее – не спаяет, не скует снова. Это то, что продвигало нас вперед, и то, что теперь заставляет ходить по лезвию, чтобы не сорваться в пропасть – чтобы не пропасть в разрухе. Жажда лучшего ненасытна, если дать ей волю. Она разрушительна – продвинула нас вперед настолько, что все вокруг изменилось в наших руках под ее ногами быстрее, чем мы. Нам приходится искусственно сдерживать прогресс – как и самих себя. Мы давно могли бы разорвать нашу галактику – пустить ее на энергию, создав искусственный рай, и сгинуть в нем в катастрофе, которую спровоцируют наши вмешательства. Да, мы можем оборвать войну за считанные секунды. Мы можем сожрать служащих нам чудовищ, которые нас же и проглотят когда-то – изнутри.

– Не за это Борг нас так ненавидел?

– Борг погиб в бою – с нами. Он закалял людей. Во льдах, под огнем – у нас нет времени думать о том, что мы достойны большего, и нужно взять, раз не дают. Только эти мысли затмевают разум настолько, что мы не видим настоящей угрозы, которая кажется не так близко, когда ты не видишь ее лицо.

– Мы хотим совсем немного. И за это стоит бороться.

– Думаешь, тебе уступят? Конечно, трудно поверить, что это нам же во благо, смотря прямо перед собой. Трудно на это что-то сказать, Герф... Только помни, что наш мир был когда-то уничтожен именно из-за этого.

– Мы давно получили возможность себя усовершенствовать...

– Ну да.

– И что?..

– Что, Герф?.. Часть усовершенствований прошла – часть нет.

– Почему?

– Люди не приняли их.

– Командование AVRГ могло внедрить их силой – нам же во благо.

– Сказал, – люди не приняли их.

– Командование имело возможность...

– Люди не приняли, Герф! Командование – тоже люди! Все мы – люди.

– Совет не достиг согласия по внедрению проектов?

– Знаю только, что стремление жить – сущность людей – то, что глубже всего остального.

Приняли те усовершенствования, которые не лишили человечество будущего. Мы не уничтожили человечество, Герф.

– Но все равно уничтожаем...

– Не мы, а наша избалованность возможностью жить вечно и оживлять “мертвецов” сеет раздор.

– Всегда есть что-то, сеющее раздор.

– Но раньше это не поддавалось контролю – ни внешнему, ни внутреннему.

– Айнер, вы ведь не оптимист...

– Верно – но только по мелочам. Огрызаясь на ничтожество ты не даешь ему разрастаться, – забываешь о нем и смотришь дальше. Так же и жалеть себя можно только по мелочам. Отморозил, обжог руки – не давай ожогу распространяться.

– Он ползет дальше, когда идешь сквозь ледник и пламя.

– Ни во льдах, ни в огне – ты не должен останавливаться – это закон! Не проскочишь на пределе скорости – замерзнешь или сгоришь!

– Как бежать, если не знаешь куда?

– Нет мозгов, чтобы разработать маршрут до того, как угодишь на ледник – ты покойник, если не пойдешь за тем, у кого хватило на это ума! Для этого есть командир! И у тебя он есть! А ты сидишь с пушкой у виска, и смотришь, как ползут к горлу твои ожоги! Есть энергия на жалость к себе – да еще во вселенских масштабах – значит, есть энергия на рывок! Пушку убери!..

– Мне нужно подумать.

– Подходящее время ты выбрал. В таких ситуациях думать о бессмысленности всего сущего – самое оно. Только надо это побыстрее делать.

– Зачем продолжать бой, когда все кончено?

– Да ты прямо как андроид – только тупой, что для них редкость. Думаешь, задача неисполнима и можно дезактивироваться? Тебе, Герф, до машин далеко – так все вперед просчитать, чтобы с уверенностью такие выводы делать, мы не можем.

– Я не про Хантэрхайм. Я по вашему совету дальше смотрю.

– И что ты там способен увидеть? Разруху? Порядок? Так или иначе мы победим, Герф. У нас есть будущее – настолько, насколько мы его себе дадим. Не все в нашей власти, но и от нас многое зависит. Давай вставай, боец! Убери пушку!..

– Нет. Мы проиграли не только войну – что-то большее.

– Получается, ты меня зря вытаскивал с полей Анлагена? Ты зря столько людей ради этого подставил? Твои друзья – мои бойцы погибли напрасно?! Ты зря обо всем этом думаешь!

– Нас нет, если у нас нет смысла быть.

– Ничто меня врасплох не застанет! Даже не думай! Когда нет смысла – есть долг! Всегда есть смысл, есть выход! Не видишь ты – вижу я! Ты видишь, как рушится Хантэрхайм?! Хантэрхайм – вся моя жизнь! Ты видишь, как рушится вся моя жизнь... А я не могу этого видеть! Я не могу видеть Хантэрхайм в руинах! Готовься к рывку, боец! Собери все свои силы! Собери все свои цели! У тебя тридцать секунд! Время!

– Айнер, *они* заблокировали все отходные пути.

– Прорвемся. Наш ментальный сигнал слабый – его не обнаружат с воздуха. Их штурмовики уже перешли на вторую фазу – поставили посты на объектах. Будут уничтожать нашу технику. Мы должны уйти до третьей фазы – контрольной зачистки. Вдвоем мы пройдем там, где не прошли все армии Хантэрхайма.

Лейтенант срывает с мертвецов португепи – заряжает оба излучателя. Наш... теперь только мой лейтенант готов идти напролом через целые армии... Ради чего? Он все потерял... Ему может и есть куда идти, но некуда *вернуться*... Он потерял дом – если Хантэрхайм может быть кому-нибудь домом, командиров, если такие люди, как Борг могут быть командирами. Потерял всех своих бойцов... Не всех... Теперь он поставил цель – вытащить меня, потому что у него больше ничего не осталось.

Айнер загрузил карту... Не знаю, что за силы движут этим человеком... Он берет силы и от отчаяния, и от боли, и от страха – от всего, что лишает нас сил, когда затягивает в ничто, как черная дыра. Айнер всем чужой – списанный, он и не лейтенант и не... Понятно, почему его другом был Скар – чужой для всех. Его боялись больше тех, кто страшнее него. Как боялся генерала Снегова – никто и не знает из-за чего... Чужие – не такие, как мы. Если такой человек не сломлен, он способен на большее, чем все мы. Такие люди привыкают не бояться того, что они – чужие... и они эффективней, когда остаются одни в безвыходной ситуации. Айнер из тех, кто не знает ничего кроме войны, но не потому, что сейчас – война. Война заключена в нем – и он побеждает. Для чего? Чтобы она могла продолжаться? Война – это жизнь.

Я поднялся, перевел излучатель на автономный режим. Айнер знает, что делать – даже сейчас. А я... Мне в отличие от Айнера есть куда *вернуться*...

– Герф, придется побегать – не один километр отмерим.

– Меня готовили к Полуночному турниру – можете рассчитывать на скорость.

– Что ж раньше не сказал?

– Думал, вы досконально знаете мое дело.

– Только некоторые аспекты. Готов?

– Я прикрою. Ни один стрелок не уйдет. Я готов прорываться с боем до-последнего. Сейчас вы решаете, и я вам верю.

– Вот и замечательно. Теперь осторожно на выход.

Закрываю глаза – вдох... Активирую шлем... Хантэрхайм пал. Хантэрхайм замечает снег. Никого больше нет. Никого, кроме нас двоих в этом огромном городе на бескрайних просторах... Нас бросили здесь – всех нас – и наших генералов, и офицеров, и бойцов, и специалистов... И Снегов погиб бы во льдах Хантэрхайма, если бы долг не отозвал его в Штрауб решать нашу судьбу... Это данность – то, что есть, но чего могло бы не быть, если бы мы не принимали ее так тупо. Нам не изменить то, что предопределено, и мы знаем, что изменить не в наших силах. Когда понимаешь – то, что ты уже сделал необратимо, то, что произошло – уже случилось, тогда можно думать только о будущем, в котором еще есть что-то, на что мы можем повлиять. И что все это было напрасно?... Столько жертв, столько мучений?... У всего есть свое значение. Как бы это не было жестоко, как бы это не было глупо – у всего есть значение. Это не конец.

Я поступлю, как должно. И я сохраню надежду на то, что если не сейчас – потом все станет лучше... Я не знаю, как?... Не знаю станет ли лучше для нас, или для кого-то – в нашем понимании или нет – не важно. Просто так будет. Может быть, мы перестанем терзать друг друга, когда не будет поводов? Когда сложатся такие условия, которые моделировал для нас полковник Борг? Я не знаю. На замерзшей земле Хантэрхайма сложно строить выводы. Я знаю, все должно быть по-другому, после того, как мы прорвемся через все это...

Я заново, по кусочкам соберу эту нашу с Лесовским надежду на то, что кто-то сможет все изменить, даже если разрушится все... Окинул взглядом погибших солдат – темно, только фонарь Айнера отпускает в эту тьму тусклый свет... Прощаюсь с Хантэрхаймом. Стоя по колено в крови, где плавают покойники, их части тела, и крысы... Это царство мертвецов, в котором мы остались одни... Я не отдам свою светлую память холодной тьме. Не отдам ей свою надежду... Я вернусь в Штрауб. Я вернусь к Ульвэру. Я все сделаю заново. А дальше... Если мы не сможем все исправить, то будут те, кто сможет.

– Герф, оставь здесь возвышенные мысли – просто иди за мной. Излучателя – очень даже неплохая подпорка для отягощенной головы, но пока у нее есть дела поважнее. Под ноги смотри.

– Да, лейтенант.

– Пора уходить, Герф.

– Пошли, лейтенант.

– Сейчас спустимся в подземку – на минус четвертой уровень. Пойдем по тоннелям – до границы не так далеко. Потом на переход, и на землю.

Разминаю ноющие от мороза и напряжения мышцы – вдох... и ничего больше нет.

– Я готов к дальней дистанции на пределе скорости.

– Герф, сейчас в зону восприятия войдем – огневые точки закрыты, но придется поторопиться, чтобы *они* не успели перейти на позиции, даже если нас засекут. Не отставай. Не останавливайся, если меня срежут.

– Такие приказы я не исполняю – нет смысла.

– Об этом ты с Унхаем в Штраубе говорить будешь, а сейчас молчи и слушай. Скоро проверять придут – нам пора... Пошли.

Спускаемся по лестнице на нижний уровень бункера... Есть ментальная активность... Мы примерно представляем в каком состоянии нижний уровень перехода – там ориентируемся...

– *Они* перемещаются.

– Ничего. Я за ними слежу. Давай, пошли!..

Вышли из перехода в тоннель и побежали... Я никогда так не бегал, даже на тренировках... Айнер бросил за спину энергоблок... Нас догоняет свет... Бежим наперегонки с грохотом и треском проседающего тоннеля, с горячим воздухом... В голове проносятся дни, которые кажутся длиннее всей моей жизни... Под ногами трескаются сорванные панели, упавшие кабели хлещут голенища сапог, осыпают искрами... Вскочил вслед за Айнером на выгоревший грузовой транспорт – не останавливаю взгляда, чтобы не видеть людей... Айнер уже перелетает через разбитый блок... тоннель рушится за нами, а мы бежим. Бежим вместе с крысами... Это наша память о жизни покидает Хантэрхайм...

Не оборачиваюсь... Нас догоняет, обгоняет облако пыли от обрушенных стен и перекрытий... Все вязнет в этой пыли – ничего не вижу... Туча ударила горячим воздухом в спину и обогнала нас, рассеиваясь позади... *Они* здесь – за этим темным облаком, ушедшим вперед... Здесь есть *их* блоки... Сейчас откроется огневая точка. Упал за блок, под сетью лучей... Айнер стреляет с двух рук, стараюсь не отставать. *Их* немного. Прикрываю лейтенанта... Айнер бросает полуразряженный энергоблок...

Трескается обшивка... летят осколки... и бегом, пока тоннель не обвалился... Бежим за крысами... Бежим по ним, по серой реке...

Остановились отдышаться, оперевшись руками в колени... Дыхание давно сбилось, судорожно заглатываю воздух... фильтр на маске мешает, хочу сорвать его, но уровень заражения слишком высок – радиация выжжет легкие за пару минут...

– Пошли, Герф! Быстрее! Направо, и там подъемник...

Не знаю, как мы добежали – патрули не встретили. Постов здесь нет. Я прислонился к стене... Айнер сел на пол... А крысы все бегут куда-то...

– Герф, *они* заблокировали подъемник. Посмотри как там лестница...

– Нормально.

Айнер пошел первым. Мне показалось, что... Он истекает кровью...

– Лейтенант...

– Не сейчас, Герф...

Оплавленный люк стек железными сосульками в шахту – выбираемся цепляясь за них – на остывающем металле еще остаются отпечатки сжатых до судороги ладоней... Ослепленный рассветом, встал у стены перехода рядом с Айнером – солнце взошло... Режет по глазам, как ветер, бьющий в плечо с такой силой, что не легко отвести руку...

– Есть сигнал. Добежать не успеем – я беру обе точки – ты разбиваешь *их* лучи. Как сниму стрелков – сразу беги к стоянке транспортов.

Он выходит на точку – не успеет! Слышу как по площадке струится его кровь. Беру его цель – режу непрерывным потоком, о который *их* лучи разбиваются, как о щит...

Не вижу ничего, кроме света – бегу за Айнером. Из центра города поднимаются столбы дыма... Лейтенант не оглядывается... ему уже тяжело бежать, координироваться...

– Айнер!

– Пошли, Герф!

Кровь заливают снег – ее сносит ветер, разбрызгивая следом чуть поодаль... Осколок разорвал его плечо... Он кинул мне второй излучатель, затягивает на ходу наплечный ремень для энергоблоков вместо жгута. Черт... Это не поможет... Зато поможет мороз – он не позволит нашей крови мараить чистый снег. Еще немного, и лейтенант просто потеряет сознание – тогда он труп...

– Айнер до стоянки триста метров!

– Давай вперед, Герф...

Если *они* успели выжечь мозги всем транспортам... Уже вижу стоянку – совсем близко...

– Айнер, – сигнал!

– Не останавливайся!

Ментальная активность... Айнер еле на ногах держится... А здесь тяжелые андройды... огневые точки закрыты... Сейчас они перейдут и...

– Айнер, я их беру – всех!

– Я беру, а ты к транспортам иди! Скорей, Герф!

Айнер только с одной руки стрелять может... Я его прикрываю... Двух снял. Продвигаемся к стоянке... Я не успеваю... Айнер взял мою цель...

– Герф, беги!

Черт... Точка открылась... Айнер уже вырубается... Я не успею... Я уже вижу луч... Сшибаю лейтенанта, бросаю на землю... Он уйдет отсюда... Чувствую удар... Навожусь, спускаю луч... Боль жжет, не дает дышать... Ментальной активности нет... Айнер лежит лицом вниз – кровь растекается... алая кровь окружает его кольцом... Я вижу крыс... Когда они уйдут... Мы здесь последние – пока еще живые... Ожог пузырится кровью... закрываю глаза... Ненадолго мы с Лесовским расстались... А черт... Нет, я не позволю Айнеру умереть здесь... Хватаю его из последних сил и тащу к ближайшему транспорту... Вношу программу на Штрауб, на придельную скорость, и вырубаясь...

Я очнулся внезапно, сплюнул кровь, пузырящую в горле – легкое прожжено крестом... Черт! Транспорт подбит погоней... а впереди уже видны копыя башен Штрауба... Транспорт скоро рванет. Снижаю высоту, бросаю Айнера на землю и прыгаю за ним... Последнее, что я слышу – свист поднятых истребителей Штрауба...

Запись №44 00 00 000 00:00

19. 04. 205 год Новой Техно-Эры 09:00

Я жив. Пульс подскочил... Боль жжет грудную клетку... Прислушиваюсь... Ничего не слышно – только сердце колотит и что-то еле слышно гудит. Ничего не рушится, ошейник ментальную активность не регистрирует, но мне страшно открыть глаза. Я лежу на спине... Пытаюсь незаметно нащупать излучатель – он должен быть где-то здесь... Нет, что-то не так... Тепло. Холод не жжет кожу, и нет онемения от обморожения... Тепло... Открываю глаза – белый потолок, белые стены, белые лампы. В открытое окно не рвется ветер – воздух, напоенный ароматами трав, скорее вошел как гость, а не взял помещение штурмом. Солнце мягко укладывает на пол размытые тени. Штрауб! Штрауб... Я вернулся... вернулся к Ульвэру... Вернулся...

Еще не могу в это поверить – стараюсь не пускать в душу надежду слишком рано. Поднимаюсь, подхожу к окну – Штрауб. Во дворе под куполом уже зазеленела небольшая лужайка – кто-то из медперсонала и те их подопечные, которых уже поставили на ноги завтракают прямо на ней. Ночи еще очень холодные – под куполом собирается конденсат – выпадает на мягкую траву росой, переливается в озерце оранжевого солнечного света. За болью, сопровождающей каждый вдох, за клочьями закрывающих все воспоминаний, еще не осознал, насколько я счастлив. Осматриваюсь внимательнее... Хоть условия мне обеспечили замечательные, чувствую себя ужасно. Память превратилась в какие-то обрывки, лезущие в голову кошмарными виденьями. От этих обрывков меня начинает знобить, как при высокой температуре. Они закрывают вид на солнечную лужайку на секунды, но так жестко, так ясно... Я возвращаюсь весь – целиком и сразу – с головой во тьму и грохот руин, в острое, как нож, сияние... Хантэрхайм забрал всех наших бойцов и генералов без разбору – Хантэрхайм, который обладает холодной волей, в чем я уже не сомневаюсь. Обхватил голову сжатыми руками, но золотистая трава снова меркнет в белом свете, расходящимся лучами, как пиками, направленными на меня. Эта воля Хантэрхайма – она направлена на очищение от нас его бескрайних снежных пустынь! Хантэрхайм забрал все армии севера – все армии главнокомандующего Штольта... Закрываю глаза одной рукой, другой вслепую пытаюсь найти, активировать панель управления, чтобы закрыть окно. Понимаю, что мягкий воздух не может бить ознобом, но пальцы дрожат, ищут запуск панели...

Каждый вдох сопровождается болью... но боль затухает, когда воспоминания затягивают, выбрасывают меня из обрывков времени. Так и летаю посреди тьмы хаоса. Не могу осознать, что произошло – что это для всех нас значит. Я не могу осознать, что все эти люди остались во льдах убитого города, когда мы смогли уйти.

Я чувствую, что двери открываются, кто-то входит – с добром и печалью. Отнимаю ладони от лица... доктор.

– Что я здесь делаю?

– Отдыхаешь. Тебе провели ускоренное восстановление – теперь только потерпеть боль несколько дней.

Доктор улыбнулся и заварил крепкий кофе, подойдя к столу...

– А я ничего не помню... только истребители Штрауба...

– После восстановления ты заснул и поднимался с платформы несколько дней. Тебе снились кошмары, а я колот тебе успокаивающие... Теперь выпей кофе – он поможет прогнать остатки сна.

Я взял чашку с паром в виде тонкой струйки, как сигаретный дым...

– Здесь поставь.

“Спутник” поставил контейнер с сахаром на подоконник, лейтенант остановился рядом – его широко открытые глаза устремлены вдаль.

– Герф, ты не при оружии, но уже при исполнении – с восстановления снят.

С трудом удерживаясь от того, чтобы прижать ладонь к глазам, отдал ему честь... После формальностей, Айнер налил кофе и себе, и врачу, открыв пачку сахара и положив куски сахара в кофе... Он уселся на подоконник и криво усмехнулся мне...

– Ну что, Герф?.. С бредом справляешься?

– Так точно.

– Отличный ответ – если правда. Как дышится? Хотя, что там – дышишь, и то хорошо.

– Наш воздух.

– Ну да. Нейтральный воздух тоже ничего был, но ты в пустой зоне уже не дышал.

Айнер озлобленный, как никогда, но я привык – понимаю. Тоже самое, что ядовитые улыбки Стикка...

– Как рука, лейтенант?

– Отвратительно, и хуже того... Не знаю, что там снова натворили, но принцип устремлений врачей в исполнении своей работы анализу не поддается. В Хантэрхайме постарались, а здесь... Так и не успел толком понять, как это – жить без боли. Теперь это, видимо, пожизненно – вторичное восстановление полагается после боев определенной сложности, а на запрос о переводе в Шаттенберг ответили отказом.

– Из всего этого я могу сделать вывод – с рукой что-то не так настолько, что вы собрались в Шаттенберг?

– Герф, черт знает что с рукой... А Шаттенберг... Рассиживаясь здесь я инеем покроюсь.

– Вряд ли – весна уже у границ.

– Чтоб ее на первом блокпосте взяли без возврата. Да, ладно что теперь...

– Теперь *они* возьмутся за Шаттенберг.

– И взоры генералов Совета устремлены на восток. Шаттенберг мощный город – он сможет принять удар и продержаться довольно долго, не переходя в глухую оборону.

– Только Шаттенбергу придется компенсировать то время, которое он отвоевал у нас в нашей вечной борьбе в Хантэрхайме.

– Верно. Через неделю завалю командира рапортами. А сейчас... черт со всем, что сейчас... Кстати с тебя все обвинения сняты, как и с меня.

– Айнер, Ларс Стикк жив?

– Ты все-таки тупишь после последнего боя.

– Он жив, лейтенант?

– Да. Если бы ни Ульвэр... Герф, ты понимаешь, что Стикк делает?

– Так точно.

Айнер смотрит прямо мне в глаза...

– Это не пограничные нарушения – Стикк не “пограничник”, Герф.

– Я понимаю.

– Он указывает людям “путь дезертира”.

– Дает выбор смерти обреченным.

– Герф, сейчас такие действия неуместны.

– Они всегда уместны, не в массовом масштабе. Он не делает ничего, что могло бы чему-то навредить. Почти то же, что и ваша охота на сахар.

– Об этом мы с тобой еще поговорим без свидетелей, или когда объекты перестанут тебя замечать. И такое бывает – они “призраков” не видят.

– Кофе выпил? Иди за мной. Пора спуститься под землю – к зверью Ульвэра. Эти злобные твари нас заждались.

Запись №45 00 00 000 00:00

19. 04. 205 год Новой Техно-Эры 10:10

Спускаемся в самые заброшенные коридоры подземки... Айнер уже прошел – он уже зарегистрирован на объекте. Здесь все так изменилось... рутгеры стоят заброшенные и голодные. Видно, что последние дни Хантэрхайма, забрали все его силы. Ульвэра нет... никого, только андройды у стен, которые хоть как-то следят, чтобы звери не голодали.

– Герфрид, включи свет...

В полумраке было еще получше... а так – слезы на глаза наворачиваются...

– Поднимай с пола зверье, запускай сухую чистку!

– Есть!

Хожу по нашему сектору, и по очереди включаю все, что приказал Айнер.

– Герф, а что они вялые такие?

– От голода в спячку впадают.

– Накорми их.

– Нечем... А где Ульвэр, лейтенант?

– В Валсхайме. Там с его тварями дела еще хуже обстоят.

– Как же так?..

– Здесь сейчас и безликих нет... И Ульвэр... его с заседаний Совета не отпускают практически.

– А я еще помню времена, когда шкуры зверей лоснились жиром...

Сели с Айнером у стены – так, что весь сектор просматривается... Он бросил мне банку энергетиков.

– Это, чтоб дышалось легче.

Меня все морозит от ветров Хантэрхайма, а Айнер бродит по секторам, наводя исполох. Никогда прежде не встречал такого деятельного человека.

Вернувшись, Айнер загляделся на моего Замухрышку...

– Он опасный, лейтенант.

– Ничего. Седлай его.

– На них давно не ездили.

– Замечательно.

Айнер терпеливо, кривя рот, выдержал все процедуры подготовки, и влетел в седло. Сходу в галоп. Резкий поворот в тоннель... только искры из-под когтей, да из-под кнута...

С замиранием сердца жду, как они вернуться... Айнер уже долго гоняет зверя по лабиринтам тоннелей...

Только и думаю о последних часах Хантэрхайма, о Владе, а у сердца теплотой стучит маленькое сердце. Сашка! Ты живой... ты прошел со мной все... Накормил крысу сахаром и напоил энергетиком – больше у меня ничего нет.

Как раз и Айнер вернулся – сползает с еле плетущегося зверя... Вот и подружились.

Запись №46 00 00 000 00:00

20. 04. 205 год Новой Техно-Эры 12:00

Идем, сбор. Сердце снова бьется а ожидании боя. Из пополнения одни новички – понятно, почему им с руггерами так сложно. Ничего – привыкнут. Хорн ослепил меня не слишком уверенной улыбкой...

– Герф, ты траур по Ханэрхайму видел?

– Нет – в медчасти провалялся...

– И я... провалялся. Говорят, что грандиозное зрелище было.

– Другого я и не думал...

– Герф, только скажи, кого мы ликвидируем?

– Не знаю. Мы редко этих тварей видим – нам запрещено их видеть. Верно, поэтому всех никак добить не можем...

Даже я удивился, увидев, как операцию развернули. С нами только несколько “спутников”. “Защитники” приставлены лишь к офицерам, но людей подняли немало. Похоже будет тотальная ликвидация кого-то или чего-то, и средств на это выделили предостаточно. Значит это совершенно необходимо.

Чувствую, как мерно позвякивает воздух – счет времени на скорость пошел и здесь. Седлаем “стрелы” – и напрямик в лес... Рассчитались на плацу перехода на девятую базу, и напрямик вперед. Капитан опустил “стрелу”, опершись на ногу, опустил голову, готовясь одеть шлем.

– Цель – неизвестна. Предусматривается агрессия со стороны... врага. Работаем на скорость. Операция развернута на всех лесистых территориях Штрауба и укрепленных баз. Наводок с воздуха не будет – рассчитываем на наземную поисковую технику. В целях защиты система подавления избирательного визуального сигнала, при вхождении в ментальную зону врага, должна быть постоянно активна. При обнаружении – враг должен быть ликвидирован без промедлений. Инструктаж завершен.

Слова сменились схемами, свистом рассекаемого воздуха...

Хорн притормозил, когда понял, что хотя операция срочная до неотложности, никто не даст ему разогнаться, как привык, – лежа на седле и не видя ничего вокруг.

– Герф, что за системы должны быть активны?

– Системы сокрытия врага от нас.

Хорн похоже беспокоиться начинает...

– Как это?

– Как только соответствующий ментальный сигнал будет – мы не сможем видеть противника. Будем только на автомате или по координатам на ментальную активность наводиться.

– Но зачем?

– Понятия не имею. Но я думаю – это из-за того, что выродившиеся твари похожи на нас.

Вот уж не думал – Хорн, смеющийся в лицо самой мучительной смерти, сжимается при упоминание о каком-то невиданном зверье. Сбавили скорость – фиолетовая полоса далекого леса уже прогрызается синевою, приобретает четкость – поднимается над землей. Остановились на границе леса территорий девятой базы Валсхайм. Когда еле слышное гудение “стрел” смолкло, стало совсем тихо – лес затаился. Так всегда, когда приходим мы. Еще издали можно было различить какие-то вопли, но стоило подойти ближе... Что-то обгоняет нас, как ударная волна разлетается из эпицентра взрыва. Вот Хорн явно чувствует еще какой-то подозрительный душок. Ему даже воздух Штрауба с непривычки кажется приторным и тяжелым, хотя его улыбка расцветает в этом тепле, несмотря ни на нашу скорбь, ни на потери...

– Герф, боевая защита не от шишек же – они рядом?

– Нет. Это наши земли – до воздушной границы еще далеко. Просто правило охотников.

– Ты знаешь, что мы делаем?

– Да. Бывало уже.

– Ну так...

– Такая охота – война. Это единственные выводы, которые у меня сложились. Поэтому такую работу исполняют штурмовики А2.

– Герф, лучше скажи, какую работу мы не исполняем.

– Начать перечисление?

– Знаешь, я уже понял почему здесь все такие серьезные – не надо исхитряться, чтобы не свихнуться. Хотя...

Хорн никогда не раздражается – ,по крайней мере, я ничего такого не помню. Вижу, что ему не по себе, – не хочется лишний раз напоминать человеку, который знает только ледник, что у нас тут творится. Хорн вряд ли часто встречал тварей крупнее крыс...

То, что мы сейчас делаем, напоминает самые безумные виртуальные проекты. Прочесываем леса с самой навороченной техникой – что-то выслеживаем, а что – не знаем. Так уж получилось – командиры знакомы только с несходящим льдом. В роте от силы десятков более-менее знакомых лиц – остальные относительно новые. Когда активировали, закрыли шлемы стало спокойней – вроде, как раньше... Но как ни оптимизировать действия в кишачем чудовищами лесу, опасность сохраняется. Ищу взглядом Стикка – должен быть где-то здесь... То, что ему, хоть и со скрипом, оставили взвод, осложняет дело. Некого больше поставить было... Мне обязательно нужно...

– Герф, что это хоть за деревья?

– С ними все в порядке.

– Да вижу, что в порядке.

– Это елки, Хорн – голубые елки... Прими к сведению – там, где с ними не все в порядке, надо быть внимательнее, чтобы тебя не разодрали.

– Деревья?..

– Те, кто их портит. Зачем, думаешь, мы все это делаем?

– И зачем?

– Твари, которых нельзя видеть, уже давно уродуют наш лес. Наш воздух... если не упоминать о полях кислородных блоков Хантэрхайма. Кстати, мы скоро пешком пойдем, а “стрелы” где-то здесь оставим у опушки.

Стикк подходит сзади, лишь хвоя чуть хрустит, и кладет руку мне на плечо... создает выделенную линию...

– Не жалеешь, что моего совета не послушал?

– Он мне каждую ночь снится... но Влад мертв и Хантэрхайм пал.

Стикк усмехнулся и так же, как появился, исчез в лесу...

Мои же слова заставили меня зябко поежиться. У меня в наборе слежения около десятка вариантов зрения и множество средств восприятия, но я не вижу и не слышу ничего, кроме нас самих и наших мягких шагов. Сосредоточиваюсь на показателях техники, чтобы не пропустить *чьего-то* дыхания в затылок или... Никогда не задумывался, что это как-то не в порядке вещей... На леднике капитану можно доверять без всяких сомнений, но здесь...

Вообще, если бы не охота – я здесь отдыхаю. А Хорн в лесу еще не был, и ему здесь неуютно. Он среди колючих ветвей потерян, как я в привычной ему белой пустоте. Наверное, будет тосковать по ледникам, когда уляжется боль потерь и тяжесть поражения близкого к краху. Что падение Хантэрхайма значит для AVRГ, для нас всех... даже больше, нежели мы думаем – это можно увидеть на лицах офицеров. Для нас это потеря – потеря людей, а для офицеров это потеря времени, потеря частички нашего будущего, это нарушение планов и сбой стратегии.

Севернее деревья растут реже, и мне здесь спокойнее. Но поисковый квадрат широк, а мне кажется, мы продвигаемся на северо-восток слишком быстро. Уже стучится предчувствие – что-то мы пропустим... Тактика Борга – прорываться по-черному, здесь не годится.

– Черт, Герф... От этого хаоса торчащих вверх колючих палок уже в голове плывет.

– Привыкнешь. У меня там – в Хантэрхайме тоже глаза болели, пока не пообвыклись со светом. Хорн остановился, подняв голову к уходящим к небу синеватым колонным елей.

– Герф, твари, которых мы ищем – они живые?..

– Да – это точно, я кровь видел.

– Разумные?

Я тоже остановился...

– Никогда не думал об этом...

– Видимо, да, если нам приходится такую защиту применять.

– От руггеров и такая защита не поможет, а они умом не блещут. И вообще, у нас нет ничего и никого разумного, кроме нас и машин.

– А это не дезертиры?

– Нет – выродившиеся твари.

– А те, кто бежал давно, не могли?..

– Хорн, не накручивай.

– Значит, тебе тоже приходило в голову нечто подобное?

– Пока ты не сказал – не приходило.

Вышли на проталину – хвоя под ногами проваливается все мягче, начинает тонуть в талой водице в моих следах. Впереди возвышенность, тороплюсь подняться на пологий холм...

– Герф, подожди!

– Не останавливайся.

Прислушиваюсь – аппаратура молчит, излучатели сигнал не ловят... Хорн уныло взбирается за мной... стряхнул упорно ползущего по голенищу серого муравья с желтой отметенной на голове.

– А здесь вообще есть что-то, кроме этих насекомых?

– Есть.

Хорн напряженно огляделся вслед за мной...

– Ты говорил, они на нас похожи?..

– Не знаю – не видел, запрещено. Просто, если запрещено видеть, значит что-то не то.

– Я сержанта не вижу!

– Унхай в зоне восприятия.

Хорн уверен, что мы заблудились, даже технике не доверяет. После бескрайних просторов, где все за километры видно, если не ослепнешь от снега, и не такое померещится. Чтобы убедиться, что хоть кто-нибудь из “наших” поблизости, он спустился в каменистую расщелину, заваленную буреломом. Намеревался залезть на противоположный склон, но увяз в сухом треске прутьев. Угораздило его забраться в самый завал валежника... Поднял руку, чтобы он так не шумел, и вдруг дошло – лощина, мертвые елки...

– Они здесь! Слышу, вижу слабый ментальный фон – они бегут! Герф, Хорн! Огонь на поражение!

– Хорн, давай наверх! Они где-то рядом!..

– Да как отсюда выбраться?..

– По стволам беги! Не ступай нас с ними!

– Они истлели, проваливаются!

Бегом к Унхаю! Он уже спустил луч! Кровь парит над павшими иглами! Спускаем лучи и мы, ориентиры берем с излучателя и шлема. Все ближе!

– Унхай! Живой!

– Порядок! Их здесь с тридцатки – не дайте им разбежаться!

В поле зрения бег! Прямо по лужам, оставленным нашими следами! Кровь брызнула мне в очки маски, и... Раздался вопль – зверя или человека! Мне безразлично, я преследую цель!

Сигнала нет вроде... Соскользнул вниз, в овраг, со снежным языком, сошедшим с гладкого камня... клочья мха полетели из-под сапог вместе со снежными снарядами, разрывающимися весенней мокротой... Вот если бы сейчас нас сержант увидел... хотя не думаю, что он ориентируется здесь настолько, чтобы вцепиться нам за это выговор. Помогаю Хорну выбраться...

– Да не лезь туда – ручей заражен!

– Понятно, почему здесь обитает кто-то сильно выродившийся.

С трудом перебрались на другую сторону – выбрались по сырым холодным камням. Стряхиваю с перчаток сухой мох, всматриваюсь в заваленное сухими ветвями дно извилистой лощины.

– Герф, голоса слышишь?

– Нет.

– Идем.

– Наш квадрат здесь. Нас не отзывали. Хорн, на показатели хоть иногда поглядывай! Нам на запад забирать нужно.

– На километр сигнала нет – ничего нет.

– Нам про радиус ментального фона этих тварей подробной информации не давали. Мы не знаем, с какого расстояния их наверняка засечь можно.

Черт... Нас сюда в таком состоянии закинули только потому, что больше некого, но от этого не легче бродить по чащам в полубреду. Хорн остановился, в очередной раз наткнувшись на корявую ветку, заскрипевшую о его защиту – снял шлем, стер с виска испарину, отогнув ветвь, чтобы не выколоть ненароком глаз...

– Давай перекур...

– Не против.

– Я что-то слышу...

– Здесь это не редкость.

Я знаю, что за нами следят очень бдительно, но никто не окликнул, когда мы уселись на замшелый булыжник...

– Герф, что здесь происходит?..

– У нас большие проблемы с живностью, которую мы с таким трудом заселяли. Даже добиваем только самых опасных.

Хорн не в курсе... Он видел только такой же кусок мира, как и я. А в целом картина совсем не утешительная. За ,вроде бы, второстепенные зачистки взялись всерьез... Это свидетельствует о том, что скоро будет уже не до этого. А к чему мы готовимся, уничтожая на своих территориях тварей, которые пока не наносят значимого урона?

Под ликвидацию списали еще кого-то, только уже и сами толком не знают кого. Вернее знают, какими эти твари были... Считается, что их здесь практически не осталось – только те, которые не вымерли, стали прятаться так, что их найти не просто. Только мы их находим и уничтожаем, а когда наши твари бегут на “окупированные” территории – их уничтожают *они*.

Руггеры тоже списаны... Надеюсь, до них руки не дойдут. Несмотря на то, что проекты уже в разработке – мы не можем делать выводы, не можем быть полностью в чем-то уверены. Чтобы хоть кто-то из нас смог выжить, если рухнет система, должен выжить хоть кто-то из них – из наших тварей. Они – наша база выживания – база для воссоздания системы. А система необходима – она объединяет нас, дает возможность действовать сообща. Но она не дает нам возможности выжить без нее... Это относится к любой системе – не только к нашей. Выстраиваются сложные цепочки взаимодополняемости, а мы ослабляем их – рушим цепи реакций и перерождений. А к чему это ведет?.. К расколу? В системах есть иерархия и общая целостность. Система AVRГ – часть большей. Только с сосуществованием у нас извечные неприятности. Мы можем повлиять на эту глобальную систему, не меньше, чем она на нас. Но с нашим влиянием что-то не в порядке, чему доказательство – все эти зачистки...

Ульвэр прав – пора остановиться. Ничто не может существовать без системы – и мы не сможем. Нам не на чем будет построить новую или поддерживать нашу, если уничтожить общую. Нужно оставить окружающий мир в покое, чтобы сферы влияния уравновесились. Нельзя рушить эти связи... Хотя... как посмотреть. Эти твари жрут кору наших елей...

Хорн сейчас в таком состоянии, что запросто не заметит сигнал, – и я его внимание на это обращать не буду. Пусть потом все обыщут андроиды – кого-то из тварей наверняка пропустят.

Хорн поднялся, обошел пару раз вокруг вывороченного корня мертвого дерева, склонившегося над оврагом... Тоже заметил... А в лесу – по примятому мху, по погнутым еловым иголкам след так просто не определишь. Сразу видно – хороший разведчик.

– Видел? Что это?..

– Я тоже думал – след, но вряд ли. Мох сохнет.

– Да нет. Сам посмотри.

– Здесь земля твердая – ночью морозило еще. Если след – старый.

– Иглы-то поверхностно примяты – и не сломаны, как от наших сапог. Герф, там что-то есть.

– Сигнала нет.

– Пошли посмотрим. Командир три шкуры спустит если узнает – не с тебя, так с меня точно.

Ругательства застряли в горле... Покинул елку, прикрывающую от жестких солнечных лучей. Хорн, не слишком торопясь, но с упорством, приближается к ручью. Зыбкий покров еще обледенелой почвы – опавшие синие иглы – для него чуть ли не трясины. Снег на возвышенностях уже почти стаял. Ковер облетевшей хвои не очень мягкий, но зато довольно сухо – это я могу определить больше визуально, потому что форма и защита полностью изолирует нас от окружающего...

– Подожди...

– Прикрывай лучше.

– Хорн, давай я вниз, а ты на прикрытии.

Спускаюсь по бурелому... Мороз по коже... Вроде тихо и спокойно, но и я различаю потрескивание веток, когда замираю. Такое и само по себе возможно, но когда воздух совсем сухой. Правда, дерево еще не успело отсыреть – утро было довольно морозным... Так и ждешь, что что-то подкрадется со спины. Когда с машинами воюешь, такого не бывает. Всего доля секунды и звук замирает вместе со мной, а на эхо не похоже – эти шорохи тоже слегка отдаются фоном среди камней. Там, под моими ногами, под сваленными обломками деревьев... тварь ползет в укрытие или готовится напасть... Опустил дуло излучателя к спутанным растрескавшимся веткам – слушаю технику – ничего... Там – под завалом течет ручей – проблескивает ярким солнцем...

– Хорн, это вода звенит.

– Звенит воздух, а трещат ветки, и хвоя шуршит.

Мы уже давно на ментальные передачи перешли – прислушиваемся... Хорн уперся коленом в гнездовье вывороченного корневища, застыл у меня за спиной – а я так и стою на уступе... Если там тварь – она затаилась, даст деру только тогда, когда из под моих сапог загрохочут в обрыв сорванные камни.

– Герф, а если она не регистрируется?.. Как отключить систему сокрытия? Мы не можем тут вслепую бродить.

– Это ты командиру скажи – и не Норвальду – он тоже этого, кажется, не понимает. Отключи ближнюю передачу с ошейника – система сокрытия вырубится – все просто. А вот, чтобы штраф списали – тебе вслепую придется перебить десяток таких тварей и бросить невидимые трофеи на стол командиру.

– Оно того не стоит? Хоть знать будем, с чем дело имеем...

– Нет.

Черт... У каждого двойная выгода. Хорна просто любопытство замучило, а я... Как последняя сволочь – не хочу убивать эту тварь, чем бы она не была, но и ждать прыжка невидимки с нацеленными мне в горло когтями... Рука потянулась к ошейнику – наша вражда продолжается.

– Хорн, а ведь система сокрытия не работает, если сигнала нет!

– Выбирайся! Нас отзывают!

– Что там?!

– Похоже, объект обнаружен на втором квадрате!

В голове уже схема оцепления... Даже на середине склона увидел вспышки света.

– Герф, пошли!..

Нам и ориентироваться не надо – впереди снова вспыхнул свет... Ни звука... Унхай с андроидом уже на месте – подошли к обрыву... Сержант стоит на самом краю узкой скалистой расщелины. Внизу темно – только мерцает узкий ручей. Корни крошат камни под ногами. А внизу острые сколы, оставленные стоявшим поблизости ледником.

– Герф, Хорн... Эти твари двоих забрали.

– Забрали?

– Туда – вниз. Сигнала о смерти нет, но люди не регистрируются. Тела не нашли. Там норы.

– Сержант, в камнях пробить тоннель могут только руггеры – там твари не живут, только прячутся.

– Где тогда норы?

– Среди корней – в валежнике, но наверху. Возможно, где-то поблизости.

В голове прорисовываются схемы поиска. Огневые точки не проставляются... Унхай повесил излучатель на плечо...

– Герф, Хорн за мной. Остальные прикрывают.

Сложил на мшистой кочке шлем и защиту – по-другому не спустимся. Унхай бросил нам крепежи – активирую их на ладонях...

Следов борьбы нет. Есть все признаки падения не сгруппировавшегося бойца, – сорвался уже мертвым или без сознания. Никакого другого следа не заметно. Проверил лед на кромке ручья – выдержит, если осторожно идти. В общем не глубоко, но вода скорей всего зараженная...

– Лейтенант, вы здесь не!..

Думал, Айнер решил шею свернуть – выбрал для этого самое подходящее место. Но он, соскользнув по пологому склону на отшлифованную каменную плиту, спрыгнул прямо на ледяную корку, выгрызенную еще тоненьким ручейком, окатив нас холодной водой. Даже в лесу у него получается напролом идти... Норвальд остался наверху – сложив на груди руки, наблюдает за нашей бегом. К нам спускается Стикк с тремя бойцами... Только сыплются из под сапог мелкие камни да обдают нас холодными брызгами. Стараюсь рассмотреть след, пока его окончательно не изничтожили. Ничего подозрительного не вижу – ни отпечатков того, кто тащил за собой нашего бойца – а его утащили, тела нигде нет – да вообще ничего не видно...

Идем вдоль петляющего ручейка – прямо по воде – наледь тонкая, мы ее в два счета растоптали в пыль, замутили воду, нанесли грязи... Стикк не доволен – указывает на что-то лейтенанту... Багровые пятна могут быть и какой-то горной породой размокшей в этой слякоти. Никто из нас толком об этом ничего не знает. Боец, сопровождающий Стикка, достал что-то блестящее из воды – подумал бы, что это пригоршня слякотной наледи, но это металл... изжеванный металл, из которого песком сыплются кристаллы и микросхемы... Боец только сжал зубы – он новый. Я не должен поддаваться жалости – я убью зверя.

– Огонь! Вижу фон под корягой!

Айнер, как впередиидущий, открыл такой огонь с двух рук, что мокрые коряги над ручьем стали тлеть. Тут же посыпались сверху тросы с ручными зажимами... Мы наверху. Слушаем вопли. А за нашими ми спинами разгорелся и погас ясный луч. Хорн дернул меня за руку...

– На секунду! Я видел его! Капитан в старой союзной форме! У него длинные волосы! Это он стрелял! Поташил что-то за собой! И!.. Исчез!..

Я всматриваюсь в указанном направлении – ничего... ни следа на просохшей хвое.

– Померещилось, Хорн. Хотя... Мы с Владом... Вернее Влад, таких и в Штраубе, и в Хантэрхайме видел... Но это что-то вроде иллюзии.

Запись №47 00 00 000 00:00

20. 04. 205 год Новой Техно-Эры 17:09

Что-то не спокойно тут стоять. Ждать некогда. В конечном счете Стикку самому пришлось марать перчатки в крови исчезнувшего бойца, а нам с Хорном лезть вверх – на опутанный корнями уступ. Тяжело здесь удержаться. Хорн уже поднялся – иду за ним по кромке обрыва. Между толстыми стволами подтаявший ледок похрустывает под его сапогами – похрустывает очень тихо, но выдает осторожные шаги. Мы готовы спустить луч во все, что не будет на нас похоже, забывая, что даже ничего не увидим...

Я поймал сигнал. Забираю левее, но он становится только четче – тварь довольно далеко. Она должна уйти – не будет же она так просто лезть под наши лучи. Хорн остановился...

– Герф, я что-то не пойму...

– Иди давай.

Обогнал его... Он так и стоит – здесь сигнал сбивается. Сейчас из зоны восприятия выйдем.

– Герф!..

Под ногами ковер из синих игл, которые от железных не многим отличаются. В этой синеве над головой и под ногами только иногда вспыхивает золотом хвоя стареющих деревьев. Небо сегодня ясное, светлое, почти голубое... Я споткнулся... Хорн ко мне резко обернулся...

– Герф, хватит иголки считать! Мы работаем!

Черт...

– У меня труп!

Айнер залез на склон по корягам... Призывает “спутника”...

Лейтенант нас отстранил от... что же это за тварь такая?.. Подошел Хорн и “спутник” Айнера... Унхай наклонился над нашим солдатом... Он лежит на спине, присыпанный еловыми иглами – его спрятали, зарыли. Защита аккуратно срезана, а вот грудная клетка разорвана и растерзана... Голова просто ломается, но нет даже предположений, что это значит... Мы отогнали от добычи хищника, который так голоден, что не может бежать, не оглядываясь?.. Или это кто-то поумнее – убил врага, спрятал, чтобы сбить нас со следа, пока он скроется?.. Я, конечно, не слабонервный, но от этого зверства мороз по коже. Ни люди, ни наша техника, да никто, кого я знаю, таких вещей не делает. Даже руггеры по-другому рвут. Руггеры просто рвут когтями – только чтобы убить, но не так же... Хорн разгрёб хвою, земля пропиталась кровью... Унхай опустил на колени перед трупом, склонился над ним...

– Лейтенант, его задушили сначала – след на горле, это захват когтями.

– А ошейник где?..

“Спутник” достал искореженный ошейник из-под корня, отходящего от земли небольшой петлей...

– Вот нам и ответ.

– Боец упал в овраг мертвым. Потом его снова вытащили наверх и спрятали?..

– Лейтенант, тело протащили по земле только полметра...

Я снова начал проваливаться куда-то в холодные темные тоннели подземелий Хантэрхайма... Ошейник просто душит, хочется сорвать его, освободиться... Он не дает мне видеть того, кто, возможно, имеет подобие рук и может передвигаться на двух ногах, неся на себе мертвого человека – не волоча за собой в зубах...

– Унхай, ищи след!

Стикк опередил сержанта...

– Почва каменистая, лейтенант... Но и на ней можно кое-что разглядеть. Здесь был человек – человек в сапогах. Еще до наших бойцов.

– По каким признакам определил?

Стикк указывает на склон – мелкий щебень рассыпан неравномерно, но мне это ничего не говорит.

– Это след твари – мягкие лапы, но под их тяжестью камни скатились туда – на мох... А здесь поднялся человек.

– Не наш боец?

– Проверьте схемы памяти – единственный из “наших”, кто здесь был – мертвец. Тварь спугнул человек, спустившийся с той стороны.

Айнера начинает коротить, но это ненадолго – нервы долго так искрить не могут, выгорят просто...

– Стикк, там был стрелок – был луч.

– На схемах стрелка там не было.

– На квадрате стрелки были. Ты видел, чтобы они здесь прямо по векторам схем передвигались? По сильно пересеченной местности, которую сканируют по ходу?

– Лейтенант, нужна синхронизация.

– Долго.

– Я синхронизировал схемы, заложенные в память бойцов, с их реальным расположением каждые пять минут. Можно провести общую синхронизацию, S9.

– Занимайся.

Усмешка сошла с лица Стикка, надо работать с “защитником”. “Спутник” уже взял слюну твари на анализ... Айнер ждет результата.

– Сейчас подберем им подходящую отраву... Стикк, оставь – потом схемами займемся. Оставь это на машины.

– Здесь был кто-то еще...

Хорн вдруг как очнулся...

– Здесь был капитан... из отдела внутренней безопасности. Я его видел – издали, но форму опознал. Сначала мне показалась, что на нем старая форма союзника... Меня смутило, что у него были длинные волосы. Есть предположение, что это – давно скрывающийся в лесах дезертир.

– Зарегистрировал?

– Нет... Возможно, ошейник зарегистрировал – нужно память проверить.

– Хорн, а твоя на что?

– Еще не полностью восстановлена после боя на полях Анлагена.

Все устали на лейтенанта...

– А я что, знаю, куда они нос суют? Хорн, уверен?

– Да, только на нем была парадная форма.

– А то... гуляли до утра...

Стикк никак не хочет упустить возможность выслужиться – в его положении это понять можно.

– Сигнала не было.

– Не доложили, Стикк.

– У меня не было сигнала.

Айнер не может отчитать командира взвода при нас, отвел в сторону – как будто мы не в курсе зачем. Не вовремя ему Стикк под руку подвернулся – если кто-то говорит Айнеру, что держит ситуацию под контролем, а что-то не складывается, ему же хуже будет, хоть наплюй на все и иголки считай, а там – недосмотр того, этого... А нет, я ошибся – они о другом... Как не прислушиваюсь – без толку – они переключились на ментальный контакт.

Всем понятно, что все не так как-то... А мне еще что-то в голову лезет – помню я нечто подобное – бледное лицо, черная парадная шинель... но откуда, когда?.. Видимо, теперь я обречен проваливаться в шахты Хантэрхайма каждый раз, когда начинаю нервничать – это выбивает из меня не только мысли, но и душу...

Где-то недалеко вспыхнул пригашенный свет – не заметил бы, если бы все не сорвались с места... Бежим в низину, ломая сучья, по щиколотку проваливаясь в лохмы мхов... Слабый ветерок еще не рассеял запах опаленной кожи... Встал за широким стволом – сигнала нет. Выставляю ручные настройки. Выхожу на точку... ничего.

– Чисто!

Не то слово – мох выдран клочьями, трава оплевана густой темной кровью – у кого-то с легкими проблемы... Как мне это знакомо. Сержант четвертого отделения докладывает лейтенанту, что его бойцы оружие не применяли. Айнер злится.

– Кто тварь убил?! Сигнала нет – трупа нет! Но все указывает на его наличие! Где труп?!

Сержант молчит – сказать нечего.

– Забрали, лейтенант.

– Кто забрал?!

– Хищник.

– С оружием?! Хищник?

– Охотник, лейтенант.

– Кто здесь, кроме нас, охотник?

– Возможно, люди из отдела внутренней безопасности.

– Что?

– Мой боец утверждает, что видел их капитана.

– Да кто из вас стимуляторами обдолбался?!

Только угол губы сержанта нервно передернулся...

– Людям кололи стандартную дозу перед операцией – мы не спали всю ночь.

Айнер сорвал ошейник – осматривается...

– Труп нет!

– Его забрали.

– Люди DIS – последние люди, которые могут себе позволить подобные развлечения! Или здесь у вас не так заведено?!

Сержант молчит... Действительно, трудно представить Айнера с полковником Скармом, выслеживающих скингеров на ледниках Хантэрхайма, чтобы отстрелить ночью забавы ради... А у нас бывает. S9, конечно так не поступают, а капитаны, у которых на это хватает и времени, и “человечности”, вполне. Правда, не часто – за такую разрядку штрафуют.

Когда увидел, что Стикк пролезает через разбросанный валежник, побежал к нему...

– Это нора, командир!..

– Что кричишь? Она пуста.

– Тварь уползла в нору!..

– Пыталась, Герф, но ей не дали. Видишь, здесь человек ее схватил...

Стикк наклонился к норе, выпрямился, повернулся ко мне – на его грязной перчатке клок волос – не шерсти – длинная прядь тонких белесых волос... На них отсвечивают затаившиеся в небе хрупкие фиолетовые облака...

– Вот это, Герф, точно не принадлежит человеку, но кому-то очень на него похожему...

Он прикрыл прядь от солнца – фиолетовый отсвет не исчез, даже не съелся синеватой тенью.

– Волос блеклый, но пигментированный...

– А что это значит?

– Натворили мы чудовищ, за которыми не углядишь, которых не сосчитаешь...

Командир бросил прядь в нору вместе с перчатками еще до того, как я успел запротестовать... “Спутник” уже притащил лейтенанту пару контейнеров с химикатами. Если не сейчас... Не знаю, когда еще представится такая возможность – схватил Стикка за плечо.

– Вы сохранили ту информацию, которую отдал вам Лесовский?

– Конечно. Она не должна пропасть.

– Мне нужна копия схем.

– Зачем это, Герф? Думаешь, я разбрасываюсь сомнительными предложениями без веских причин?

– Я не...

– Сейчас не время. А когда оно придет – буду иметь тебя в виду.

– Мне нужны схемы только, чтобы сохранить.

– Они в надежных руках, и сейчас не должны попасть в другие – не время.

– У кого они?

– У полковника Ульвэра.

Я онемел... не ожидал. Действительно, более надежно и неприкосновенно их не сохранит никто. Как можно забрать информацию у полковника? Нет, не правильно – у человека S12. Это невозможно. Стикк и пальцем о палец не ударит – нет прямой угрозы бессмысленной смерти – он не помощник...

– Что встали! За дело! Лишим охотников охранных подразделений последнего удовольствия!..

Айнер орет, срывая голос... и Стикка перекричал... меня передернуло ознобом, а Айнер скривил рот – доволен – травля началась...

Темнеет – валимся с ног, но не отходим... Я отсырел – если не снаружи, то изнутри, к вечеру температура ушла в минус. Разбитое о камни колено клинит от бесшумной нагрузки. Из оцепления бойцы не пропадали, а трех стрелков найти так и не можем. Крики удушья и разъедающей боли беспрестанно повторяются эхом в моей голове. Кем бы не были эти твари – мне их жаль. а пропавших бойцов так и не нашли. Они раздирают наших людей... но мы – охотники. Они портят лес, но мы сейчас делаем то же. После травли придется проводить коррекции. Эти твари нам нужны... Вспомнил разорванного в клочья стрелка, и понял – у меня бред. Сейчас ликвидация не кажется остро необходимой – можно было бы и подождать. Мы уничтожаем их сегодня потому, что не знаем, чем эти твари станут завтра – потому, что мы не знаем, что завтра будет с нами...

– Уходим!

За нами прилетели “стрелы” – теперь они никого не спугнут, а нам не придется топтать пешком по зараженной нами территории. Смотрю, как муравьи покидают свои муравейники, сложенные из помутневших синих иголок... Они торопятся, но не успеют. Насекомые и устойчивы к нашим отравам, да не ко всем. Бегут, как крысы бежали из Хантэрхайма – как бежали мы с Айнером... Бежали, пока не осталось ничего, кроме списка погибших, с именами таких же уставших людей, как и мы... среди снегов Хантэрхайма, которые зовут тебя в пустоту противостояния. Я ощущаю тихие отголоски зова ветра – брось все, возненавидь и иди за мной, пока ты, не наберешь силу, не разгонишь кровь на леднике... иди за мной по призрачной тропинке змеящейся поземки... Ветер избрал зов, который мы не можем игнорировать – вой сигнала тревоги, по которому мы даже не понимая, что делаем, еще не проснувшись, уже бежим на сбор... Ветер поднимает из глубины силы для противостояния его холоду, беспрепятственно носящемуся по покинутым жизнью просторам.

Запись №48 00 00 000 00:00

21. 04. 205 год Новой Техно-Эры 06:00

Проснулся с таким мертвым грузом на душе, что первым делом достал из-за ворота куртки крысу.

– Сашка, голодный наверное?.. Ничего, сейчас в столовую пойдем... Сейчас на нас поорут на построении, и пойдем завтракать.

Мне и здесь придется напоминать себе, что я еще жив – что я не один еще жив. Не заметил, как прошло построение, что сказал Стикк, что кофе уже остыл, – почти заснул в накуренном тепле...

– Герф, пора на базу.

Хорн решил не откладывать встречи с чудовищами Ульвэра. Он из тех, кто никогда не опускает руки – всегда правде в глаза смотрит, но как оказалось не всегда с улыбкой. Мне тоже не очень хочется спускаться на базу – не только из-за теплого солнца – Замухрышка почти всю неделю стоял. Хантэрхайм и Шаттенберг основательно прошлись переводами по полку – по командирам, по бойцам... А с ним никто из новых не справляется. Представляю, что сейчас на базе творится. Уже посмотрел отметки – Замухрышка видимо меня дождался – редко кто его работать берет – заперли на все засовы, и на этом разбирательства в его характере и окончились. Скверный зверь... но и я ему бывало грубил... Не знаю уж, как Айнер тогда управился, но офицерам этого не положено. Они седлают подготовленных зверей только на парадах. Все думаю – помнит меня Замухрышка или уже забыл...

Что-то мы не правильно делаем – Ульвэр с ним без кнута справляется. Зверь должен ощущать контроль, но полностью его зажимать – только хуже. Нарваться на протест, вызванный откровенным насилием, и так же подавлять его, пока тебя не застанут врасплох, пока ты не устанешь – не годится. Как по-другому? Мне еще многому надо у них научиться, многому надо их научить...

Мы не так уж сильно отличаемся от чудовищ Ульвэра... Только неразумных тварей понять тяжелее, хоть вариантов возможных действий меньше. Я знаю – зверя ведет логика – логика инстинкта. Но и воспитание и привязанность для них часто значат не меньше, чем для нас. Контроль авторитетом – общая цель. Может быть это то, что нужно? Ведь мы отвечаем насилием только на насилие. Мы обеспечиваем этим тварям оптимальные, более стабильные, чем в природе условия, не угрожаем – они выполняют за это определенные обязанности. Они готовы на это, не понимая этого? Нужно объяснить. А как? Вся проблема в том, что для нас это не выгодно – для нас выгоднее взять от них все – рывком, не затрачивая лишних сил. Нам от них нужно то, что без генетических коррекций они не отдадут без сопротивления – жизнь. А в том, что делает Ульвэр, мы не видим особой нужды. На нас работают машины, а зверь – только мясо. Разве можно хотеть от раба, уже в генетической памяти которого только страх смерти, добросовестного исполнения какой-то побочной работы? У нас есть над ними прямая власть ликвидатора, но другую мы

получим только, когда они получают равноценную власть над нами. Когда мы будем равнозначно нуждаться друг в друге. А такого не будет – слишком сложно соотнести экономическую выгоду далекого будущего и настоящего – даже бессмертным. Слишком много работы для достижения такого результата. Войну, начатую корректорами, неизменно оканчивают ликвидаторы – а это к чему ведет?

Хорн трясет меня за плечи...

– Герф, да проснись ты!..

– У нас еще есть время...

– Вот и я о том. Возьмем “стрелы”, и в информационный центр...

– Зачем?

– Возьмем с собой старого умного ястреба Влада.

– Зачем, Хорн?

– Вопросов много...

– У командира спроси.

– Все на них отвечают по-разному, а вот получается одно и то же. Хочу проверить.

– Не думаю, что вернувшись в прошлое...

– Я и не возвращаюсь. Оно всегда возвращается к нам. И именно потому, что мы не можем из него выйти. А для этого нужно только обернуться – не уперто смотреть прямо перед собой, не видя ничего вокруг и позади себя.

– Да, проследить верный путь, когда заблудишься, помогает, но не сориентироваться во всем и сразу. Тогда уж и молодого ястреба возьмем.

– Герф, а ты о них вообще откуда знаешь?

– Все мы – в Штраубе иногда их находим...

– И мы в Хантэрхайме нередко к их помощи прибегаем... прибегали... Вам здесь мудрые мысли искать особо не надо – пока, а нам приходилось. Пошли.

Уложились минута в минуту. На базе порядок относительный. Кажется, новые люди ориентируются лучше тех, кого вырвали с севера до того, как он их окончательно убил. Унхай, как тень, остановился напротив меня... Я видел его только в ярком сиянии Хантэрхайма – в этой полумгле его глаза просто проваливаются в бескрайнюю темноту... Мрак не смягчил жестокости поджатых губ, только скрыл все, что можно было принять за какое либо другое выражение. Он перешел в этот полумрак из света Хантэрхайма, и его напряженный взгляд, кажущаяся невозмутимость режет до крови ком в горле – мою память.

Сержант наблюдает, как я активирую записи на закрытой норе Замухрышки – обе двери сошлись намертво – отсек заблокирован... Как я понял, всем было не до зверя – похоже, он в этом отчасти виноват. Стою в нерешительности – может, его сначала вволю отгонять на пустом плацу?.. Радуюсь, что Стикка нет рядом. Унхай меня не торопит – если он и имел дело с подобным зверьем, то очень давно. В поисках подсказки или поддержки обвел сектор взглядом – поблизости нет никого более опытного, чем я.

– Герф, что стоишь?!

Лейтенант с видом надсмотрщика застыл в открытых воротах тоннеля.

– Готовлюсь, лейтенант.

– Это ваш самый скверный зверь? Открой отсек – покажи мне его.

Айнер осмотрел всклокоченного зверя, рвущего растяжки на мониторе – дверь я открыть пока не рискнул.

– Седлай. Отдай мне пульт.

– Лейтенант, вы...

– Седлай. Раз я должен сделать это в приказном порядке – сделаю сейчас.

– Возьмите кого-нибудь из этих руггеров, лейтенант.

– Седлай этого. Мы с ним поладили.

Айнер злой – Замухрышка тоже злой. На что они способны на зло друг другу? Сержант уже послал Хорна за командиром взвода... Но я не уверен, что Стикк сможет его переубедить.

Айнер не стал ждать – сам разомкнул отсек. За спиной еле заметный огонек снятого со ждущего режима излучателя – сержант готов застрелить зверя, если тот нападет. Мне не пришлось думать, как зайти в “нору” – лейтенант оглушил зверя разрядом.

– Что ждешь?! Седлай, пока он слюну пускает!

Айнер бросил шинель сержанту – поставил ногу на стремя, только я активировал подпруги... С правилами он знаком – то что он делает, в них не вписывается. Но как подступиться к Замухрышке я не знаю. Ничего другого придумать все равно не могу...

– Герф, упор колена не работает.

– Всадник не может быть прикован к этой твари.

– Почему?

– Они могут...

– Что они могут, чего не может машина?

– Они могут дурить, лейтенант.

– Сейчас посмотрим. Снимаю растяжки. Уходите подальше.

Хорн сел на пол рядом со мной, покосившись на вмятины от когтей Замухрышки на панелях... Тренировок сегодня нет – всех отпустили отдыхать. Только Стикк расхаживает по коридору, только сержант все переключает мониторы, только мы ждем... Унхай никак не может поверить, что объект не загружен на ментальное обнаружение, что здесь есть слепые зоны. Его как-то придавил этот намек на вольности, и он не знает, что делать. Стикк запретил ему начальству докладывать, что мы потеряли и лейтенанта, и неуправляемого зверя. Вот мы и ждем, и ломаем головы – кого нам по кусочкам собирать придется – Айнера или Замухрышку? В любом случае от Ульвэра всем достанется... Унхай развернул монитор шире...

– Есть, командир – я его вижу.

– Кого из них?

– Обоих.

Стикк с недоверием взглянул на монитор, но сразу нацепил ядовитую усмешку...

– Вот уж не думал...

Долго ждать не пришлось – в коридоре уже клацают когти зверя. Встали с Хорном по обе стороны коридора, чтобы принять тварь, еле передвигающую ноги... Айнер сполз с седла, оперся плечом о стену... Вид у них обоих побитый и недовольный, но нервы не искрят до осязаемости – так всегда, когда провода обугливаются – больше не искрит. Мы не видели саму борьбу, но кончилась она ничьей. Значит будет продолжение. Стикка это не радует – нам от этой борьбы тоже перепадет. Я еще не знаю, как к этому относится – я на зверя особого влияния не оказывал – только поддерживал его навыки. Ульвэра устраивало – он успокаивал эту тварь. А что с ней сделает Айнер?.. Смотрю на падающую ключьями шерсть Замухрышки – он либо скоро полностью облысеет, либо наконец перестанет линять, найдя выход злобной энергии. Единственное, что я точно знаю – после придется проводить в секторе капитальный ремонт. Только я собирался заняться воспитанием чудовища – найти и убрать причину злобы или хотя бы разрядить ее... заземлив... Но Замухрышка – это ладно, а вот лейтенант... Ему здесь работы мало – не найдут ему работы, он будет ее искать...

Запись №49 00 00 000 00:00

22. 04. 205 год Новой Техно-Эры 22:10

В голову ударил свежий воздух... Все изменилось, но только сейчас я начинаю понимать, что именно. Изменилось не только окружающее, но и мое восприятие... Я постоянно проваливаюсь в бездны Хантэрхайма, но все во мне вытесняет порядок Штрауба. Я прямо чувствую, как разливается в крови несознательная уверенность и спокойствие. Стабильность и уверенность исходят от всего – от самого города, от его обитателей. Все встает на места. Это не то что в Хантэрхайме, где дисциплина была жестче, но... жесткая дисциплина исходила извне, заковывая отчаяние, готовое прорваться в любую секунду. Здесь этот порядок исходит изнутри, и хоть воздух

и продолжает звенеть – этот порядок даже глубже, чем был. Все изменилось после падения Хантэрхайма – города, который мы так долго держали, который был для нас так значим, и который мы потеряли из-за вырвавшегося на свободу отчаянья. Но я продолжаю думать, несмотря на этот овладевающий мной порядок. Я продолжаю думать о том же, о чем начал думать там – на севере... Теперь нет бесконтрольного отчаянья – я вдыхаю порядок и уверенность со сквозняком, с нашим дыханием.

Выбрались из окна закрытой на ремонт столовой во внутренний двор... Уже слышу знакомые слова, знакомые голоса... Да, знакомые, хоть я почти не знаю этих людей, – из нашей роты, но пока еще чужих. Просто я люблю эту песню – почти наш гимн. Хорн прыгнул за мной на лужайку – купол на ночь разошелся, уже так не морозит, и траву треплет легкий ветерок... Акустика здесь великолепная, а чтобы не видеть высоких стен широкого двора, достаточно упасть на спину, на мягкую траву... Над нами зависли звезды – небо очень ясное. Темно, только один мощный фонарь подсвечивает наши лица... И я узнаю их – никаких сомнений – я узнаю их (не тех безликих, что были в Хантэрхайме).

Во всех нас есть что-то стандартное – это то, что заставляет меня ощущать уверенность, исходящую от самих стен Штрауба, и то, что заставляло мою кровь кипеть и замерзать, когда горели и замерзали стены Хантэрхайма. Это то, что переполняет восторгом на парадах, и то, что делает нас машинами на боевых операциях. Это что-то незримое, исходящее от нас самих. Так бывает и при сбоях – кто-то дает сбой, и появляются другие... Это не так легко спровоцировать, но и остановить очень сложно... Будто какой-то вирус передается через ментальный фон – стоит ему попасть в благоприятные условия и он множится, распространяется. Шаблоны? Нет – мы не шаблоны. Достаточно посмотреть в глаза, чтобы понять, насколько это не так. Просто что-то незримое связывает нас в одно, объединяет... Как эти песни... Но даже в них что-то исподволь настораживает – раньше не видел подтекста, а сейчас грядущие тяготы, которые мы преодолеем ради чего-то еще более грядущего впечатываются в мозги...

Достал из-за шиворота Сашку – пусть по первой траве погуляет, помарширует вернее (он же был обучен еще бойцами Хантэрхайма). Я страдаю, что Влад больше не увидит это дерево и звезды Штрауба... Как же так могло выйти в такой совершенной системе... в системе, в которой я не даю себе права усомниться.

Не смог надолго забыться и отдохнуть – пошел искать Айнера – он должен помочь. Мне нужны наши с Лесовским схемы, но я не знаю как их взять у Ульвэра. Я знаю, что не смогу разослать информацию каждому, у кого может возникнуть в ней нужда, – не позволят, только из опасений, что нужда в ней возникнет не в предусмотренное время и не в том случае. Схемы на грани законности – слишком удобно это для дезертиров. Придумать ничего лучше у меня пока не получилось, но уверен, что получится, когда информация будет у меня. Можно распространить ее в закрытом виде, а доступ к ней откроется только... после чего к ней откроется доступ?..

Нашел лейтенанта без труда – он идет мне навстречу. Я положил руку на плечо, приветствуя его...

– Что вы там делаете после отбоя?!

– Отбоя еще не было, лейтенант.

– Скоро будет!

– К отбою все будут на местах.

– Проверю.

– Позвольте задать вопрос.

– Спрашивай.

– С браслета возможно забрать информацию, если он не дает мне доступа?

– Герф, я очень сочувствую твоей сопутствующей технике. Мало тебе ошейник мучить, что ты с браслетом сделал?

– Ничего, лейтенант.

– Отнеси в техцентр.

– Я хотел бы сделать это сам.

– Что ты там вообще такое творишь?

- Ничего особенного, лейтенант. Просто мне нужна эта информация.
- Покажи браслет. Сейчас тест проведем.
- Тест?
- Да. Я могу это сделать и открыть твою информацию.
- Черт... Айнер решил мне помогать основательно. Протянул лейтенанту руку...
- Герф, все в порядке. Нет ничего с закрытым доступом или сбившимся кодом. Герф, ты?.. Айнер смотрит мне в глаза. Его глаза широко открыты – он меня насквозь видит...
- Благодарен вам за помощь, лейтенант. Я попробую снова. Может быть дело во мне, как с ошейником.
- Герф, что за информация?
- Это не секретная, не закодированная информация, и государственного значения она не имеет, лейтенант. Это личная информация.
- Дай мне браслет, Герф. Я проведу вторичный тест.
- Думаю, не нужно.
- Герф, эта информация на твоём браслете? Ты хочешь забрать что-то с *чужого* браслета?
- Айнер смотрит на меня очень внимательно...
- Нет, лейтенант.
- Ты ведь что-то конкретное имеешь в виду. Говори. Что за информация? Где она?
- Это самые обычные материалы из информационного центра.
- Иди в информационный центр и возьми их снова.
- Просто она уже составлена по темам.
- Возьми копию у того, у кого она сейчас.
- Я не могу.
- Почему, Герф?
- Он...
- Герф!
- Он не отдаст ее мне сейчас, а она мне нужна.
- Хочешь, чтобы я его попросил?
- Если мне теперь лейтенант будет так помогать – я скоро стану трупом. Что ж – сам виноват. Айнер смотрит мне в глаза...
- Не получится, лейтенант.
- Это почему? Несговорчивые перестают быть таковыми после переосмысления, которому способствует тишина и холод карцера. Это как в Хантэрхайме, Герф, только в Хантэрхайме сжатом до двух квадратных метров.
- Лейтенант...
- Что темнишь? У кого информация?!
- Айнер ударил сознание запрещенным приемом...
- У полковника Ульвэра.
- У Ульвэра?.. Ты?.. Ты собирался залезть в память браслета полковника Ульвэра, и забрать информацию? У Ульвэра?!
- Нет, лейтенант.
- Очень сомневаюсь в том, что Ульвэр будет хранить в памяти *твою личную* информацию!
- Айнер держит меня за плечо – больше на арест похоже, чем на дружеское увещание. Я тупица! Как это у него получается только – под его взглядом говоришь все как есть.
- Герф, что за бред?! Когда ты тупить перестанешь?!
- Лейтенант...
- Сутки, Герф! Сутки чтобы подумать о том, что ты надумал!
- Сержант внутренних войск остановился на почтительном расстоянии от нас и наклонил голову в знак приветствия. Я снова влип... Вспомнил изуродованный ошейник солдата, растерзанного неизвестно какой тварью. Сейчас мне бы хотелось, чтобы мой ошейник постигла та же участь...
- Сержант, берите его память на анализ... и в карцер на сутки!

Ничего не жду – просто сил нет. Даже не прислушиваюсь к шагам за дверью. Сержант проявил должное уважение и фонарь не забрал. Крутанул его на полу – с каждым оборотом светового поля темная загадочность карцера рассеивается в обыденность тесной холодной коморки. А столько легенд про это место... Сюда не просто так попадают – нервы всегда на пределе, и чего только не привидится в черной пустоте. Говорили даже, что у этой тьмы нет границ... Даже смешно стало. А когда увидел нахохлившуюся в углу крысу, так еще смешнее. Чтобы не умереть от скуки, приманил Сашку...

Забавная тварь – уж очень на человека похожа, когда на задние лапы становится. Сообразительная – честь отдает. Сама, пока я ей не соврал, что офицер, – она и не подумала. Даже кусок сахара не пронял. Ну так честь за сахар не отдают... Наверное, насмотрелась на нас – это у нее на слово офицер условный рефлекс выработался.

Крыса перестала проявлять признаки уважения – вполне по-дружески уселась рядом, чтобы погреться. Наверное, разоблачила мой обман – не могу я врать – даже крысе...

Кажется, что мы с Сашкой продремали уже не одни сутки. Исходил карцер и вдоль, и поперек, замерз до озноба, но до стука зубов еще далеко. Здесь в общем не такая морозилка, чтобы нанести мне реальный вред. Как я ни хочу, ни пытаюсь – заснуть не получается. Прислонился к гладкой стене – шею ломит. Ничего... На панелях ни трещины, ни царапины... Стал рассматривать крысу... Серая, как стены Штрауба... Обнаружил, что на передних лапах – руках, пальцев больше, чем на задних...

Запись №50 00 00 000 00:00

– Айнер! Ты все испортил! Как ты мог!? Мя-яу... Только не ты... Ты нас один раз спас, а в другой раз погубил... Как ты был прав, когда говорил, что будущее складывается из прошлого, как и мы из того, что едим...

Айнер на меня не реагирует – сосредоточился на киберпространстве... D40 тоже отрешился...

– Айнер! Готовь лучевую пушку!

– Кот!..

Ха-ха. Так и думал – это единственное, что может привлечь внимание человека на сто процентов.

– Айнер, ты все испортил...

– Что, Кот?.. Да, я пока ничего толком не нашел, но...

– Ты посадил Герфа в карцер и все испортил. Мы теперь, как говорят крысы, так и останемся теньями будущего... На этом записи кончаются...

Айнер взглянул на монитор...

– Тупой кот... Просто на этот год записей больше нет.

– Это как? Герф все записывал...

– Не все попало в архив внутренней безопасности. Видишь, как ему карцер помог? Может и тебе поможет?

– Нет, не надо... У тебя все, как-то через край, как решаешь дисциплину наводить...

– Наводить, это не выводить. Если вывести дисциплину так, что она изведется и переведется – это не так сложно – так ее наводить не из чего будет. Останется разве что бардак. И вообще, Кот сначала думай, как предложение составить...

– Это у нас по-кошачьи так. У тебя тоже лексикон не совсем человеческий.

– Не надо, Кот, к моему лексикону претензии предъявлять – я не машина, имею право. Что ты там выслушал?

– Герф отдал справочник Стикку, а Стикк Ульвэру, а Ульвэр его Герфу не вернул. И Стикку тоже не вернул.

– Черт... D40, что там с записями Стикка?

– Ничего, S9. Подробный отчет, но ничего касательно этой темы.

– Стикк грамотный человек – ничего лишнего не делает.

– Мяу... Зато Герф...

– Кот!

Что он на меня орет?.. Нервничает. Он всегда дисциплину наводит, когда нервничает, и бьет и топит, тоже когда нервничает... Хорошо, что я об этом вспомнил. Я вдруг услышал, как звенит воздух – как я атмосферой пропитался... Нет, воздух не звенит, а скрипит... Это крысы что-то на столе выцарапать пытаются... Айнер!.. Долбанул кулаком по столу, так что и крысы подскочили!.. и даже я немного...

– Крысы!.. Хватит портить собственность AVRГ!

Крысы построились и отдают честь...

– Мя-яу...

– Кот, не делай так больше!

– Мя... Да... Айнер, они во благо стараются – имена героев записывают... Кстати про имущество... Где твоя мумифицированная лиса из музея Шаттенберга?

– Там оставил. Не привык я к собственности, Кот. Мы в душе как бы собственники, но уж очень собственность на деле обременяет.

– Они лису не оживили?

– Ее нельзя оживить.

– Можно новую сделать – в лисе остались эти гены...

– Каменные истуканы никогда такую вещь не сделают.

– Ты бы мог это сделать, если бы мы нашли материалы генетиков...

– Поэтому, Кот, я ее предусмотрительно оставил там. Лучше держаться от соблазна подальше. Этого нельзя делать.

– Почему? Почему лис нельзя адаптировать и заселить?

– Во-первых, потому что этого не смогли сделать и в наших лабораториях, а во-вторых, потому что вы уже приспособились и сосуществуете, а если кто-нибудь новый кого-нибудь лишнего съест... Это может иметь последствия.

– Можно все просчитать...

– Хватит, Кот. Давай за дело. Записей Ульвэра здесь нет, так что придется с тем что есть работать и надеяться, что карцер не настолько вправил Герфу мозги, что он перестал этим справочником заниматься. Что сидишь?! Дел еще по горло!

– А мы спать больше вообще не будем?

– Некогда. Твоя невеста за всех нас дрыхнет. Давай загружай следующую запись, и докладывай, как что-то найдешь.

Запись №51 00 00 000 00:00

24. 04. 205 год Новой Техно-Эры 11:00

Стоим на посту, молчим... Настроение паршивое и у меня, и у Сашки. А поводов, хоть отбавляй. Воздух звенит... Мы стоим около врат экранированного бункера и сменщиков дожидаться не можем. Это плохо экранированный бункер. Вернее, он экранирован хорошо, но в нем невозможно находиться, потому что голова болит невыносимо. Его экранировали на отражение сигнала – обшивка никакие сигналы не пропускает (вообще никакие), и бункер можно с полной уверенностью считать не обнаруживаемым и абсолютно секретным. Его не обнаружат ни *их* разведчики, ни *их* наземная техника. Только отраженные сигналы... Черт, все отражается, и наш ментальный фон... И у нас и у нашей техники от таких отраженных помех эффективность просто рушится. Бункер будут переделывать – поставят поглощающую обшивку. Это безумно дорого. И поглощающая обшивка не на сто процентов защитит бункеры и тоннели от утечки ментального фона. Правда различить его невозможно даже при отсутствии внешних помех. В общем это значит, что наше обеспечение поскуднеет. У нас вообще с энергией черт знает что... Просто прорва... Я даже представить не могу, на что может уходить столько энергии. Вроде, это все из-за того, что наши ученые разрабатывают утвержденные Советом проекты и даже перешли на экспериментальную фазу каких-то из них. Мне даже страшно подумать, что за оружие, что за

чудовище может сожрать столько энергии еще на экспериментальной фазе. Из Шаттенберга составы с рудой гоняют и днем и ночью... Скоро они так всю планету переработают. Штрауб практически полностью обеспечивается энергией солнца, но ее нам всегда не хватает. В общем энерголимиты мы все-таки превысили... Но все это не так портит мне настроение, как то, что на наши южные укрепленные базы постоянно налетают их истребители и даже “белые медведи”, и что Хорн уже двое суток в корпусе восстановления после последней зачистки. С Хорном все нормально будет, и так понятно... Нет, не это... Самое худшее, это крушение моих надежд. Хотя я и подготовил все для отвлечения внимания офицеров внутренней безопасности, я так и не получил наш с Владом справочник. Ульвэр мне его не отдаст, а сам я его не повторю, как я уже понял из безуспешных попыток. И не в том дело, что времени почти нет... Не могу и все. Боюсь, что справочник так и не станет общим достоянием, а так и останется нашей с Владом надеждой.

Скорей всего так и будет, потому что, даже если Ульвэр отдаст мне справочник, и если офицеры внутренней безопасности забудут подробный доклад о моем плане из моей памяти и не обратят внимания на новые координаты, на новые данные, появившиеся в сети памяти, то... У нашей надежды просто не останется базы для осуществления. Да... Руггеров давно списали, только эти тупые звери – те что еще остались на воле... Угораздило их сбежать с огороженных территорий и портить наши тоннели!.. Теперь назначили зачистку. И назначили ее на сегодня, и продолжится она завтра и послезавтра... И Ульвэр как не старался, ничего сделать не смог. Он сам будет на зачистке присутствовать. Странно это – что душу травить?.. Только он настоял, чтобы зачистку его люди проводили. Может думает, что мы с ними справимся лучше, или ликвидируем не так жестоко, или даже отловим кого сможем?..

Время идет ужасно медленно. Голова раскалывается... Я надеюсь, что перед зачисткой успею выпить наш с Айнером уже традиционный пятиминутный кофе в информационном центре. Мы с ним практически каждый день там случайно встречаемся на пару минут и пьем вместе кофе в неформальной обстановке... Это немного рассеивает ощущение забега на длинную дистанцию. Даже зверинец Ульвэра, который когда-то был временной дырой, с приходом Норвальда и Айнера таковым быть перестал. Порядок, как и раньше, только дел и беготни получается раз в десять больше. Не знаю, откуда Айнер берет столько дел, которые нуждаются в срочном исполнении?.. И главное, не придерешься – это все действительно надо делать... Он после Хантэрхайма такой... Если бы не противоположный характер капитана, который постоянно тормозит Айнера, если бы не наши сержанты, то лейтенант и нас и себя давно бы уже угробил... Надеюсь, что ему, как “пограничнику”, ведома та грань, до перехода которой люди заняты настолько, что не успевают думать не о том, о чем нужно. После перехода этой грани наступает апатия от изнеможения, а на самой грани... Это как в Хантэрхайме – люди еще не вымотались до того, что уже ничто не имеет значения, и включились защитные механизмы, которые дали резервную энергию. А там, как бы не был загружен, в голову лезут мысли, о том, о чем думать не следует.

– Сашка, ты еще живой?

Сашка слабенько отчитался...

– Вроде, да. Это ты с чего?

Я впал в шок, пытаюсь что-то понять, но не получается... моя крыса передала направленную задачу, способность к которой есть только у людей...

– На всякий случай.

– Трупы не могут весь день стоять.

– Может, окоченевшие и могут...

– Не настолько здесь холодно.

– Мне всегда холодно.

Сашка окинул меня понимающим взглядом, и снова застыл, как заледеневший мертвец.

Ничего... Скоро сменщики придут. Если бы этот бункер не был так экранирован, пост можно было бы считать отдыхом (здесь работает не так много людей и техники, и нарушений, следовательно, немного). А там еще пара минут, и горячий кофе... Правда, каким бы Айнер не был необычным офицером – никогда нельзя забывать о субординации: даже в неформальной обстановке. Как бы он меня иногда не злил, как бы я к нему хорошо не относился, – он мой

командир и, мало того, – он S9. Так уж наше общество устроено – диапазон вертикальной мобильности и вертикальной коммуникации неширок. Вот так – я рядовой, и в социуме могу передвигаться только по горизонтали, и даже только в диапазоне своего уровня сложности. Это значит, что как тебя при первичном распределении назначили, понизить уже не могут. А меня, например, повышать некуда – я ни унтер-офицером, ни офицером никогда стать не смогу. Вот Стикк, как человек уровня N4 может быть как сержантом, так и командиром взвода. Только из-за его склонностей к подстрекательству к дезертирству, ему бы повышение не грозило, если бы выбор был. А так его приказом взводным назначили, без его согласия – это единственный случай, когда человек может по запросу уйти с понижением, только Стикк не такой человек, чтобы такой запрос написать. Теперь Стикк – наш взводный, пока не использует свое положение во вред обществу...

Снова подумалось, что N2 самая привилегированная категория людей – и груз ответственности не неподъемный, и ограничений в действиях не так много. Лейтенантам и капитанам тяжело, потому что на них ответственность непосредственного ведения боевых действий, а про высшие категории я вообще не говорю. Офицерам-администраторам легче, конечно. За снабжение у нас сейчас в основном машины отвечают, так что...

Сменщики!.. Обменялись с ними сочувственными взглядами и сдали пост. Пошел в информационный центр...

Айнер то ли спит, то ли в киберпространстве...

– Лейтенант...

– Принеси кофе, Герф... Сейчас снова беготня будет... Как достало уже все это...

Я только слегка кивнул – ему так говорить можно, а мне нет, хоть меня все достало не меньше, чем его. Поставил перед ним чашку кофе и сел рядом...

– Как ваша рука?

– Да сколько ты мне про нее напоминать будешь?!

– Вы же про нее не забываете. За такое время должна была пройти уже.

– Не прошла, и не собирается. А эти в медчасти, как всегда – раз рука функционирует, уже хорошо, а что болит... Я уже механический протез запрашивать устал!

– Так это дешевле, чем вторичное восстановление.

– А им плевать! Тупо!.. Они все считают – эти чертовы администраторы! Это не выгодно, Герф, потому что я эффективность действия потеряю с механическим протезом, каким бы он не был умным, точно подогнанным и напичканным электроникой. Достали!.. Эти штабные крысы, экономисты и бюрократы, рано или поздно сожрут нас заживо.

– Раньше вы считали, что они правы.

– И сейчас считаю, что они правы, и нельзя по-другому, только от этого мне не легче, и рука меньше не болит! Но все мы уделяем слишком много внимания справедливости, применяемой к нам, и слишком мало справедливости, применяемой к другим.

– Вы правы, лейтенант... Мы всех их уничтожим?

– Врачей? Даже не думай.

Айнер перевел на меня широко открытые глаза – он это про врачей больше себе говорит, чем мне. Но я тоже иногда об это подумываю... Так всегда – кто-то нам помогает, а мы не по справедливости их еще и обвиняем, потому, что мы хотим большего.

– Я про руггеров, лейтенант.

– Всех. Весь вид списали на ликвидацию.

– Вы ведете?

– Норвальд. Это, Герф, будет похуже, чем все наши боевые операции.

– Руггеры только животные...

– В этом все и дело, Герф. Не так много мы о них знаем – мы не знаем, что у них в голове творится. И медработникам мы жару зададим...

– Руггеры обычно насмерть рвут.

– Черт... И Ульвэр таких зверушек держит...

– Не такие уж они и ужасные.

– Герф, у меня после восстановления и трех дней не прошло. Все достало уже.

– Да мне тоже не хотелось бы все снова...

Мне, в общем, жалеть себя не пристало – не так долго я живу, и не так много ран еще получил, хотя когда это регулярно, надоедает очень. Все время что-то не то – вроде, после восстановления все прошло, и даже боль прошла, а через неделю все снова – и старые раны и новые...

– Лейтенант, а мы с врачами хоть на время поменяться не можем?.. Пусть повоюют, может, потом будут больше стараться...

– Ну да... А ты подумал, что мы на их месте делать будем?

– Так ведь что там – пройти курс обучения...

– Они будут воевать хуже нас, а мы будем врачевать хуже них.

– Может быть, если врачи воевали бы, то и войн меньше было бы?

– Странные у тебя гипотезы, Герф. Ты все дела переделал?.. Сейчас найдем тебе еще что-нибудь неотложное. Без работы не останешься. Пошли.

Айнер поднялся. Я даже кофе допить не успел...

– Герф, скоро Полуночный турнир. Начнешь тренировки после зачисток. Я буду тебя готовить. У нас будет победитель, Герф. Я хочу, чтобы это был ты. Понял?

Айнер, зачем?.. Я этого не переживу. Все эти мечты о победе на этом чертовом турнире... Это было так давно.

– Понял, лейтенант. Турнира уже давно не проводили.

– Да. Через два месяца, Герф... Этот турнир компенсирует все пропущенные. Добавится еще два уровня – сложность поднимут.

Я этого не выдержу. Если бы Айнер знал, как я хочу есть и спать, и просто согреться, и просто посидеть где-нибудь тихонечко... Полуночный турнир – это не просто название... На ночные бодрствования, даже если они пойдут заменой дежурств, меня не хватит.

– Будут парады, лейтенант?

– Да. Такие турниры всегда открываются со всей положенной важностью

– Значит, нужно зверей Ульвэра готовить...

– Норвальд тебя с постов снимет, и Ульвэр не будет тебе выставлять дежурств в зверинце. Что за нерешительность, Герф?

– Я устал.

– Выспишься. Будешь хоть весь день спать, только если мне медаль не притащишь, все отработаешь.

– Ясно. Я еще не проходил даже на последние уровни.

– У тебя с ближним боем большие проблемы.

– Стрелку это не так часто нужно.

– Всем нужно, Герф. Не отдам тебя инструкторам – тобой вначале Унхай займется. Он тебя через неделю мастером защиты сделает.

– Я не...

– Никаких нет!

– Я в защите...

– Будешь мастером защиты! Развивай слабые стороны! Ты же уже не раз проходил до восьмого уровня турнира, а дальше никак. С таким настроением ты никогда не победишь, Герф! А ты всегда об этом мечтал.

Айнер остановился и положил руку мне на плечо...

– Я сделаю это, лейтенант.

– Мне нужна твоя победа. Ты ее заслуживаешь.

– Да, вы правы, лейтенант.

Айнер скривил рот – улыбается...

– Вот и замечательно. А сейчас за дело.

Защита... Застрелите меня, кто-нибудь... и ,пожалуйста, сделайте это сейчас, безболезненно и быстро.

Запись №52 00 00 000 00:00

25. 04. 205 год Новой Техно-Эры 12:30

Я упал на койку лицом вниз. Я даже не знаю, как этот день все-таки кончился. Я знаю только то, что я этот день пережил. Зачистку этих подземных чудищ мы провели очень неэффективно – слишком уж капитан осторожно действовал, и Ульвэр своим личным присутствием мешал нам, как мог. Я вообще руггеров даже не видел, не то что излучал, – чему, в общем, рад. Мне их жалко. Я в их норах только заблудился – они настоящие зодчие подземелий. Очень запутанные у них тоннели-лабиринты. Темно, сыро, переплетения корней, которыми руггеры питаются, создают подобие свода в высоких тоннелях. Как причудливые люстры свисают с этих сводов огромные клубни – они слегка светятся, когда выключаешь фонарь. Все это у меня в голове превратилось в кусочки бреда. Вот так – набегался по тоннелям, разыскивая по наводкам затаившихся тварей, которые могут разорвать тебя на куски... Я вроде понимаю, что они животные... Только все равно жалко этих здоровенных тварей с блестящими гладкими шкурами, черными, как тьма их тоннелей... Может это из-за того, что Замухрышка вдруг стал ко мне относиться уж слишком хорошо. Раньше у меня таких проблем не было, а теперь я начал привязываться к “своим” животным – к своему руггеру-напарнику, к своей крысе, безропотно и понимающе выслушивающей мое нытье и жалобы на трудности и несправедливости жизни за кусок моего пайка. У моей крысы много имен... И эта крыса действительно помогает вспоминать... Вспоминать, что ты еще жив, что...

Я уже засыпаю. Только куски еще одного дня проносятся перед глазами – еще одного дня, который я просуществовал, как машина, несмотря на старания Айнера помочь мне осуществить мечту жизни... Лучше бы Айнер мне вообще не помогал. Он всех нас убьет. Сегодня после зачистки он не поленился смотреть на то, как Унхай опозорил меня в ближнем бою раз двадцать, и ко всему на глазах лейтенанта. Но единственное, что меня утешает – это то, что Унхай по полной выложился. Он был нападающим... После тренировки я умираю... и Унхай после этого чуть живой ушел... Месяц такой подготовки, и я точно умру еще до первого тура... А завтра нас снимают с постов и... Зачистку на весь день расписали. Может быть, и на ночь тоже... Завтра тот самый день, когда хочется очнуться уже после того, как все кончится...

Запись №53 00 00 000 00:00

25. 04. 205 год Новой Техно-Эры 7:10

Нет, этот ужасный день не исчез, а только начался. По подземным частям Штрауба разносится героическим и призывным эхом сигнал побудки. Скоро он перерастет в торжественный гимн приветствия нового трудового и боевого утра. Черт... Построение...

Нет, все теперь как-то не так... Кажется, что мы так же бодры и энергичны, как и прежде, но теперь так только кажется, потому, что наши действия так же слаженны и отчетливы, как и раньше... На деле – мы похожи не взвод легкой техники... Похожи всем – скупыми движениями, взглядами и мыслями, короткими и сжатыми не от переполняющих нас сил, – скорее, от стараний не потратить силы лишние. Особенно отчетливо эта наша непривычная скупая техничность отражена новыми бойцами.

Завтрак вместо пятнадцати минут – пять. Надо поторопиться...

Мы размещаемся в подземном городе – его теперь иначе не назовешь. Штрауб углубляет и распускает корни вширь – под землю теперь перевели не только воинские части, но и всю администрацию – и мы почти не поднимаемся на поверхность. Наши люди все больше и больше напоминают мне призраков – бледных и усталых. Все кругом серое и блеклое – особенно крысы, которых здесь в последнее время стало больше...

Сегодня никто нигде не дежурит – все освобождены, вроде, как от всего... В столовой весь взвод. Это не так часто бывает, что все мы здесь встречаемся, что все столы заняты – обычно кто-нибудь где-нибудь в дозоре стоит... Вид у наших бойцов не менее помятый, чем у меня, особенно

у тех, которые только посты сдали технике... От их навязчивой зевоты меня неудержимо клонит в сон... Я даже не заметил, что мне выдали андройды на раздаче – просто проглотил порцию чего-то, и пошел на сборный пункт... Тени не выспавшихся людей уже строятся, седлают “стрелы”... Все, как во сне...

Крик стаи немых ворон застрял у меня в горле – это, скорей всего, будет самая кровавая охота в истории Штрауба... Не знаю, заснул я или просто что-то пропустил, но мы уже на месте. Светит солнце, кругом черная с желтым разметка. Ветерок треплет прохладой коротко стриженные волосы, в них путается пух от прошлогодних колючек. Ульвэр, неподвижный, как монумент, стоит на вершине холма среди первых фиолетовых цветов на проталинах. Над ухом вьется и жужжит оса – полосатая, как разметка... Вроде, все спокойно, а бешенные скингеры рвут душу...

Уже схемы расположения в голове появились... Теперь надо как-то проснуться... Бескрайнее поле такое ровное и спокойное... Его разбили на секторы... Где-то над изумрудной травой и под фиолетовым небом протянулись тонкие полосы разметки... Издали кажется, что над полем завис осиный рой... Еще и “стрелы” тихонько гудят где-то в отдалении... Разведчики летают низко – вровень с притихшим ветром... А мы бродим среди их прозрачных от слабого солнца теней между нор... и ищем. Но никакие сигналы никак не регистрируются. Надо разбудить себя как-то пожестче. А то это затишье как-нибудь плохо кончится – с затишьями так всегда, когда им веришь. Только этот прохладный ветер... Он осторожно переносит над клочьями колючих кустов белый, как снег, пух каких-то других колючек... Ветер... Он бережно прикрыл мне глаза, припорошил этим мягким и теплым “снегом” мои волосы...

– Есть сигнал! Унхай! Веди! Зверь еще не затаился!

Унхай торопиться исполнять не стал... Он поднял на Стикка и без того узкие еще и прищуренные глаза – это явно не от неяркого света...

– Командир, излучение зверя идет от глухой скалы. Здесь либо неточны наши карты, либо нами неточно определено положение зверя.

– Карты вполне точны, и вполне точно определение положения этой твари! Это звери, Унхай! Звери, которые дробят камни и режут железо! И они не рапортуют нам о продвижениях! Сориентируешься. Пошел!

Унхай поджал и без того тонкие губы – так, что его лицо стало похоже на маску без рта и глаз... Я уже заметил, что все бойцы, которые прослужили в ледяной пустыни столько времени, что успели забыть все остальное, боятся здесь этого остального... Они привыкли не бояться смерти и чуждых жизни врагов, но теперь их пугает жизнь и живой враг... И больше всех напуган Хорн, который никогда не видел ничего за пределами ледяной пустыни... Он понимает, что каким бы тщательным ни был инструктаж, какой бы грамотной ни была подготовка к столкновению с подобными чудовищами, он перед ними уязвим, как никто иной... У него нет опыта и привычки, что дает нам расширение способностей и скорость реакций... Я вдруг осознал, что, кроме меня и Стикка, никто из тех, кто пойдет на этот бой, не знает достаточно хорошо, с кем ему предстоит бороться... Правда, кроме Унхая и Хорна, никто этого здесь не понимает... Черт... Эти недоделанные новые бойцы вообще ничего еще толком не понимают...

Перед спуском в нору Унхай с ожиданием одобрения посмотрел на Стикка... Стикк молча указал ему черную дыру глубокого провала, которая разом поглотила нашего сержанта... Я креплю трос и иду за ним, Хорн – за мной... Он от меня ни на шаг не отстает – в затылок дышит... Непривычно ему иметь дело со зверьми – он напряжен до предела, несмотря на усталость. Его напряжение передалось и остальным. Но я понимаю, что этого недостаточно, – я знаю этих зверюг лучше, чем все здесь... И я иду в эту темную нору с такой концентрацией, с какой захожу только за линию фронта, в тыл врага...

Спуск крутой и обрывистый. Руггеры всегда проваливаются под землю резко, как и вырываются из-под земли... Проход сразу ведет на глубину... Цепляясь за обглоданные корни, спускаюсь по иссеченным звериными когтями камням за сержантом...

Заггли фонари – зверь все равно засечет нас по фоновому сигналу раньше, чем увидит свет – он уже засек нас... Крадемся тихо к месту, откуда исходит его сигнал... Здесь главное не шуметь – по звуку ему проще определить наши перемещения, чем по фону... Зверь где-то очень близко, но

он в стороне... При этом тоннель прямой – никаких ответвлений и развилок – подходов к зверю, вроде, нет. Похоже, что он пришел в укрытие из другого тоннеля, не соединенного с этим... Но он очень близко – считай, за стеной...

Сигнал оборвался резко – зверь определил наше приближение, хоть мы и крадемся неслышно и незаметно... Он засек нас точно, а мы его нет... Но эти камни... На поверку они могут оказаться этими тварями... Если сигнал определен хоть с какой-то погрешностью, зверь может быть прямо здесь и быть неотличимым от этих припорошенных серой пылью темных глыб... Я показал Унхаю на бугристые стены. Он кивнул. Проверяем.

Излучатель холодно стукнул о камень... И снова камень заскрежетал под железным стволом... Хорн облегченно вздохнул и отошел было в сторону, но я схватил его за плечо... Под моим очередным ударом камень будто треснул... Нет, это не камень... Это почти как снежный наст – коркой ссыхается сырая пыль... Это здесь обычное дело... Но я не спешу уходить и бросать эту стену – я ищу неточности... С каменистых равнин сходит последний снег, утром серое небо осыпает эти камни моросью, вечером – обливает грозovým дождем... С горных вершин по отрогам через лог к подземным озерам стекаются бесчисленные ручьи... И шальной ветер бродит по этим подземельям – он сушит пыль до прочных корок, которые разохшись обращаются обратно в пыль... Ветер гонит эту пыль, выгрызая камни коррозией... Но затишья опять осаждают и прессуют пыль, а талый снег – вяжет, а ветер – сушит... Унхай зовет меня, но я еще стою у этой стены и ищу... Здесь нельзя думать о том, что что-то похожее на правду и есть – правда... Руггеры знают, что мы будем так думать... Они умеют скрываться и морочить нам голову. Здесь должно быть что-то... Ведь здесь что-то не то... Слишком тонкая эта подсохшая корка, слишком сырой под ней этот камень – слишком свежая... Хорн, затаив дыхание, припал на колено рядом со мной и собирался что-то спросить, но я прервал его еще не пущенный сигнал... Я провел перчаткой по камню и молча показал Унхаю руку... Он также молча качнул головой – ему не показалось, что еще не высохшая пыль вязкая, будто склеенная... будто слюной... Он призывает идти дальше, искать обход... Делать нечего, уже сделал шаг за ним, но напоследок со всей силы ударил по бульжнику прикладом... И пыльный камень открыл глаз!

Хорн спустил луч еще до того, как зверь обрушился на него всей ощетиной когтями и зубами тушей... Но убить его Хорн не смог... Недобитый зверь повалил его, рухнув только под моим огнем... Меня обдало пыльным ветром, и туша упала к моим ногам вслед за Хорном... Я еще не опомнился, а Унхай уже выхватил клинок, тревожно блеснувший в его дрогнувшей руке... До меня вдруг тоже дошло, что Хорну не выбраться, что мы его не вытащим до того, как... кто-то с другим бойцом еще пытаются оттащить зверя, но здесь тесно, а зверь тяжел... Я закинул излучатель за плечо и выхватил нож, резко одернув пришедших на помощь солдат... Вот теперь надо спешить... Унхай прав – иначе никак... и надо спешить... Уперев сапог в плечо зверя, я всадил клинок ему под лопатку... Алая кровь ударила мне в лицо, растекаясь по закрытому забралу шлема, туманя поле зрения... Он еще жив! Зверь жив! Его сердце работает! Этот мощный мотор еще гонит кровь! Я было схватился за излучатель, но Унхай уже перерезал ему горло... Вот черт... Зачем? Этот зверь такой здоровенный, он от потери крови не сразу подохнет, а мы... Его кровью обдало и нас, и камни... Его кровь затянула все скользкой пленкой, срывая наши упоры... Теперь и рукояти ножей просто выскальзывают из перчаток – выворачиваются, как крепко не хватай... А Хорн... Его сигнал все слабее... А мы даже не знаем, как тяжело он ранен... И здесь, в подземном коридоре, перегороженном тушей подышающего зверя, просто развернуться негде... И клинки у нас короткие, узкие... И меня, изогнувшегося чуть не до перелома спины, ищущего верной опоры среди покрытых кровавой пленкой острых камней, отбрасывающего за спину куски кровавой плоти, уже трясет от перенапряжения, но нож с силой продолжает терзать этого несчастного зверя...

Бойцы помогают нам, как могут – пытаются оттащить тушу зверя... вместе, вроде, получается. Боец бросил ножи, когда безмолвный до этого зверь захрипел, очнувшись для последнего вдоха, почуяв собственную кровь и боль, почуяв наш страх, – бросил и отполз к стене... Но Унхай, блеснув на него темным взглядом из-под незатененного забрала, вернул его в строй. Бросить нож, закрыть глаза – это и мне хотелось бы сделать... Я знаю, что не забуду это зверство, что такое

забвение нужно будет заслужить... Стараюсь не смотреть, как Унхай... Он не пристрелил этого зверя, перерезал ему горло... Уверен, он просто не учел, что это – зверь... Это ничего... Но его клинок... Слишком отточены и уверены его движения... Я вдруг вспомнил, что Унхай заслужил славу жестокого воина “драконов”, хоть я никогда не видел его жестокости. И мне как-то пришло в голову, что под жестокостью имелось в виду не что-то вроде нашей воинской беспощадности – четко прописанной и обусловленной необходимостью... А еще, что его нож, так же хищно и темно блистая, взвивался над плечами наших бойцов, впиваясь им в глотки, заливаясь их кровью... Но мы были – захватчики, мы были – враги... Только по плечам все равно пробежала дрожью какая-то мерзость... И вообще меня уже начало мутить... Это потому, что один из бойцов уже вытянул Хорна из-под истерзанной туши, уже проволоком его по кровавым клочьям... Припав к стене, я прикрыл залитые разъеденные подсыхающей испариной глаза... Под ногами зыбко хлюпает, будто болото... Оно липнет, густеет, пахнет сладкой горечью... Оно еще парит теплом, но уже остывает...

Хорну удалось избежать смертельного захвата этой зверюги, но это его как-то не очень обрадовало... Очнувшись, он долго не мог ничего сообразить – кажется, он и сейчас не очень соображает... Мы устало рухнули рядом с ним у стен, прямо в это багровеющее болото... Я, наконец, отключил забрало и стер со лба испарину, протер глаза, нанеся в них ссохшейся кровящи с перчаток... Руки трясутся от недавних усилий... Да и вообще...

– Встали... Пошли.

Унхай приказал, но сам не поднялся – только попробовал встать... Он указал нам на уже проводивших разведку муравьев, которые уже выслали отряды рабочих для транспортировки добычи... Скоро их здесь будет столько, что добычей можем стать и мы... Унхай все же поднялся и встал над душой Хорна, никак не могущего отойти от содеянного нами забоя... Хорн, пошатнувшись, встал на ноги, еще не веря, что ему только ребра сломали... Он с трудом и мрачным молчанием вырвал излучатель из мертвой хватки убитого зверя – руггер просто пригвоздил оружие к земле когтями... В одной руке Хорн сжал излучатель, в другой – когтистую лапу с перерубленным суставом... Я увидел, что его начал колотить озноб...

– Будь спокойнее, не то в следующий раз зверь не промахнется.

– Герф, это что?

– Обычное дело... Они слишком тяжелые – нам их здесь не оттащить...

– Ты знал, что он здесь?

– Нет. Просто они так часто делают... Они нам всегда голову морочат.

– Выходит, они умные...

– Не знаю... Но я стараюсь не считать их тупыми. Тот, кто считает кого-то слишком глупым или слишком умным ошибается чаще, чем тот, кто учитывает и то, и другое...

– Это Айнер тебе сказал... вернее, гвоздь в голову вбил...

– Хорн, он гвозди крепко вбивает.

– Знаешь, я заметил, что он всегда выбирает крайности. Учет и то, и другое... но только крайности. А есть еще и что-то среднее – просто среднее.

– Среднее... Это что-то вроде точки посередине меж точек конечных. Значит, учтя крайние точки, ты учтешь и среднюю меж ними.

– Герф, это ж...

– Просто я ему ответил примерно, как ты...

– Вот черт...

– Именно – черт, который вышел из льда и пламени... Кстати, ты его “видишь”? Он должен быть где-то неподалеку...

– Вроде нет... Я бы его фон узнал.

– Если бы он здесь был, было бы как-то...

– Здесь он не больше нас сделать может.

– По крайней мере вид у него всегда такой, что может...

Унхай опустил оружие и положил руку мне на плечо, всматриваясь в темень норы. Я тоже различил – кто-то бежит, очень быстро... Глухие гулкие уколы стен норного коридора – летящие

из под сапог камни. Биение запертой птицы – хлопанье о тесные стены распахнутой офицерской шинели. Черт! Адреналин захлестнул меня пеленой скорости, засвеченные панели излучателей в руках бегущего человека – сигнал готовности.

– Уходим!

Айнер ворвался в тишину еще до того, как мы подключили фонари с полной мощностью. Свет ударил по широко открытым тьме глазам командира, но он не остановился. Мы рванулись за ним. У меня перед глазами только крылья его бьющей по сапогам шинели, покрытой коркой, уже подсохшей матовой, почти черной, легочной крови. Кровь сохнет быстро, скоро даст трещины и разлетится пылью, но сейчас зверь еще чувствует ее. Унхай тоже заметил это. Но сейчас португали не дают Айнеру скинуть шинель на ходу. Нас уже нагоняет хрипящий грохот...

– Мы куда, командир?!

– Туда, где его застрелить можно будет!

– А здесь нельзя?!

Нет, Герф! Его лучи не берут! А мощным ударом коридор разнесем! Надо встать и крестом по грудице бить! А здесь не встать – задавит! Он близко!

– Это смертельный удар, но действует не сразу, командир!

– У него уже во лбу три дыры!

– И это не сразу!

– А что, сразу?!

– Не знает никто, командир! Они сильные и простые! У них одну систему сожжешь, другая еще как-то работать будет!

– Долго?!

– Не знаю, командир! Смотря, что сжечь!

– Он должен был ориентацию потерять, хоть частично, – я ему луч через голову пропустил!

– А он и без ориентации может, частично – по инерции!

– Тупые до неуязвимости и еще бронебойные! Герф, бросай шлем, защиту!

– Я добыю его, командир!

– Нет, бросай и уходим! Скорей надо! Наверх!

Я сорвал и бросил шлем, доспех и что еще под рукой было, чтобы не отстать... Айнер не притормозил, влетев в крутой поворот, – только резко стукнул в стену прикладом излучателя, отталкиваясь от нее. Я сильнее влетел в стену, и Унхай тенью обогнал меня, едва коснувшись стены... Теперь там сорвались скрежещущим визгом когти подбитого зверя. Унхай бросил один из фонарей, оставив позади нас стылый луч, когда нас обдало ледяным потоком, вытесненного мраком воздуха. Я не выдержал и обернулся – брошенный сержантом луч исчез, съеденный чем-то непроглядным, но оставил за ним тусклый ореол. Воздух, вытесненный этим темным поршнем, ударил по нам с новой силой и обдал осколками камней, разбитых когтями, как стекло. Унхай успел заметить мое движение...

– Не спускай на такой мощности! Свод рухнет!

– Его даже режущий луч не возьмет!

Айнер обернулся через плечо...

– Здесь переход! Узел норных тоннелей! Огонь крестом по команде!

– Есть!

Айнер остановился, прижавшись к стене плечом, а мы пробежали до площадки расширенного коридора.

– Огонь!

Я рухнул на колени перед стоящим надо мной бойцом и спустил луч снизу – кресты пересеклись, но мрак поглотил лучи, проносясь вперед и тяжело рушась нам под ноги... Зверь упал, оставив нас задыхаться в клубах едкого дыма от дымящейся шерсти, в плотной пылевой завесе, в темноте. Фонари потухли, мои глаза разъедены гарью, но сквозь оседающую пыль я вижу... Силуэт огненного зверя, будто идущего мне навстречу, дымясь и тлея в колебаниях раскаленного воздуха, разгоняемого холодом подземелий... Его полили химической отработкой и

подожгли... Я пустил луч ему в сердце, он споткнулся о другую тварь и упал. Я подошел ближе, огладил зверя по шее, как моего Замухрышку...

– Прости, что столько боли...

Тени мечутся передо мной, удаляясь... Я не понимаю... Тени меркнут, зверь гаснет – он отдает мраку последнее багровое свечение и исчезает, оставляя меня во тьме... одного. Одного!

– Командир, вы здесь?! Айнер! Я вас не вижу!

Айнер не откликается... никто не откликается... Но ведь я же обратился к одному Айнеру по его мысленной линии...

– Хорн! Кто-нибудь! Вы вообще где?!

Фоновый сигнал... Его нет... Или я его не могу найти?.. Никого не могу найти... Но они не могли далеко уйти, выйти за пределы восприятия... Или они?..

– Есть кто?! Отзовись!

Я крикнул в голос, и мне отозвалось издали лишь приглушенное эхо... Да куда они все делись, черт их дерь?! Не мог же этот зверь, оставивший меня во тьме, забрать их?! Что за бред мне в голову идет?! Я ощупью выбрался в коридор, где стоял Айнер... Нет, это не тот тоннель, из которого мы пришли – здесь воздух будто спертый...

– Эй, отзовись! Унхай! Дай поправку! Я не вижу ничего!

Никто не отозвался. И мне стало уже не в шутку жутко... Я обернулся, прислушиваясь, но ничего не услышал, кроме моего сбивчивого от растущего напряжения дыхания. Шагнул назад, но с растущим беспокойством понял, что иду вперед – в этот затхлый воздух... Развернулся, коснувшись стены – ничего... Это проход...

Нет, я не возвращаюсь, а захожу дальше по неизвестному коридору... Направление я потерял окончательно. Теперь потеряны не только мои соратники – мой доспех, мои фонари... все брошено мной для облегчения стремительного рывка где-то, неизвестно где. Я еще раз остановился слушать... и сорвался с места, как только мог скорее. Лязг нагоняет меня во тьме, мутит мне голову вихрями снежных ветров и звоном ледяных осколков... Я бегу, не оглядываясь, не видя, не слыша... и задыхаюсь... А лязг и гул нагоняют меня, становясь тяжелее и четче... Гоню от себя вой северных ветров – это было, но это прошло... Этого нет, мое легкое не пробито, изо рта не хлещет кровь... Но я все равно задыхаюсь...

Падаю, обо что-то споткнувшись... Изворачиваюсь налету и наставляю оружие в лицо тьмы... затихшей вдруг тьмы... Судорожно вдыхаю с болью обрывки воздуха, всматриваясь в пустой мрак... Ничего. Только боль коронует меня свинцово тяжелым раскаленным добела венцом... Боль сводит грудь хрипами, облачая меня в тесный доспех... А перед глазами... Черт знает что перед глазами стоит явью... Какие-то старые мечты о славе среди западных равнин... Их сменяет упрямое упорство борьбы с севером... И усталость от всего... Такая усталость, что глушит боль и останавливает дыхание... Я засыпаю... и умираю...

Я уже не смотрю во тьму, с мукой вбирая последний вдох... Легкие, будто склеены и ссохлись – они не пускают воздух... Я откинулся на спину, запрокинув голову, и ошейник давит горло тисками... Но головы поднять я не могу. Я судорожно сцепил пальцы, захватив что-то мягкое, что-то хлюпающее в сжатой ладони – что-то холодное... Я упал, запнувшись об это...

Что-то впилося мне в голову, нарушая мое забвение... Что-то настойчиво бьется в висках, принуждая к действию... только я не понимаю, к какому... Оно не уходит, хоть я и пытаюсь прогнать... Оно заставляет, и я пытаюсь встать...

Припал на колени – отдышаться, откашляться ото сна... Но только хуже стало – будто воздух отяжелел, будто опутал легкие какой-то паутиной... Попытался нашарить фонарь, но вспомнил, что его нет. Под рукой что-то скользкое – кажется, что камни покрыты какой-то липкой пленкой... Чуть отойдя от едкой гари, еще не прогнанной мной бесследно, еще отчасти забивающей запахи, я начал чувствовать этот – цепкий, сводящий скулы запах застойной крови. Черт... Это не их кровь – наша... Повозившись в кровавой луже, мне удалось что-то нащупать... Снял перчатку, чтобы понять, что именно, но сразу отдернул руку от обломка клыкастой челюсти. Черт! Я вскочил на ноги, которые сразу подкосились, и упал обратно в опутавших меня вязких брызгах... Что-то неуверенно коснулось моей шеи сзади... Я перевел оружие на цель, но что-то выбило излучатель у

меня из скользких от чужой крови рук, будто свалившись на него сверху... Что-то дернулось и скользнуло под рукой холодом, когда я старался его отыскать... Я с рвущим легкие хрипом отпрянул к стене, и по глазам ударил свет – такой же ослепительный, как кривая усмешка Айнера...

– Отдыхаешь?.. Хватит тупить, Герф, – это брошенный тоннель. В нем газы ядовитые скапливаются. Здесь без маски ходить нельзя. И вообще... что ты нас не дождался? Пока ты возился сдохлым руггером, у Хорна легочное кровотечение началось – мы с бойцами его к выходу из тоннеля потащили... Держи маску, и не снимай. Здесь до черта таких мест...

Я пытаюсь что-то сказать, но не выходит. Айнер идет ко мне, мерцая и мутясь у меня в глазах...

– Соберись, боец!.. Вечный покой еще заслужить надо!..

Я закрываю глаза... Но костлявая рука впивается мне в шею, резко подымая мою голову... Что-то закрывает мне лицо... и я дышу...

– Какой черт тебя дернул переть в эту глушь?! Ты бы и на месте газа ядовитого надышался до дури! Соображать надо! Эти коридоры заброшены зверьми! И тупому понятно, что не от дури удалой они новые дороги среди скал проложили! Это ж труд какой убойный!

– Зброшены? Но они...

– Не они. Мы за тобой гонялись во мраке непроглядном, сапоги об камни разбили. Хорошо, понял, что тебе яды в голову крепко ударили и зверье кругом мерещится. Решил тебя временно воле вольной в распоряжение передать – подкрасться тихонько, чтоб не спугнуть и не гоняться за тобой по отравленным норам.

– А где все, командир?

– Да здесь все... Ты дольше всех по глуши бродил без маски – один далеко ушел.

– А Огненный Зверь?

– Глеет еще...

– Он был?

Айнер посмотрел на меня серьезным светлым взглядом через кривую усмешку...

– А то как же... Только не такой огненный, как тебе казалось, Герф. Встать можешь?

– Так точно. Я в порядке.

– Это вряд ли... Но ничего, вставай и пошли. А про зверя ты с Хорном выясняй – он до сих пор зубами стучит, бесстрашный воин великих северных войск.

Я, еще щурясь, обвел взглядом небольшую площадку, затопленную кровью, которой перед гибелью человек обменялся со зверем. Бледный червь скользнул по моему излучателю в темноту... Унхай подобрал мое оружие и бросил мне – он равнодушно одернул китель, выправил сбившуюся португую и встал позади Айнера. Я ободрал с ладоней слипшиеся в запекшейся крови клочья черной шерсти и надел перчатки...

Подбирая брошенные шлемы и защиту, вернулись к разрезанному нами по кускам зверю... Хорн только что из медчасти – он невольно схватил меня за плечо дрогнувшей рукой... И правда, зрелище ужасающее – черный зверь, раскромсанный по кускам, будто мелко и прерывисто дышит... Это черные муравьи, плотно обступив его, непрерывно движутся, проложив по его мертвому телу широкие дороги, стачивая плоть до костей... Их добытчики взбираются на эту мясную гору и спускаются с ношей, повторяя действия с механической точностью... Все кишит ими... Они везде, всюду...

– Унхай! Не задерживайтесь здесь – не то сожрут всех заодно со зверем! И смотри, осторожней будь! Здесь и полку сгнуть нетрудно!

Айнер отправился искать Стикка с его уцелевшими бойцами, взяв одного бойца в сопровождение у нас.

Унхай уже ушел вперед... Я напоследок еще раз глянул на этого изувеченного зверя... Жаль мне его – этот мощный и гордый зверь, хозяин этих скальных подземелий, которому подвластны и камни, валяется теперь кусками у нас под ногами... Конечно, он Хорну чуть голову не снес... Но в этом, в общем, только мы виновны – не он к нам с оружием первый полез... Я рад, что Ульвэр этого сейчас не видит... Он знает... Но знать не так жутко, как видеть...

Чем больше мы углубляемся в тоннели, тем меньше приходит мне мыслей о том, что это царство подземных великанов – теперь я думаю, что это логово кошмарных чудовищ... Пробираться среди этих темных берлог и переходов меж ними становится все труднее... и опаснее... Но я, как никто хорошо это понимаю, и вязкая дремота продолжает затягивать меня с прежней настойчивостью... Она наваливается тяжелым туманом от окружающей нас тихой темноты, от нашего молчания, от крадущихся шагов...

Свободной рукой я хватаюсь за торчащие со всех сторон обглоданные корни кустов, большая часть которых, видимо, находится под землей, сверху только колючки какие-то... Все оплетено этими корнями, как сетями... и мы пробираемся через них – через их прорывы и проломы... Мы обходим по звериным тропам скалистые расщелины и уступы, переходим ручьи, продираемся сквозь бурьян и бурелом подземных чащоб... Мы зашли уже в самую глушь, и идем медленно, стараясь не шуметь, не спотыкаться... Но все равно запинаясь, продираясь через этот потесненный и придавленный подземельем лес... Над головой мерцают звезды – это кристаллы, их отсветы от наших фонарей... Под ногами блестит их пыль...

Мы ищем, но никого не находим... И я засыпаю, хоть порой опасность остро колет под ребро... Руггеры нас почуяли – затаились, спрятались. Я знаю... Они где-то здесь... Они ждут, не выходят... Я уверен, что мы просмотрели их, оставили их за спиной... И они выйдут к нам... не сейчас – после... Перекроют нам проходы... и разорвут... Но я не могу проснуться, очнуться от преследующего меня ядовитого забытья, отбиться от старой усталости, еще с утра бредущей след в след за мной... А тоннель разделяется... И мы тоже разделяемся... Но я от этого только больше хочу спать, хоть что-то с силой царапает холодными когтями за грудной клеткой. Обычно, когда напряжение растет, как бы я не был выжат – просыпаюсь сразу, а сейчас... Сейчас и Хорн опирается о стену все тяжелее... И следующего за ним бойца покосило – перекошен и он, и его оружие... Унхай еще идет впереди, но и он растирает глаза вялой рукой в пыльной перчатке...

– Унхай, дай передохнуть!

Сержант Хорну не сразу ответил – вообще не ответил, а лишь едва заметно покачал головой...

– Унхай, только дух перевести!

– Нет, Хорн, нельзя здесь стоять.

Хорн пресек сигнал, обгоняя меня...

– Унхай, идет кто-то... К нам идет!

Унхай, скорее по инерции, вскинул оружие, но разглядев в полумраке приближающегося к нам офицера, опустил. Офицера я не узнал – он мне незнаком. Это вроде капитан S7 – точно определить не могу, его погоны погасли, а шинель замарана темной кровью... Верно, это изможденный и бледный, очень худой офицер S9 или S11 – от этой худобы он и кажется выше, чем должен быть... Похоже, он ранен и идет с трудом, опустив голову... Он тащит офицера – незнакомца, с пометкой S9 на погонах. Странно встретить здесь высших офицеров, но и их, верно, в оборот взяли. Он, видно, ранен тяжелее и без сознания... Офицер, увидев нас, остановился, но когда Унхай пошел к нему, взяв в помощь бойца, опустил голову еще ниже – так, что его лицо оказалось почти закрыто поднятым воротником шинели... Я было подумал, что он сейчас рухнет чуть незамертво... Такое часто бывает – человек, одержимый целью, идет через боль, преодолевая все тяготы пути, но стоит ему исполнить задачу, падает на месте, как подкошенный... Думаю, и с ним так же – он передал нам раненного и... теперь нам придется тащить их обоих... И надо будет спешить – иначе они приблизятся к смерти до того, что не будут приняты медслужбой, и Унхаю придется избавить их от мучений...

Но, похоже, офицер не намерен отдавать нам раненного... и вообще в контакт вступать не намерен... Унхаю пришлось перейти на обычную речь – значит, офицер ментальному сигналу не отвечает. Я сосредоточился – ментальный фон у него слабый, безжизненный... Чего доброго, умрет сейчас... Правильно Унхай сделал, проявив настойчивость и приняв у этого изможденного офицера его ношу... Но Унхай замирает, беря раненного... Мертв. Унхай кладет его у стены, проверяя его браслет, который, видимо, поврежден и не дает сигнал о смерти... Он берет офицера за плечо, стараясь поддержать... Объясняет ему дело... похоже – безуспешно...

Офицер приставил дуло излучателя Унхаю к груди... Это он зря... Мы с Хорном подтянули нервы ту же и подняли оружие... По гаснущему сигналу офицера наши излучатели наводку не дают – беремся за настройки луча, скоро их задавая... Ждем. Не знаю, чего именно, и не хочу знать... Сержант медленно разводит руки, бросая оружие, отступает... делает движение в сторону лежащего у стены мертвеца... Но движение это – лишь тень... Унхай резко схватил и с силой одернул руку офицера вниз, выхватив оружие из ладони, разжатой под его жестким захватом, судорожным рывком... Я еще не успел сообразить, что произошло, как мой разум разорвал крик Хорна...

– Стой! Унхай! Не делай этого! Нет!

Я бросился к Унхаю вслед за Хорном, бросая оружие, бросая все... Его клинок упал, грубо выбитым мной острым зубом. Но упал и офицер, поливая кровью наши сапоги... Кровь бьет с напором из перерезанного горла... Здесь мы бессильны – слишком быстро он теряет кровь... Она уже не бьет – течет спокойным широким потоком... который скудеет у нас на глазах. Хорн сползает по стене на пол, роняя голову на руки... Остальные бойцы испуганно и растерянно смотрят на меня, будто я больше них понимаю... Спокоен только Унхай – он подбирает нож, оттирает его о рукав...

– Унхай... Что ты сделал?..

– Молчи, Герф... Мне нужно слышать все... Иначе нет ничего – можно только слышать...

Я с досадой бессильно развел руками и остался стоять рядом с ним... Ищу сигнал Айнера или Норвальда...

Запись №54 00 00 000 00:00

26. 04. 205 год Новой Техно-Эры 3:30

Кто-то безжалостно терзает мое плечо... Я с трудом поднимаю прикрытые усталостью и ожиданием веки...

– Где офицер?!

Я открываю глаза...

– Где офицер, Герф?! Черт! Где он?! Отвечай!

Я указал место, но Айнер плеча моего не отпустил... Его нервы, видно, замкнуло – он зол, и его зло впивается мне в горло его костлявыми пальцами...

– Герф! Что произошло?! Где мертвецы?!

Я постарался сбросить с себя сонное оцепенение... Но Айнер подтащил меня к стене еще до того, как я это сделал...

– Где кровь, Герф?!

– Здесь была, командир, и здесь...

– Где она?!

– Здесь... Должна быть...

– Здесь и должна быть здесь – разные вещи!

– Я не знаю... Айнер, отпустите меня! Я, что знаю, сказал!

Айнер со злобой отшвырнул меня к стене, чем окончательно разозлил и меня... Я, сбросив сонную пелену, вскочил на ноги и... Только сейчас заметил, что все – спят... Спят – будто упав там, где стояли... А Айнер будит Унхая, который никак не поддается...

– Ваших создателей!.. Здесь загрязнение! Воздух негоден! А вы маски сняли! И смеете еще передо мной хладными трупами валяться после этого преступного упущения, приведшего к преступлению!

Я сообразил подключить маску еще до того, как это сделает Айнер, выбив мне зубы или еще что похуже... Мы исправно следили за показателями загрязнений, но... недолго... Видно, и убитый офицер забыл про строгие инструкции – слишком уж их много при таких охотах, вернее – боях... Надо было сообразить, что раз нас никто не попытался разорвать на куски – никого просто не было... Эти тоннели покинуты проложившими их зверюгами...

“Спутник” Айнера, явившийся по первому зову, что-то вколол нам всем... От других Айнер еще ничего не добился – удар снова предстоит принять мне...

- Его найти нужно, Герф. Собери мозги обратно и пошли.
- Командир, я не уверен теперь, что он вообще был, – этот офицер...
- Мне плевать, уверен ты или нет – я уверен.
- Но тело исчезнуть не могло...
- Исчезнуть – нет, пропасть – да.
- Должно быть, его руггеры забрали...

Бойцы отошли, Хорн поплелся за Унхаем, а мы с Айнером остались одни... Айнер, уже ушедший вперед, остановился, обернулся и приковал меня к стене пристальным взглядом...

- На кой черт он руггерам нужен?!

Айнер подождал, не отводя от меня пронизательного взгляда – видно, ожидая, вдруг я сообщу ему, что руггерам мертвые офицеры обычно нужны... Но я только пожал плечами – мне это в голову пришло только за неимением лучших предположений... Айнер с видимым облегчением кивнул головой, но на усмешку этого облегчения не хватило...

Я осмотрелся – все, не так, как было... А у меня в голове еще плывет туман... А поверх него мерцают в хрупком и холодном свете наших фонарей плети белых тонких корней, оплетших темный свод, с которого звездами блистают разбитые когтями зверей кристаллы... Вдали темнеет мглистый каменный коридор, не оставляющий следов, и растерзанные бойцы в потускневших доспехах будто укрыты этой мглой, как сонным зельем... И это загадочное исчезновение убитого рыцаря покрывает мои плечи тайной, как плащом...

- Герфрид! Под ноги смотри!

Айнер идет впереди – в призрачном ореоле его шинель разлетается темными крыльями...

- Герфрид!

Сердце замирает в груди с каждой гулкой и далекой каплей воды, с каждым всполохом далеких искр этих сияющих всем спектром камней... И Айнер влетает в это сияние хищной птицей...

- Герф! Сказал, смотри под ноги!

Эта хищная птица метнулась ко мне, обхватывая меня сухими когтистыми лапами, вперяя в меня взгляд, как в добычу...

- Герф! Это тебе не музей, чтоб по сторонам глазеть! Под ноги смотри!
- Так точно...
- Черт... Вышиби из головы эту отраву! Я тебе сейчас еще нейтрализаторы вколю!
- Нейтрализаторы работают, командир...
- Особенно у Унхая, который ничего не помнит и еле плетется позади.

Айнер отпустил меня, но вперед пошел не так скоро, часто оглядываясь на меня... Здесь воздух чист, и есть опасность столкнуться со зверем... Командир проверяет проход, и я стараюсь, как могу... Но сознание яснее с трудом, и сны кружат голову, сплетаясь в глазах с явью... В этих подземельях с этими кошмарными тварями обитают и древние духи охоты, чьи кони и своры проносятся по небу с грозой... И эти гулкие своды хранят клич охотников, стук копыт их боевых коней, лай их собак и вой загнанных ими волков... А с ветром по этим коридорам разносится призывный зов охотничьего рога...

- Что тебе снится, Герфрид?

– Вы слышите?.. Этот ветер... Он приносит отголоски рога, сзывающего охотников к загнанной добыче...

- Не знал, что ты такой мечтатель.

Айнер сухим обрывистым сигналом подрубил корни моих грез – сейчас выкорчевывать будет...

- Я стараюсь, командир...

– С тобой дальше идти опасно. Или ты выбьешь сон из головы сейчас, или отправишься обратно, к спящим – выбирай. Выберешь неверно – за тебя выберу я.

Пришлось спешно и жестоко разогнать своры гончих... Ясно, что Айнер меня спящим возвращать не собирается, ясно, что он собирается из меня сон вышибать при моей неудаче с

пробуждением. Я достаточно его знаю... Он никому об этом офицере знать не даст, пока с ним сам не разберется... Он пойдет один при нужде, но постарается взять меня с собой – здесь одному ходить никак нельзя. Надо мне напрячь все силы, чтобы отогнать этих псов, мечущихся по стенам тенями...

Мы с Айнером бродим уже достаточно долго, но никаких следов не нашли. Правда, какие следы на битом исцарапанном зверюгами камне? Не нашли мы ни окурков, ни ключев шерсти, ни пятен крови – ничего, что могло бы свидетельствовать о присутствии людей, зверей или хоть этих мертвецов... Что-то заставило меня замедлить шаг, и я стал вспоминать... Наша форма почти одинакова, и на опознавательные знаки мы скупы (ведь ранг, род войск и подразделение мы определяем чаще по одному мысленному фону). Я остановился. Хотел окликнуть Айнера, но не решился. Надо вспомнить, какой цвет формы этого незнакомого офицера был скрыт под грязью и кровью. Нет, не неясно было, что за изодранная шинель была на нем. Не видны были ни его погоны, ни кокарды, ни бляхи – ничего... И с чего я решил, что он – наш?.. Он явно был слишком высок для того, чтобы быть капитаном... И лицо он прятал... Вдруг мне вспомнился клочок длинных блеклых волос в руках Стикка, который он раздобыл в каком-то буреломе, в лесу...

– Айнер! Стойте!

– Что, Герф?

– Он ушел... Он забрал мертвеца и ушел... Это он был в лесу... или кто-то из них...

Айнер подошел ко мне, решительно сжав, с силой сдавив мое плечо, всматриваясь мне в глаза, выискивая в них мои сны...

– Герф, мне ваши легенды стоят поперек... Избавь меня от этой чуши!

– Это не чушь... Стикк видел их... И вы... Вы их видели – тогда, на севере... Они спали, выбрав укрытием закрытую базу во льдах, и дезертиры разбудили их... Они долго спали, но проснулись...

– Подумай, что ты несешь... При такой температуре нельзя не замерзнуть. А спящий мерзлым сном не способен проснуться.

– Они могут... они не полностью отключены...

– Если допустить это, придется допустить и то, что у них по венам течет незамерзающая жидкость вместо крови.

– Что-то подобное... Конечно, иначе лед разрушил бы их...

– Герф, такие белки – привилегия насекомых.

– Не только... они такие...

– Хладнокровные твари, которым особо без разницы, сколько ног ты им оторвешь?

– Не только... Они могут засыпать хладнокровными и просыпаться теплокровными... А когда не очень холодно, они ходят... И мы не видим их, когда их кровь не горячее, чем воздух... Но тогда они для нас схожи с мертвецами – их излучения слабы и сигналы тихи...

– Герф, сказал же – кончай с этим! Тебе и Стикку частые охоты в чащобах голову заморочили! Охотились вы черт знает на что и мерещится вам теперь черт знает что! Нет таких тварей! Таких давно нет!

– Но ведь они были...

– Теперь их нет – теперь они части легенды, как альвы и тролли!

– Но альвов не было, а они...

– А с чего ты взял, что альвов не было?

Я ошалело уставился в светлый и серьезный взор командира... А он только крепче сжал мое плечо...

– Айнер, альвов не было...

– Это не помешало вам с Владом и Ларсом Стикком их увидеть – альвов из Швартальвхайма. Влад, думаю, был уверен, что видел леших в лесу, а вы с вашим взводным точно видели альвов и точно из Швартальвхайма. Особенно, когда дело было среди ледников у границ Альвэнхайма.

– Командир, я серьезно...

– И я не шучу, Герф... Ты не знаешь, что Альвэнхайм построен меж скрытых для нас границ царств Альвхайм и Швартальвхайм. Среди этих ледников встречаются и светлые, и темные альвы –

и горе тому, кто попадет в руки к темным... К этим снежным равнинам со скал сходят и тролли, наши извечные враги... Только поэтому наши генералы приказали воздвигнуть эту северную крепость, вздымающую башни над мертвыми льдами... И только поэтому замерзший город стал центром генной инженерии нашей системы. Неужто ты не знал, что генерал Снегов ведет род от светлых альвов, а генерал Тишинский вел род от – темных?

– Но они... Они не наши... не изначально наши...

– Неужто ты не знаешь, что мы делились друг с другом технологиями с давних времен, вместе разрабатывая нашу технику?

– Знаю, но...

– Здесь не иначе. А вот “драконы”...

Что-то тяжело упало мне на плечо и на руку Айнера... Мы обо вздрогнули, хватаясь за оружие... Но в свете фонарей от нас уползает лишь бледный подземный червь... Айнер как-то не к месту весело рассмеялся... А у меня по спине будто еще один холодный червяк прополз...

– Айнер, это ведь...

– Точно, не правда. Простой ты, Герф, как... Этого червя обмануть сложнее... Верись всему...

– Не всему, а вам, командир...

– Просто нужно было проверить уровень твоей доверчивости к сказкам. Ты тест запорол...

– Вот черт...

– А ты что думал? Что я здесь с тобой шутки стану шутить?

Да, я и правда об этом подумал, и это правда, что глупо об этом думать, – особенно здесь... Но пусть Айнер считает меня доверчивым простаком – я уверен, что убитый Унхаем офицер встал и ушел... И еще я уверен, что он – офицер высшего ранга, только не такой, как мы... Влад давно заподозрил... он давно заметил... Влад и тогда был убежден, что они еще есть, что они еще среди нас... Просто, они похожи – мы путаем их с нами... Мне стало вовсе жутко в этой изломанной кошмарными зверьми каменной темноте, когда я подумал, что эти “чужие” могут быть где-то рядом... Ведь такое существо почти невозможно уничтожить... Ведь первое поколение – не люди...

Досадно, что я Айнера не убедил... Он ведь задумался об этом серьезно... А я его разубедил этой чушью, перекрывшей эти важные догадки... Черт бы эту его проверку...

– Герф, по сканированной карте здесь должна быть ниша... Зверь здесь...

Что-то темное навалилось на меня со спины, раздирая острыми когтей мою руку... Айнер пустил луч ровно между глаз этому остервенелому руггеру. Я успел отскочить от падающей туши.

– Ты серьезно ранен?

– Вроде, нет. Когти вскользь прошли.

– Все – нам здесь делать больше нечего. Сектор зачищен, пошли на выход.

Запись №55 00 00 000 00:00

27. 04. 205 год Новой Техно-Эры 06:15

Ульвэр так и стоит на вершине холма, зябко сложив на груди руки... его длинная шинель вьется по ветру. Я сижу на склоне холма и смотрю на Айнера, носящегося по полю прошлогодних колючек, его шинель волочится за ним, поднимая пух, будто снег. Норвальд погиб. Но по его типу уже готов техноклон.

Унхай тяжело ранен, а Хорн в ступоре так и стоит у узкого горного отрога.. Он, как и я, наблюдает, как убитых и раненых, разодранных людей, обожженных зверей и покореженную технику загружают в тяжелые транспорты, – разбираться позже будет. Когда вижу это и вспоминаю про истребление, у меня слезы на глаза наворачиваются...

– Герфрид, пришла пора.

Я вскочил, отдавая честь Ульвэру, подошедшему ко мне сзади.

– Шаттенберг не продержится и трех месяцев, и Штрауб будет закрыт защитным полем.

Ульвэр вложил карту памяти в мою раскрытую ладонь, и сжал мою руку в кулак.

- Стикк поможет тебе, боец. Следуй за ним.
 - Так точно, командир.
 - Исполняй долг. Эта карта не должна быть захоронена в пределах Штрауба. По Штраубу скоро придется основной удар.
- Стикк, как по немому приказу, явился за мной...

Запись №56 00 00 000 00:00

28. 04. 205 год Новой Техно-Эры 04:19

Стикк зашел ко мне, и взял за плечо...

– Нам пора.

Я покорно поднялся, и последовал за ним в подземелье. По ходу он сунул мне в руки коробку, размером с мою ладонь.

– Не пропускает ни магнитных, ни радиоактивных излучений. Положи в нее карту памяти. В ней мы ее и захороним.

– А где?

– Ульвэр дал все схемы... и специальную программу – после падения Штрауба пойдет открытый сигнал.

– А это не противозаконно?

– Ульвэр нас поддержит – он все обсудил на последнем Совете с “белым генералом”.

– Все так серьезно?

– Серьезней некуда. Никто не ожидал такого от простых солдат...

Я не понимаю, куда мы идем... спускаемся все ниже и ниже... Стикк разомкнул врата, и я понял, что мы на свалке металлолома.

– Герф, подключай мозги и ищи голову андроида...

Он спроецировал киберпространство, чтобы найти искомый объект. Это очень древний андроид – полностью копирующий человека. Мы разбрелись по свалке, разыскивая черт знает что...

– Есть, командир! Только зачем он нам?

– В его памяти недоступная другим носителям информации. Он даст нам дополнительную информацию, не только о том, как воссоздать руггеров и скингеров, но и... Я знаю, Герф, что ты их видел – чужих... первое поколение бессмертных...

– Но они были признаны не людьми, и их уничтожили.

– Видно, не всех. Их очень тяжело уничтожить.

Стикк взял и голову андроида, и контейнер с картой... Наблюдаю, как он открывает его, как сует в отверстие за ухом этой древней машины, как он активирует его...

– Процесс запущен. Осталось толь подождать.

– А почему мы делаем это ночью, раз Ульвэр позволил...

– Чтобы других не пугать. Они все думают, что Штрауб простоит вечность.

– А теперь, куда?

– За территорию Штрауба. Ты готов к адской скачке? Ты с Замухрышкой справишься?

– Постараюсь.

Запись №57 00 00 000 00:00

28. 04. 205 год Новой Техно-Эры 05:19

Замухрышка меня узнал и свободно впустил в свою “нору”. Стикк, как всегда, взял Хорошего.

– Герф, вторым держись и дистанцию соблюдай. Готов?

– Готов, командир.

Мы понеслись по темному тоннелю в неизвестном мне направлении. Плутаем так, что один я дороги назад не найду... Притормозили около дыры в коробе базы, пробитой руггерами.

– Нам что, туда?

– Да, Герф. Ложись зверю на холку, и вперед...

Руггеры почуяли волю и рванули в свои тоннели. Я только и успел припасть к шее этой твари. На ходу Замухрыш успеваает хватать огромных червей, зависающих под сводом на неглубоких корнях.

– Стой! Это здесь.

Я притормозил подальше от Хорошего и заложил в нишу контейнер.

– Командир, а если своды разрушатся при атаке?..

– Выруют. Здесь самое надежное место. Нам надо проехать вперед, чтобы развернуться... Хороший ушел вперед, а я заметил светлый взгляд из противоположной арки. В луче фонаря замерцало бледное лицо.

– Я знаю, кто ты... Это для всех, кто выживет, и для вас.

Хороший уже далеко, я задержался – нагоняю его в спешке, чтобы не потерять сигнал и не заблудиться. Мы вылетаем наверх по крутому склону и тормозим. Уже рассвет, в дали синеют леса, и стоят окруженные вечным сном горы в фиолетовой дымке. Стикк повернулся ко мне...

– Герф, не хочешь уйти? Это последняя возможность...

– Нет, системы я не покину, как и вы... И как мне без Лесовского...

– Ты присмотришься...

Мы стоим на проталине среди белых первоцветов, за нашей спиной дыбится Штрауб...

– Нет.

– Возвращаемся.

Запись №58 00 00 000 00:00

Мысли путаются от радости, как и лапы...

– Айнер! Айнер! Я нашел! Я знаю!

Он тут же вскочил, схватил меня и встряхнул...

– Где?!

– Не знаю. В руггеровской норе какой-то. Но он оставил сигнал – обычный, не ментальный какой-то!

– Мы все дураки! К черту! Надо было сразу соображать, а не тупить, ища нечто сложное и запутанное! D40, ищи сигнал!

– Совсем рядом, S9.

Тогда – вперед! Замухрышка! Подъем!

Гигантский зверь поднялся во всем своем устрашающем великолелии, послушно пошел за Айнером...

– Подождите! Я с вами!

Наскоро побратались с крысами, и я припустил за “защитником”, еще светящемся в тоннеле.

Зверь глубоко утопает в снегу, а я Лечу по насту за Айнером.

Это здесь! Замухрышка! Рой здесь!

Зверь быстро разбросал комья снега, закрывающие вход в нору, Айнер его оседлал, и они вместе сгнули во тьме тоннеля. Идти за ними я не смог – там же руггер порядок наводит.

Долго ждать не пришлось – Айнер вылетел из норы, припав к холке зверя... в его руках контейнер с картой памяти...

– Айнер! Айнер! А что дальше?

– А дальше мы летим в Ивартэн.

– Как?!

– Город сохранен. Все заводы, делающие то, что нужно людям, не тронуты – только отключены. Мы сможем их подключить и устранить неполадки. Теперь мы все сможем!

– Айнер, возьми меня с собой! Я так хочу посмотреть!

– Бойцы из первого поколения уже собирают для крыс для транспортировки. Но тебе там не место, как и Замухрышу. Останешься с ним.

– О, нет! Разве не я все нашел?! Мне после всего там и место!

– Ты не выдержишь полета на такой скорости.

– Выдержу. Айнер, ну возьми меня с собой.

– Хочешь рискнуть?

– Ради такого дела...

– Только не ной потом – когда перегрузки начнутся.

Подошедший транспорт открыл дверь, Айнер посадил меня на первое сидение этой остроклювой птицы и пристегнул, как мог. Он сел рядом, задавая программу...

– Полетим быстро. Помни – не ной.

Вдруг транспорт резко поднялся над землей – так высоко, что руины Штрауба стали маленькими. И рывок вперед... Я еще никогда не летал вот так – красота какая, только уж очень вдавливают в кресло... и рывки при полете какие-то рваные... Как бойцов здесь не укачивало? Меня уже начало. Стараюсь дышать ровнее, но не выходит, и в глазах все мелькает...

Запись №59 28. 04 205 05:19 Эры Единства

Лапы дрожат – не только от страха, но и от холода. Айнер схватил меня за шкурку, и потащил по переходам какого-то здания. Я сразу понял, что мой первый полет не получился. Придется восстанавливать репутацию здесь, хоть я еще не все понимаю.

Я лег на пол там, где меня Айнер положил, и стал наблюдать за процессом. Крысы серыми ручейками растекались по конвейеру, люди из первого поколения проводят им инструктаж. Айнер встал рядом со мной, скрестив на груди руки. Вот уже вспыхнул свет где-то далеко – на черной ленте замерцали “иглы” корректоров... они поднялись в воздух, и полетели по коридору на выход звенящим роем. Я прислушался к Айнеру.

– Исходя из этих данных, вы сможете следить за планетой. Только вас слишком мало – надо будет поднять вашу численность. Крысы вам помогут. Заводы по человекостроению подойдут, если внести правильные данные. Поднимите численность руггеров и скингеров – они на грани вымирания... А главное... Я вам доверяю.

Айнер отдал мне честь и пошел на выход... У дверей он обернулся...

– Кот, ты стал историком, тебе это пригодится.

Он всунул в мой ошейник карту памяти – его памяти... теперь я узнаю, что происходит там за чертой...